

СОДЕРЖАНИЕ

ОДОЛЕВАЯ УКОРЕНЕННЫЙ ГРЕХ

Александр Миронов. Либерализм: канун исчерпывающего саморазоблачения. 2

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Е.С. Роговер. Роман И.А. Гончарова «Обрыв»..... 8

А.Н. Миронов. Роман И.А. Гончарова «Обрыв»
как история разрыва либеральной любви. 14

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

Наталия Ульянова. Мифы и легенды о сотворении мира (эссе) 23

Булат Тугельбаев. О карпах и Чичиковых. Вагонные споры.
Поместье сурикатов. (рассказы). 27

Михаил Жаров. Пастушка и свинарь (рассказ)..... 36

Евгений Мюллер. Где живут выдры (повесть)..... 51

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Стихи Юрия Иванова, Нияры Самковой, Старикана Владислава,
Наталии Песенько, Ирины Бжиской 89

ПРОЗА XXI

Ева Талая. Ева Талая. Дочь элиты (роман, окончание, начало в 12-м выпуске) 104

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Вадим Петров. Доктрина 77 Ивана Охлобыстина. Некоторые аспекты. 139

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е.С. Роговер. Булат Окуджава (литературный портрет)..... 148

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

Вадим Петров. Этюд к убийству С.М. Кирова. Комиссар Борисов 158

АРХИВЫ УЧАТ

Материалы, опубликованные по инициативе *Андрея Павлова-Арбенина* (Реставратора):
К. Аджемов. Голос Москвы (из записок радиоредактора)..... 173

УДЕРЖИВАЯСЬ НА КРАЮ...

Андрей Каратыгин. Иллюзия кино как явление латентного либерализма..... 183

Александр Миронов

ЛИБЕРАЛИЗМ: КАНУН ИЩЕРПЫВАЮЩЕГО САМОРАЗОБЛАЧЕНИЯ...

В настоящей статье ее автор попытается рассказать о главной проблеме современной цивилизации. С одной стороны, означенный в заголовке либерализм ее (цивилизацию) и создал, с другой — он же ее, по всей видимости, и уничтожит. То есть настоящая работа есть своего рода короткий рассказ о ключевых смыслах современного человечества, которые составили как его суть, так и его же главную проблему.

Сколько пролито слез во имя освобождения человека от пут рабства, от прямой зависимости от воли себе подобных? Казалось бы, счастье и блаженство должно было бы спуститься в человеческую жизнь почти навечно. Однако ничего подобного так и не случилось. Но какова же финальная цель самого либерализма как особой формы мировоззрения? Самовыражение всех способностей человеческих? Пожалуй, что так. Иначе говоря, либерализм как своего рода волшебное средство обещает человеку буквально все, что он может обрести в своей жизни. Заманчиво? Еще как! Что говорит в пользу заявленного? Прежде всего технико-технологический прогресс и есть прямой и вполне зримый результат либеральной идеи. Ведь так? Кроме того, достижения культурной жизни также весьма значительны.

Но каковы идейные истоки самого либерализма? Как ни странно, но они проистекают главным образом из христианства, из превратно понятого или из адаптированного под

земные наклонности человека его черты. Какие же? Если иные верования ведут речь о человеке как о части целого, скажем, природы (буддизм), рода (ислам) или нации (иудаизм), то христианство дает человеку выраженную индивидуальность (личное начало). Другое дело, что неизвращенное или подлинное христианство никак не позволяет человеку впадать в «эгоистические дебри», тогда как еретические толкования этому способствуют как никогда ранее в истории. В результате, например, ставка на веру в любовь и позволяет выводить все либеральные убеждения. Именно любовь и приводит человека к мысли о тотальном предпочтении им личного начала во всех случаях его жизни. С одной стороны, освобождение человека через обожение им любви («Бог есть любовь») способствует невиданному ранее раскрепощению его потенций, с другой — оно же уводит его на пути фактического самообожения или превращения самого себя в центр и смысл всех усилий. Именно поэтому Абрамович плавает на самых дорогих яхтах в мире, спокойно попирает всякое представление о морали. Но почему вдруг? А потому, что рыночные правители современной России как правители идеи **ВЫГОДЫ**, а значит вполне либеральные, и обеспечивают всем наличным ресурсом своей власти полную неприкосновенность деяниям подобных очень свободолюбивых натур. Зато страсть к неограниченному самовыражению отдельных личностей

при этом много торжествует. Вот и выходит то, что либерализм — это в своем пределе неизбежное оскорбление всякого человеческого достоинства, выражающееся в подчеркнутом глумлении над понятиями *справедливости, правды, чести и совести*, низведения их к несуществующей химере. Поэтому и не случайно во всех либерально преуспевших сегодня странах происходит постепенное замещение коренного населения инородцами. Именно так исподволь и «казнятся» все либеральные народцы, утратившие когда-то всякое понятие о стыде. При этом либерально зараженные лица как много обогатившиеся от этого курса в отношении всех отставших от них в очевидно духовно смердящем дельце, заявляют встречное требование к ним о жестком их законопослушании. Но либерализм *в принципе аморален* и всякий закон его аналогичен ему же духовно, так как мораль всегда стесняет его, а праведность и святость просто уничтожают его полностью в смысловом отношении. Именно поэтому он постоянно ищет для себя всяческих оправданий, полагая само стремление к свободе *безусловным*. Хотя на практике он совсем не замечает, что его интересуется на самом деле вовсе не свобода как таковая, его влечет предельно достижимое право (масштаб) собственности (право распоряжения конкретными материальными ресурсами). То есть энергетически слабые либералы выглядят обычно как благонамеренные лица, которые всем непрерывно сватают благо свободы самовыражения, тогда как энергетически мощные либералы непременно являют самих себя уже сугубо агрессивными существами. Но какие же оправдания при этом они себе находят? В частности, их апологеты утверждают, что якобы только либерализм рождает все достижения цивилизации, снимая оковы и ограничения с мысли всякого исследователя и творца. С одной стороны,

все так — снимает ограничения, с другой — создает шоры, в которых уже фундаментальные или самые базовые открытия становятся принципиально невозможными (недостижимыми). То есть этому начинает препятствовать внутренняя логика либерализма, строго считающая *частную или корпоративную выгоду* пределом всех человеческих усилий. В противном случае или с утратой ориентира личной (корпоративной) выгоды либерализм непременно начинает сдавать все свои идейные позиции, буквально меркнуть. Или *жертвенность* или *бескорыстие* для него просто смерть. Кстати сказать, в 2011 году или совсем недавно на ускорителе в Церне было произведено 16000 замеров полета нейтрино, специально выделявшихся экспериментаторами предварительно, со скоростью выше скорости света. Эти элементарные частицы прошли горный массив на дистанции 732 км и устойчиво или многократно продемонстрировали эту сверхскорость, которая фактически опрокинула все базовые постулаты современной физики. Но в результате этого вполне зафиксированного факта еще опрокидывается и эгоцентрическая модель мира, как раз и составляющая суть самой либеральной идеи.

И еще. Либерализм многолик и многообразен. Он бывает внешний и грубый (даже всякая деспотия в основе своей всегда исходит из тех же либеральных настроений вполне конкретных лиц, реализующих свое личное хотение безмерно властвовать), а может быть и вкрадчивым, мягким или даже весьма утонченным (внутренним). Именно либерализм полностью контролирует и направляет всякий юмор и желание всякого внешнего блеска. Он весьма горд, легко презирает что бы то ни было, порой даже коверкает собственное наименование: говорит «либераст» вместо слова «либерал». В этот момент как подлинный

либерал он как бы видит себя вполне искренне противником либерализма. Кроме того, все авантюристы всех времен и народов также питаются из того же либерального корня. Почему? Да потому, что легко рискуют чужим как чем-то малочисленным. Именно по этой причине даже А. Гитлер был всего лишь мощным латентным либералом.

Кстати, рассмотрим смысл слова *либерал*. В Большом англо-русском словаре под общим руководством доктора филологических наук профессора И. Р. Гальперина исследуемое слово представлено следующими значениями: с широкими взглядами; свободомыслящий; не связанный предвзвешенными; либеральный, широкий; щедрый, великодушный, обильный, богатый; гуманитарный; свободный, вольный, небуквальный; распушенный, разнузданный; с запасом. Как мы видим, слово ЛИБЕРАЛ, как минимум, многоплановое. Но нас, понятное дело, интересует в данном случае его «изнанка», так как наше предположение о проблемном характере этого слова может быть подтверждено лишь с очевидно отрицательной стороны. Для этого мы обратимся к следующим значениям из вышеперечисленных: небуквальный, распушенный, разнузданный, с запасом. Получается, что ЛИБЕРАЛ, как минимум, *не строг* или *не точен*. Но тогда ЛИБЕРАЛ неизбежно попадает в конфликт, так как всякая погрешность, накапливаясь, и рождает его. В результате наш ЛИБЕРАЛ, сея объективно вокруг себя конфликт, вынужден ему же противостоять, а значит, вынужден с ним бороться. Последнее в итоге неизбежно выливается в то, что ЛИБЕРАЛ начинает вести себя агрессивно. Завершая, получаем, что либерал обречен быть агрессивным из-за внутренне присущей ему *несоразмерности*, а значит, и *безответственности*. Маскируя ее, он активно подменяет понятие *добра* по-

нятием *добродетели* как положительного нравственного качества человека. В результате этой замены, когда отдельные черты характера людей, например, такие как смелость, решительность, искренность и ряд других им подобных вполне могут в известных обстоятельствах меняющейся жизни переходить в свои противоположности, либерал ловко начинает уверять окружающих в принципиальной отнесенности категорий *добра* и *зла*. Ему совсем невдомек, что смыслы добра и зла никогда не перемешиваются, что *добро как творение красоты правды, разумной пользы и непеременимого (необратимого) преображения человека* носит совсем непреходящий или абсолютный характер. В дальнейшем помышлении слова *добро* и *зло* в его сознании начинают меркнуть и подменяться некоей целесообразностью или выгодностью, что натужно начинает выдаваться им обществу за некое особое развитие или выдающийся прогресс. На место фактически упраздненных (как якобы давно устаревших) смыслов он ловко водружает и настойчиво популяризирует якобы универсальное понятие любви, и прежде всего, высокой или духовной половой любви и рождающей известную нам всем индустрию разнопланового разврата — *глянца* и *гламура*. Кроме этого, либерал в художественной плоскости выступает либо в образе гоголевского помещика — мечтателя Манилова, либо в качестве откровенного и хищного дельца Чичикова. И первый, и второй персонажи — известная «головная боль» всякого общества, так как один сеет дурь (создает условия для процветания разномыслия, мошенничества), а другой — собирает урожай (прибыли) или просто втихую грабит всякое общество.

Ниже представлены некоторые черты грядущего всемирного торжества невыдуманного либерализма уже без прикрас и каких-либо снисхож-

дений (из книги Галины Морозовой «Третий Рим — против нового мирового порядка», М.: Институт Русской цивилизации, 2009):

«Бывший глава Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в своей книге “Линия горизонта”, которую можно считать программным документом антихристианской глобализации, раскрывает три уровня развития глобализации. Он говорит “о мировом порядке сакрального, о мировом порядке силы, о мировом порядке денег”. Современный этап антихристианской глобализации он называет мировым порядком денег. При этом порядке все продается и покупается, а главной универсальной ценностью, в том числе и в духовной сфере, являются деньги. Новый торгово-денежный мировой порядок “постоянно стремится к организации единой универсальной формы мирового масштаба”. При этом порядке *власть* измеряется строго “количеством контролируемых денег, вначале посредством силы, потом посредством закона”. Отрицание христианства и космополитизация человечества на основе мировоззрения талмудистов является главной целью антихристианской глобализации. Как пишет тот же Аттали, “кочевничество будет высшей формой нового общества... определит образ жизни, культурный стиль и форму потребления”. Под кочевничеством Аттали понимает общество людей, лишенных чувства Родины, почвы, веры предков и живущих только интересами потребления и зрелищ, которые им несет телевидение и видеозэкран. “Кочевники” будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе. Каждый кочевник будет иметь специальную магнитную карточку со всеми данными о нем, и прежде всего о наличии у него денег. И горе тому, кто “оказывается лишенным денег или угрожает мировому порядку, оспаривая его способ распределения!” “Человек (кочев-

ник), как и предмет, — пишет Аттали, — будет находиться в постоянном передвижении, без адреса или стабильной семьи. Он будет нести на себе, в самом себе то, в чем найдет воплощение его социальная ценность”, то есть что вложат в него его планетарные “воспитатели” и куда сочтут необходимым направить его. По мнению Аттали, давление на человека будет таковым, что у него останется только один выбор: “либо конформироваться с обществом кочевников, либо быть из него исключенным”».

А вот еще одна яркая характеристика глобального либерализма из книги Галины Морозовой:

«Но и пожалуй, самое важное — это возврат не просто к *идее Третьего Рима*, а к *созиданию Рима Третьего*, к истинной *богоизбранной МИССИИ РОССИИ*. Именно этого пути опасается Запад, взяв на вооружение *глобальное мировое сознание*. С. Хантингтон в научной статье “*Столкновение цивилизаций*” доказывает несовместимость взаимодействия исторически-идентичной России и Запада: “Конфликт между либеральной демократией и марксизмом, ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же *цели*: свободу, равенство и процветание.

Но Россия, *традиционалистская*, авторитарная, националистическая будет *стремиться* к совершенно *иным целям*. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом, но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут *либеральную демократию* и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения *между РОССИЕЙ и ЗАПАДОМ* опять могут стать отдаленными и враждебными”».

То есть, как ни крути, а выходит ровно то, что вне Православной Рос-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

сии или вне Праведной Руси все есть в сути своей ЛИБЕРАЛИЗМ. Каково? А почему, собственно, и нет? Статуя Свободы, как исчерпывающий символ либерализма, куда призывает все человечество? В рай всего желанного и приятного? Видимо, как раз по этой причине первой либералкой и стала библейская Ева, нарушившая Божье установление о грешном плоде.

Почему либерализм опасен? Да потому, что агрессивность есть его родовое свойство. Он изначально стремится к преодолению всех барьеров и ограничений, рассматривает их лишь как помеху самому себе. Именно поэтому он прибегает к принципу конкуренции, который в свою очередь неизбежно допускает утаивание (сокрытие) и другие всевозможные уловки для получения как психологических, так и вещественных преимуществ, ведущих непременно к получению и закреплению надолго господствующих позиций. Названные выше рубежи в кризисной ситуации, так или иначе, рано или поздно начинают защищаться им уже с помощью подкупа или шантажа. В пределе эта борьба «за место под солнцем» приходит к мысли о неизбежности развязывания войны как радикального средства сохранения и приумножения ранее достигнутого собственного вещественного успеха, вдруг оказавшегося под угрозой решительной утраты. Кстати, этому скорбному намерению очень способствует изначально присущее либералу безбожие, либо превратное верование, что он то и есть господин всех людей, как раз и ставший таковым по воле его же особого — либерального бога. И еще. Либерализм в человеке и возникает из-за конфликта его наличных или природных (прирожденных) потенций и отсутствием всякого понимания того, что сама земная жизнь не есть предельная цель и главный смысл существования человека. Отрицая яростно

подлинного Бога, либерал сталкивается с вселенской скукой, борьба с которой и приводит его к тому, что он рано или поздно бросается «во все тяжкие». В результате и включается порочный круг под общим названием «чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» или включается принцип, что все средства хороши в борьбе за собственное абсолютное господство на земле, которое и дает горький след ложной жизни и самого либерала.

Завершая, видимо стоит еще раз подчеркнуть ту мысль, что либерализм в принципе не может рассматриваться в XXI веке как нечто безобидное и вполне еще полезное. Иначе говоря, всякие надежды на его самотечное преобразование в нечто благое и спасительное сегодня окончательно потеряны, впереди только полное разоблачение его подлинно губительных черт, которым всерьез может противостоять лишь подлинная вера в Бога. Ниже в приложении дан небольшой анализ причин неприятия в России известного либерального принципа ЗАКОНОПОСЛУШАНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Почему законопослушание в России остается недостижимым желанием?

Закон что дышло, куда повернул — то и вышло.
Русская пословица

С одной стороны, видимо всякий читатель, ознакомившись с заголовком настоящего приложения, воскликнет, что искомое автором состояние недостижимо очевидно по причине полного неуважения к закону со стороны самого высокого российского начальства, которое для того и стремится к власти, чтобы творить в охотку все, что только его душеньке угодно. Для иллюстрации сказанного достаточно вспомнить

слова Бориса Ельцина после развала СССР: «Теперь надо мной никого». То есть российские властители исстари сами были и есть поныне своего рода эталон и камертон «в одном флаконе» презрения закона. Впрочем, само европейское законопослушание имеет в себе самом также определенную «червоточину». Какую же именно?

Всякий человеческий закон имеет преходящий или временный характер, определяемый текущими условиями жизни. Иначе говоря, он есть особый инструмент устрашения, применяемый для острастки всех и каждого или тех людей, которые по строго определенным признакам попадают под его юрисдикцию. Другими словами, законопослушание как своего рода ошейник призвано ограничивать волю членов вполне конкретного сообщества в определенных или оговоренных подробно рамках, которые устанавливаются из страха членов названного человеческого объединения. То есть всякий европеец все время испытывает сильное недоверие к себе подобным, которое и демпфирует с помощью механизма законопослушания. Кстати, во многом он изначально готов к тому, чтобы и самому находиться в подчинении закону. Но откуда такое недоверие и почему только законопослушание решает эту проблему, ведь следовало только поставить задачу изначального воспитания человека и, как говорится, «дело в шляпе»? Однако европейцы пошли путем выработки законопослушания и достигли определенных успехов. Тогда как русские люди странным образом, как в прошлом, так и сегодня продолжают упорно уклоняться от обретения ими свойств законопо-

слушного человека. Впрочем, они видимо догадываются, что навязываемые им властью законы имеют в себе признаки надуманности (искусственности) или нечестия (изначального двойного стандарта). То есть русские люди хорошо знают о родовой склонности отечественных властей к предательству, к аморализму, к уходу от какой-либо ответственности. В результате и выходит ровно то, что доверия к российским законам, рождаемым, как правило, отчетливо недостойными людьми, и быть-то не может изначально.

Теперь некоторые соображения о самой жизни «по закону». Может ли быть подобная жизнь по душе подлинно русскому сердцу, желающему видеть себя в кругу людей праведных? Вряд ли. Тем более, что суды аморальных (корыстных) властей, как говорится, по определению несправедливы. Вот и выходит, что ЗАКОНОПОСЛУШАНИЕ — это совсем не русское дело. В этом Россия никогда не будет преуспевать, так как она существует в этом мире для другого — для устройства мира по совести, а не по кодексу. Впрочем, осмысленная идеология праведной жизни вовсе не помешает новому устройению жизни. Но сначала неизбежно русскому миру придется освободиться от пут враждебной России власти — власти денег. Ставка на деньги в России объективно ведет ее к неизбежной гибели. Поэтому впереди у народа нашего Отечества своего рода БОЛЬШОЙ УРОК, направленный на отучение от самой мысли «жизни ради денег». Как и в чем он будет выражаться — россияне о том узнают весьма скоро.

Е. С. Роговер

РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Замысел романа "Обрыв" родился ещё в 1849 году в пору пребывания Гончарова в Симбирске, когда Волга, родина, сцены и нравы не отжившей патриархальной провинциальной жизни, обрывы Поволжья, встречи с новыми людьми, разбудили его творческую фантазию. Но с той поры прошло около двадцати лет, прежде чем писатель начал печатать завершённый роман "Обрыв". Замысел, естественно, претерпел значительные изменения. Да и сам автор был уже иным, он стал маститым художником слова. Он уходит в отставку с должности цензора и преподаёт русскую словесность цесаревичу Николаю Александровичу. Гончаров избирается членом Литературного фонда, а чуть позже — членом-корреспондентом Академии Наук по отделению языка и словесности. Определяется на службу в Министерство внутренних дел, является главным редактором правительственной газеты "Северная почта", назначен (в 1865 г.) членом Совета Главного управления по делам печати. В связи с расколом в "Современнике" (1860) Гончаров уходит из этого журнала и свои отрывки из романа "Обрыв" — "Бабушка" и "Портрет" — печатает уже в журнале "Отечественные записки", а законченный роман — в "Вестнике Европы" [1]. Но писатель не порывает с ранее намеченными и развитыми им темами, и в своём "Обрыве" он продолжает художественно исследовать обломовщину в её новом варианте, связывая с Обломовым образ Бориса Райского.

Первоначально Райский должен был занять центральное положение в романе, который назывался "Художник". Однако дальнейшая работа над произведением несколько раз изменила роль и функцию этого героя. Он утратил своё главенствующее положение, хотя и в окончательном тексте он связывает все важные эпизоды всех персонажей произведения и даёт им свою значимую характеристику.

Гончаров рисует Райского как "проснувшегося Обломова". В этом определении существенны оба слова. Да, он многое наследует от героя предшествующего романа. Обломова и Райского объединяет безволие, безхарактерность, отсутствие привычки к труду, тем более основательному и упорному, склонность к рефлексии, безделье. И биография Райского, в частности его беззаботное детство, годы обучения, жизнь в Петербурге, пребывание в провинции, напоминают соответствующие этапы жизнеописания Обломова. И романтизм Райского, и мечтательность Обломова имеют общие корни, уходящие в мир крепостнических отношений, освобождавших этих героев от нужд, труда и деятельности. Не случайно Гончаров, объясняя свой роман, подчёркивал, что Райский — "сын Обломова", что в нём живёт "своего рода артистическая обломовщина".

В то же время он — Обломов "проснувшийся", живущий в эпоху "пробуждения". Он активный проповедник новой жизни, гуманности, он резко

высказывается против крепостного права, угнетения личности и царящей пошлости и всего того, что в жизни явно отжило. Он осуждает господствующую в обществе мораль, согласно которой женщина оказывается в нравственной зависимости от мужчины. Райский жадно любит жизнь во всех её проявлениях, он способен помогать другим и страдать от чужого горя. Все-му этому помогают такие его личные качества, как доброта, утончённость переживаний, благородство, высокая нравственность, артистизм натуры, впечатлительность.

И всё же, как это отметил сам Гончаров, Райский, "если не спит по-обломовски, то едва лишь проснулся — и пока знает, что делать, но не делает". Он томится и скучает, не находит истинной сферы для проявления своей даровитости, меняет свои художественные пристрастия, занимается то живописью, то музыкой, то писанием стихов и прозы, всюду проявляя дилетантизм. У него нет глубоких убеждений и высокого общественного идеала. Он отличается многоговорением, фразёрством, чрезмерной влюбчивостью, поглощённостью страстями, в которых видит смысл жизни и счастье. Он нередко предаётся рефлексии, хандре, испытывает разочарования, равнодушие и эти его особенности сближают его с "лишними людьми". Бабушка считает его необыкновенным уродом и характеризует пословицей: "Ни богу свечка, ни чёрту кочерга". Но сам Гончаров относится к нему сложно, достаточно противоречиво, нередко любуясь своим героем. И современный исследователь В. Кулешов склонен дать Райскому преимущественно положительную характеристику, отмечая и его типичность: "Он в каждом, в тысячах мечтателей у которых многое есть, но не всё выходит. И Райские всегда всё начинают сначала: они верят в жизнь, её красоту и знают, что их доброта, их энтузиазм всегда сгодятся, нужны людям" [2].

На роль центрального героя романа по-своему претендует и Марк Волохов. Вступая в споры с Райским, Волохов, человек недюжинного ума, основательно развенчивает его взгляды и суждения, вскрывает донжуанство своего оппонента, точно определяет последующее поведение любвеобильного героя в отношении Веры и Марфиньки. Со своей стороны, Райский видит в Волохове "праздного", который сознательно не приемлет труд и установившееся в обществе и быту положение вещей, любит свои лохмотья и откровенной бесцеремонностью. Этот спор и взаимные обвинения обнаруживают противоречивое отношение И. А. Гончарова к Марку Волохову, проливают свет на сложную эволюцию этого героя в процессе создания романа. Первоначально Гончаров рисовал сильного Волохова, наделённого передовыми взглядами, активным врагом старого порядка, не случайно Вера настолько увлеклась этим героем, что отзывалась на его призыв и, "бросив всё своё гнездо", отправлялась за ним и к нему в Сибирь, разделяя его убеждения и судьбу. Но, изменяя свой замысел, Гончаров стремится отразить в Марке то новое, что появилось в общественной ситуации послереформенной России. Писатель наделяет Волохова чертами нигилистов, как он их видел и понимал, с их "завиральными" идеями, крайностями, цинизмом, самонадеянностью, вульгарным искажением известных теорий (например, П. Ж. Прудона о собственности). Герой Гончарова резко и дерзко отрицает все авторитеты, истины сложившейся науки, принципы морали и добродетели. Его напор и энергия резко противостоят пассивности и самоанализу Райского, но его призыв "к новому делу" и "к новому труду" оставался такой же фразой, не наполненной практическим смыслом и не подтверждённым собственным примером, как и сентенции Райско-

го. Его "поток смелых, иногда увлекательных идей" (например, о свободной любви) кажется разительным, но оказывается беспочвенным. В итоге образ "Маркуши", как звал Гончаров своего героя в письмах, был изображён крайне тенденциозно: демагогом, самозванным ниспровергателем, недоучкой, далёким от тех "новых" людей, которых он якобы представлял. К тому же писатель придал Волохову ряд резко снижающих его, граничащих с карикатурой черт. Марк берёт займы деньги и не отдаёт их, дрессирует бульдогов, чтобы ими травить полицеймейстера, лазает через заборы, крадёт чужие яблоки, портит ценные книги, проявляет грубость, откровенное себялюбие. Даже взгляд его глаз по большей части был "холодный и ко всему небрежный".

И всё-таки "Обрыв" не примкнул к "антинигилистическим" романам 60-х годов типа "Марева" Клюшников, "Бродячих сил" В. Амариуса, "Бездны" Б. Маркевича, "Злого духа" В. Авсеенко. Малохудожественные произведения, они всем образным строем сознательно ополчались против демократического движения 60-х годов. У Гончарова же Волохов — один из персонажей, отнюдь не ставший центральным героем. К тому же Волохов обладает и целым рядом привлекательных качеств: сильным характером, остротой интеллекта, разоблачительной мощью (её очень боится самодур Тычков (?)), "метким глазом", пониманием искусства, состраданием к другому человеку, способностью к бескорыстной дружбе (вспомним бессонные ночи Марка у постели больного Козлова), умением верно судить о людях (местных обывателях), очевидной самостоятельностью. Гончарову, как видим, удалось отразить и какую-то правду о "новых людях" и сказать не только о слабых их сторонах и заблуждениях (а они, разумеется, были), но и о сильных. Антиэстетизм, напри-

мер, сближает Волохова с Базаровым. К тому же Волохов — важный фермент, "бродило" романа, обостряющее все столкновения его героев. Не случайно критик Н. В. Шелгунов считал, что соль "Обрыва" заключена именно в этом герое: "Вычеркните Марка, и романа нет, нет жизни, страстей, нет интересов" [3].

Центральное положение между двумя мужскими характерами-антиподами и в романе в целом занимает Вера. Её образ стал одним из важнейших творческих достижений Гончарова. Примечательно, что, заканчивая своё произведение в 1868 году, писатель намеревался озаглавить его именем Веры. По-своему продолжая развитие образа Ольги Ильинской, Гончаров отразил искания передовой молодёжи 60-х годов, "пробуждение" русской жизни в новую, послереформенную эпоху. Знаменательно, что у Ильинской и Веры был единый прототип — Е. П. Майкова, типичная шестидесятница, связавшая свою жизнь с "нигилистом". Но Гончаров создавал образ глубокого обобщения, подключая к его воплощению и литературную — пушкинскую — традицию. Как и в случае Ольги — Обломова, любовь, испытанная Верой к Волохову, основывается на желании преобразовать, изменить своего избранника. Но в этом её властном чувстве сказывается и порыв к необычному кругу идей и представлений, устремление к яркой личности, олицетворяющей для Веры свободу и самостоятельность выбора жизненного пути, непознанную и неизведанную правду, новизну жизни.

Широта интересов Веры, её нежелание жить слепо, неудовлетворённость старым бытом, стремление наряду с новым удерживать всё коренное из жизни старой, гордость, независимость, твёрдая решимость не пасовать перед самыми неожиданными преградами, глубина натуры — вот те черты, которые более всего покоряют чита-

теля в этой героине. Обогащает этот образ и её портрет, запоминающийся "бархатный чёрный взгляд", длинные ресницы, "не высказывающаяся сразу прелесть" её лица и грациозного стана.

Райский увлечён своей кузиной, даже влюблён в неё, но Вера не может остановить на нём свой выбор, понимая, что это не тот герой, который может повести её вперёд и стать избранником. Волохов же, хотя и лишён веры, хотя и исповедует странные взгляды на любовь, расходящиеся с её моралью, хотя и не обладает определённой жизненной целью, отличается внутренней силой, незаурядностью, самобытностью; он, пожалуй, под стать героине, желающей обратить его в свою веру. Недаром этим словом именуют внучку Татьяны Марковны Бережковой.

Любовь Веры к Волохову терпит жестокий крах, оканчивается катастрофическим "обрывом" и глубоким разочарованием. Но падение героини, вызвав её немалые внутренние страдания, приводит к благостному перерождению. Становятся очевидными и красота, и истинность патриархальной морали, "бабушкиной правды". Покаяние перед иконой Христа спасает героиню и возвращает её "на круги своя". Д. С. Мережковский видел в этом преображении Веры идеальное "воплощение души" современного человека [4]. Героиня Гончарова оказалась одним из самых достоверных и живых образов русских женщин в литературе той эпохи. В. Г. Короленко находил, что Вера понятнее, живее, индивидуальнее Елены из романа "Накануне": "в ней ярче чувствуется то, что переживало тогдашнее "молодое" поколение" [5].

Вере во многом противопоставлена Марфинька. В отличие от сложного характера сестры, чьи поиски и чья душа исполнены глубоких противоречий, Марфинька обладает цельностью натуры. Она "проста, как сама природа", обаятельна, весела, по-своему по-

этична. Тревожные раздумья ей недоступны. Своё счастье она находит в любви к Викентьеву, и больше ничего не требует её безмятежная душа. Её земная натура во многом противоположна "нездешней" Вере. Контраст Веры и Марфиньки в чём-то сродни сопоставлению пушкинской Татьяны и Ольги, хотя это героини разных эпох.

Но при всём различии этих гончаровских героинь обе они, так или иначе, тяготеют к правде их бабушки: Марфинька — изначально, бездумно принимая полуобломовскую жизнь, установленную Татьяной Марковной, Вера приходит к признанию правоты бабушкиных принципов в финале романа, пройдя искусы их преодоления и отвержения.

Образ Татьяны Марковны Бережковой занимает в романе чрезвычайно важное место. К нему стягиваются многие сюжетные нити произведения. Бабушка культивирует такой уклад жизни, отличается такой мудростью, душевностью и одновременно здравым смыслом, что оказывается очень близкой самому автору. Ведь это она упорно и настойчиво охраняет традиции старины, родные писателю. Правда, Гончаров не закрывает глаза на её властность и деспотичность, черты помещицы-крепостницы, для которой неистребимы "различия между людьми" и "господами". Но он словно прощает ей эти черты, "неизбежные" в её социальном положении. Зато он же любит её нравами и обычаями бабушки, её хозяйственностью, энергией, гостеприимством, её языком, пересыпанным народными пословицами, за которыми стоит богатейший опыт жизни. Бережкова воплощает тот "берег", к которому должны пристать персонажи после долгих плаваний, ту "бережливость" по отношению к старым порядкам, которая помогает их сохранить для внуков и их потомков. Гончаров раскрывает в Татьяне

Марковне самобытный национальный характер. А чтобы последний предстал перед читателем во всей масштабности, писатель делает этот образ величественным и монументальным, пленяющим своей красотой и возвышенностью. Этому служит и её кровная связь с родной природой, и нежная любовь к родному краю, и её трагедийное прошлое, и поэтичность имения Малиновка, которым она управляет, и высокая вера в Судьбу. Известный педагог XIX века В. П. Острогорский справедливо писал в своих "Этюдах о русских писателях" о бабушке: "Цельный, прекрасный, положительный женский образ и, притом, без утрировки, с отрицательными комическими чертами, со множеством уживающихся вместе противоречий, принадлежит к лучшим созданиям русской литературы" [6].

В многозначительном эпилоге романа рисуются четыре фигуры, нами охарактеризованные: Райский, Вера, Марфинька и бабушка. "А за ними, — пишет автор, — стояла и сильно их влекла к себе ещё другая, исполнинская, другая великая бабушка — Россия". В свете этих слов сам образ Татьяны Марковны приобретает обобщённое, символическое значение. Не случайно сам Гончаров в одном из писем говорил о том, что в "бабушке, как клочок неба в пруде, отразилась сильная, властная, консервативная часть Руси".

Как и в романе "Обломов", Гончаров в своём "Обрыве" предпринимает попытку нарисовать положительный образ делового, буржуазного человека. Им оказывается Тушин, представитель "партии действия", сочетающий практику помещика и лесопромышленника одновременно. В намерение автора отнюдь не входило рисовать этого предпринимателя чёрной краской, "тушью". Напротив, Тушин наследует лучшие черты Адуева-старшего и Штольца, и Гончаров представляет

его в идеальном свете. Этот персонаж отличается неуёмной энергией, деловитостью, разумностью, способными давать впечатляющий эффект в его лесном хозяйстве и имении Дымки. Одновременно Тушин обладает привлекательными нравственными чертами: он немногословен, аккуратен, лишён рисовки, рыцарски относится к женщинам, увлекается французскими романами и агрономическими книгами, способен мужественно выходить на медведя. В нём наблюдается равновесие ума, души и воли, как это подметил Райский. Более того, жизнь его складывалась так, как течёт "стройно музыкальное произведение". Гончаров даже полагает, что выводимый им тип коренится "в национальной почве", недаром Тушина зовут Иван Иванович, а самобытность его унаследована от дедов. В то же время, как полагает автор, его герой воплощает молодое поколение созидателей, призванных "притушить" социальные взрывы и исключить нравственные "обрывы". Тем не менее, созданный в романе образ не увлекает, а напротив, отталкивает читателя. В нём просвечивают черты жестокого, хищного и самодовольного дельца. Райский подметил, что в хозяйстве Тушина бросается в глаза исправительная полиция, а артель выглядела воинственной дружиной. Само хозяйствование персонажа показано эскизно, а сам Тушин нарисован бледно. Да и автор считал образ этот "недоконченным" и не прояснённым. Намерение Гончарова соединить Тушина с Верой и даровать им семейное счастье оказалось неубедительным и нереальным. Критик Н. Протопопов, отзываясь на роман, писал о Тушине как о китайской тени и марионетке.

Роман Гончарова оказался тесно связанным с русской поэзией его времени и вобрал многие её мотивы [7].

Многие критики 60-х годов негативно откликались о романе И. А. Гончарова, несправедливо отнесли его

к романам антинигилистическим. В этом духе о нём отзывались М. Е. Салтыков-Щедрин, М. К. Цебрикова, А. М. Скабичевский, Н. В. Шелгунов, Е. И. Утин, Н. Н. Страхов. Однако читатели с интересом встретили новый роман Гончарова. Этот успех произведения получил отражение в оценках М. М. Стасюлевича, А. Ф. Писемского, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина. Остроумно и справедливо писал

критик журнала "Дело": читатели романа "очарованы и (припоминая старое выражение Пушкина) огончарованы "Обрывом". Так воспринимается этот роман и сегодня, когда он инсценируется в спектакле АБДТ им. Г. А. Товстоногова, экранизируется в фильме И. Е. Хейфица или когда издаётся новыми тиражами, удовлетворяя потребность в нём нового читателя.

Примечания

1. «Вестник Европы» – 1869 – №№ 1-5.
2. Кулешов В. И. Этюды о русских писателях (Исследования и характеристики). – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1982. – С. 207.
3. Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность//Шелгунов Н. В. Литературная критика. – Л.: Худож. лит-ра, 1974. – С. 221.
4. Мережковский Д. Гончаров//Дмитрий Мережковский. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. – М.: Изд-во "Книжная палата", 1991. – С. 143.
5. Короленко В. Г. И. А. Гончаров и "молодое поколение"//Короленко В. Г. Собр. сочинений: В 10-ти томах. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 8. – С. 260.
6. Острогорский Виктор. Этюды о русских писателях. И. А. Гончаров. – М., 1903. – С. 71.
7. См.: Гейро Л. С. Роман Гончарова "Обрыв" и русская поэзия его времени//Русская литература. – 1974. – № 2.

А. Н. Миронов

РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ» КАК ИСТОРИЯ РАЗРЫВА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЛЮБВИ...

О чем повествует роман «Обрыв»? Для чего он был написан, как говорится, в первую голову? Автор настоящего исследования полагает, что И. А. Гончаров выполнил свою работу с одной генеральной целью — развернутого и подробного показа существа либеральной любви, ее принципиальной (сущностной) уязвимости или недолговечности (непрочности). В рассматриваемом произведении его главные герои страстно ищут и одновременно настойчиво проповедуют свободное, ничем не ограничиваемое сердечное влечение человека, понимая его высшим благом, а также высшей идейной ценностью, а значит, и самым смыслом человеческой жизни. В первой главе романа главный герой дворянин Борис Райский ведет беседу со своей кузиной Софьей Беловодовой. К чему настойчиво призывает он ее? «Если все свести на нужное и серьезное — куда как жизнь будет бедна, скучна! Только что человек выдумал, прибавил к ней — то и красит ее. В отступлениях от порядка, от формы, от ваших скучных правил только и есть отрады...» А что он толкует взамен привычного? Новые правила? Но каковы они? Райский не говорит о них ни слова, лишь намекает на некое туманное развитие. При этом же сам являет собою некую стагнацию или неразвитие, сопряженное со скукою. Впрочем, Райский находится что ответить и провозгла-

шает любовь целью всех человеческих стремлений и усилий. Когда его рассуждение о любви не вызывает интереса кузины, Райский в свою очередь спрашивает ее: «Скажите мне, откуда вы берете это спокойствие, как удастся вам сохранить тишину, достоинство, эту свежесть в лице, мягкую уверенность и скромность в каждом мерном движении вашей жизни? Как вы обходитесь без борьбы, без увлечений, без падений и без побед? Что вы делаете для этого?» Затем, ловко сыграв на действиях и страданиях крепостных крестьян в деревне, Райский снова энергично просит свою напуганную уже собственным натиском кузину окунуться в любовные приключения. Далее раздались призывы к свободному побуждению, капризу, шалости, глупости. В результате герой вновь мучается вопросами о кузине: «Чем и как живет эта женщина! Если не гложет ее мука, если не волнуют надежды, не терзают заботы, — если она в самом деле “выше мира и страстей”, отчего она не скучает, не томится жизнью... как скучаю и томлюсь я? Любопытно узнать!» Но Райский сам свое уже твердо понимает: «Нет для меня мирной пристани: или горение, или сон и скука!»

Во время второй встречи с Беловодовой Райский уже в открытую надевает на себя личину змея-искусителя: «Одна, дома, вы вдруг заплачете от

счастья: около вас будет кто-то невидимо ходить, смотреть на вас... И если в эту минуту явится он, вы закричите от радости, вскочите и... и... броситесь к нему... И отдадите все... все... И будете еще жалеть, что нечего больше отдать, что нет жертвы! Тогда пойдете и на улицу, в темную ночь, одни... если... вы станите на колени, страстно прильнете губами к его руке и будете плакать от наслаждения...»

Но в чем мечта-идея Райского? А видимо в том, что он ищет все живое и желает страстно его сообщить кому-либо. В частности, автор романа так говорит об этом: «Что это такое? Откуда он (речь о соседе-музыканте. — А. М.) взял эти звуки? Кто их дал ему? Ужели месяцы и годы ослиного терпения и упорства? Рисовать с бюстов, пилить по струнам — годы! А дает человеческой фигуре, в картине, огонь, жизнь — одна волшебная точка, штрих; страсть в звуки вливает — одна нервная дрожь пальца! У меня есть и точка, и нервная дрожь — и все эти молнии горят здесь, в груди, — говорил он, ударяя себя в грудь. — И я бессилён перебросить их в другую грудь, зажечь огнем своим огонь в крови зрителя, слушателя! Священный огонь не переходит у меня в звуки, не ложится послушно в картину! Зачем не группируются стройно лица поэмы и романа? И опять слушал он, замирая: не слышать ни смычка, ни струн; инструмента не было, а пела свободно, вдохновенно будто грудь самого артиста».

Чего же конкретно искал Райский в любви к женщине? «А он думал часто, сидя, как убитый, в злом молчании, около нее (речь о Наташе, несчастной подруге Бориса, сильно любившей его и рано ушедшей из жизни. — А. М.), не слушая ее простодушного лепета, не отвечая на кроткие ласки: “Нет — это не та женщина, которая, как сильная река, ворвется в жизнь, унесет все преграды, разольется по полям. Или, как огонь, осветит путь, вызовет силы, за-

калит их энергией и бросит трепет, жар, негу и страсть в каждый момент, в каждую мысль... направит жизнь, поможет угадать ее смысл, задачу и совершить ее. Где взять такую львицу? А этот ягненок нежно щиплет траву, обмахивается хвостом и жметя ко мне, как к матке... Нет, это растительная жизнь, не жизнь, а сон...”».

После встречи с художником Кирилловым, которому Райский показал свой портрет Софьи Беловодовой, герой романа в смятении от суда художника о своем искусстве размышляет: «Переделать портрет, — думал он. — Прав ли Кириллов? Вся цель моя, задача, идея — красота! Я охвачен ею и хочу воплотить этот, овладевший мною, сияющий образ: если я поймал эту “правду” красоты — чего еще? Нет, Кириллов ищет красоту в небе, он аскет: я — на земле... Покажу портрет Софье: что она скажет? А потом уже переделаю... только не в блудницу!»

И вот Райский у Софьи и посягает на особую доверительность или сердечность в отношениях с ней: «Пусть я смешон надеждами на “генеральство”, — продолжал он, не слушая ее, горячо и нежно, — но, однако ж, чего-нибудь да стою я в ваших глазах — не правда ли? Скажу больше: около вас, во всей вашей жизни, никогда не было и нет, может быть, и не будет человека ближе к вам. И вы сами давеча сказали то же, хотя не так ясно. У вас не было человека настоящего, живого, который бы так коротко знал людей и сердце и объяснял бы вам вас самих. Вы во мне читаете свои мысли, поверяете чувства. Я — не тетюшка, не папа, не предок ваш, не муж: никто из них не знал жизни: все они на ходулях, все замкнулись в кружок старых, скудных понятий, условного воспитания, так называемого “тона”, и нищенски пробавляются ими. Я живой, свежий человек; я приношу к вам сюда незнакомые здесь понятия и чувства; я

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

новость для вас; я занимаю...
виноват... занимал вас...»

О чем тоскует душа Райского в родной деревне? «Страсть! — повторил он очень страстно. — Ах, если б на меня излился ее жгучий зной, сжег бы, пожрал бы артиста, чтоб я слепо утонул в ней и утопил эти свои параллельные взгляды, это пытливое, двойное зрение! Надо, чтоб я не глазами, на чужой коже, а чтоб собственными нервами, костями и мозгом костей вытерпел огонь страсти, и после — желчью, кровью и потом написал картину ее, эту геенну людской жизни. Страсть Софьи... Нет, нет! — холодно думал он. — Она выше мира страстей». И вот герой пробует на вкус собственную страсть уже к конкретной страсти (речь о его контакте вблизи обрыва с троюродной сестрою Марфенькой. — А. М.): «Боже мой! — думал он, внутренне содрогаясь, — полчаса назад я был честен, чист, горд; полчаса позже этот святой ребенок превратился бы в жалкое создание, а “честный и гордый” человек в величайшего негодяя! Гордый дух уступил бы всемогущей плоти; кровь и нервы не одолели: честь, честность спасены... Чем? — спросил он себя, останавливаясь над рытвиной. — Прежде всего... силой моей воли, сознанием безобразия... — начал было он говорить, выпрямляясь, — нет, нет, — должен был сейчас же сознаться, — это пришло после всего, а прежде чем? Ангел-хранитель невидимо ограждал? Бабушкина судьба берегла ее? или... что?» То есть Борис вдруг неожиданно для себя самого понимает, что его спасли все-таки извне, тогда как его внутренние спасительные силы оказались совсем не на должной высоте.

И вот встреча героя романа со своим ключевым оппонентом Марком Волоховым, состоявшим на момент знакомства под надзором полиции и жившим неподалеку от поместья Райского. Между молодыми людьми сразу же возникает своего рода дуга

напряжения, которую ярко иллюстрируют слова Волохова: «Ведь у нас все артисты, одни лепят, рисуют, бренчат, сочиняют — как вы и подобные вам. Другие ездят в палаты в правления — по утрам, третьи сидят у своих лавок и играют в шашки, четвертые живут по поместьям и проделывают другие штуки — везде искусство!» Этой речью Марк сознательно принижает Бориса Райского, объявившего перед тем себя: «Я... так себе, художник — плохой, конечно: люблю красоту и поклоняюсь ей; люблю искусство, рисую, играю... Вот хочу писать — большую вещь, роман...» Далее Волохов усиливает свою атаку на Райского следующим язвительным замечанием: «Что такое воспитание? — заговорил Марк. — Возьмите всю вашу родню и знакомых: воспитанных, умытых, причесанных, не пьющих, опрятных, с *belles manieres* (с хорошими манерами — фр.)... Согласитесь, что они не больше моего делают? А вы сами тоже с воспитанием — вот не пьете: за исключением портрета Марфеньки да романа в программе...» В результате Марк одерживает над Райским верх уже одной своей искренностью, а также еще и прямоотой суждений. На том первый контакт ключевых героев и оканчивается. И что же в уме Бориса после встречи с Марком? «Что за существование, — размышлял он, — остановить взгляд на явлении, принять образ в себя, вспыхнуть на минуту и потом холодеть, скучать и насильственно или искусственно подновлять в себе периодическую охоту к жизни, как ежедневный аппетит! Тайна уменья жить — только тайна длить эти периоды, или лучше сказать, не тайна, а дар, невольный, бессознательный. Надо жить как-то закрывши глаза и уши — и живет долго и прочно. И те правы, у кого нет жала в мозгу, кто близорук, у кого туго обоняние, кто идет, как в тумане, не теряя иллюзий! А как удерживать краски на предметах, никогда не

взглянуть на них простыми глазами и не увидеть, что зелень не зелена, небо не сине, что Марк не заманчивой героиней, а мелкий либерал, Марфенька сахарная куколка, а Вера...» Как мы видим, Райский главным образом скучает и не видит смысла в своей текущей жизни. В свою очередь спросим себя: разве склонность к скуке не является важнейшей характеристикой скучающей личности? В словаре В.И. Даля исследуемое слово представлено следующими значениями: тягостное чувство, от косного, праздного, недействительного состояния души; томление бездействия. С сущностной точки зрения скука — *это тягостное чувство, возникающее в результате восприятия явлений мира, находящихся вне освоенных стереотипов сознания*. То есть Борис оказался пленником неких им затвержденных шаблонов и схем оценки явлений окружающей его непростой действительности. Вопрос: какое же мировоззрение генерирует подобные взгляды на жизнь? Видимо, ответу на поставленный вопрос и придется посвятить дальнейшие усилия по распознаванию признаков и черт и составляющих искомое начало личности героя романа. Сегодня всякому ведомо, что лишь сердечное влечение к конкретному служению, например, к военному или церковному, может уберечь человека от состояния скуки. Но чтобы выбранное служение удерживало человека непрерывно, оно своими ключевыми смыслами и должно вызывать к себе основательное уважение, переходящее в веру, что ради одного стоит жить.

Но вернемся к Райскому и отметим то, что он определил Марка «мелким либералом». Иначе говоря, нам следует понять, что самого себя к названному классу он не относил. Что же дальше? А дальше перед нами внезапная встреча героя со своей второй дальней сестрой Верою. Каковы впечатления Бориса? «Что это за нежное, не-

уловимое создание! — думал Райский, — какая противоположность с сестрой: та луч, тепло и свет; эта вся — мерцание и тайна, как ночь — полная мглы и искр, прелести и чудес!...» В результате в сознании героя «все оживило». Впрочем, встречного интереса к себе своей второй троюродной сестры он так и не встретил, что, естественно, много обескуражило его. В ответ Райский размышляет про себя: «Постой же, — думал он, — я докажу, что ты больше ничего как девчонка передо мной!...» Однако выходило иное: «Она столько вносила перемены с собой, что с ее приходом как будто падал другой свет на предметы; простая комната превращалась в какой-то храм, и Вера, как бы ни запрятывалась в угол, всегда была на первом плане, точно поставленная на пьедестал и освещенная огнями или лунным светом». С другой стороны, автор романа, характеризуя Веру, указывает следующее: «Привязанностей у ней, по-видимому, не было никаких, хотя это было и неестественно в девушке: но так казалось наружно, а проникать в душу к себе она не допускала. Она о бабушке и о Марфеньке говорила покойно, почти равнодушно». И еще такое наблюдение: «Бабушка иногда жалуется, что не управится с гостями, ропщет на Веру за дикость, за то, что не хочет помочь. Вера хмурится и, очевидно, страдает, что не может перемочь себя, и, наконец, неожиданно явится среди гостей — и с таким веселым лицом, глаза теплятся таким радушием, она принесет столько тонкого ума, грации, что бабушка теряется до испуга. Ее ставало на целый вечер, иногда на целый день, а завтра оборвется: опять уйдет в себя — и никто не знает, что у ней на уме или на сердце». А что же при этом Борис? «Равнодушный ко всему на свете, кроме красоты, Райский покорялся ей до рабства, был холоден ко всему, где не находил ее, и груб, даже жесток, ко всякому без-

образию... Он только оскорблялся ежеминутным и повсюдным разладом действительности с красотой своих идеалов и страдал за себя и за весь мир. Он верил в идеальный прогресс — в совершенствование как формы, так и духа, сильнее, нежели материалисты весь мир. Он верил в идеальный прогресс — в совершенствование как формы, так и духа, сильнее, нежели материалисты верят в утилитарный прогресс; но страдал за его черепаший шаг и впадал в глубокую хандру, не вынося даже мелких царапин близкого ему безобразия».

А вот и авторское наставление молодежи из уст бабушки Райского Татьяны Марковны, адресованные Марфеньке: «Вот ты и поумней настолько, чтоб знать, когда твой братец говорит с остротой, когда с умом. На остроту смейся, отвечай остротой, а умную речь принимай к сердцу. Острота фальшива, принарядится красным словом, смехом, ползнет, как змей, в уши, норовит подкрасться к уму и помрачить его, а когда ум помрачен, так и сердце не в порядке. Глаза смотрят, да не видят или видят не то...»

Теперь впору снова внять авторскому размышлению, являющемуся читателю романа через героя романа: «Но дела у нас, русских, нет, — решил Райский, — а есть мираж дела. А если и бывает, то в сфере рабочего человека, в приспособлении к делу грубой силы или грубого умения, следовательно дело рук, плечей, спины: и то дело вяжется плохо, плетется кое-как; поэтому рабочий люд, как рабочий скот, делает все из-под палки и норовит только отбыть свою работу, чтобы скорее дорваться до животного покоя. Никто не чувствует себя человеком за этим делом, и никто не вкладывает в свой труд человеческого, сознательного умения, а все везет свой воз, как лошадь, отмахиваясь хвостом от какого-нибудь кнута. И если кнут перестал свистать, — перестала и сила двигаться

и ложится там, где остановился кнут. Весь дом около него, да и весь город, и все города в пространном царстве движутся этим отрицательным движением. А не в рабочей сфере — повыше, где у нас дело, которое бы каждый делал, так сказать, облизываясь от удовольствия, как будто бы ел любимое блюдо? А ведь только за таким делом и не бывает скуки! От этого все у нас ищут одних удовольствий, и все вне дела». Как говорится, все так. Но откуда вдруг возьмется эта «сладкая» работенка или милое душе человеческой дело? И в одних ли силах человеческих обрести подобное бытие, тем более что человек весьма слаб, а русский человек — особенно плох в деловом отношении?

Впрочем, вернемся к поклонению героя романа красоте. В частности, увлекаясь Верою, Райский говорит о красоте так: «Красота, исполненная ума, — необычайная сила, она движет миром, она делает историю, строит судьбы: она, явно или тайно, присутствует в каждом событии. Красота и грация — это своего рода воплощение ума. От этого дура никогда не может быть красавицей, а дурная собой, но умная женщина часто блещит красотой... она прежде всего будит в человеке человека, шевелит мысль, поднимает дух, оплодотворяет творческую силу гения, если сама стоит на высоте своего достоинства, не тратит лучи свои на мелочь, не грязнит чистоту...» А вот и весьма примечательное признание Бориса о любви, вызванной поклонением красоте: «...все любовные мечты, слезы, все нежные чувства — суть только цветы, под которыми прячутся нимфа и сатир...»

Теперь слова Веры о герое романа из ее письма жене священника Натанше: «Он (речь о Райском. — А. М.) как будто играет, может быть даже нехотя, со мной. Сегодня холоден, равнодушен, а завтра опять глаза у него блестят, и я его боюсь, как боят-

ся сумасшедших. Хуже всего то, что он сам не знает себя, и поэтому нельзя положиться на его намерения и обещания: сегодня решится на одно, а завтра сделает другое». Борис же как бы в ответ Вере самое сокровенное тайно: «...сердце у него замирало от предчувствия страсти: он вздрагивал от роскоши грядущих ощущений, с любовью прислушивался к отдаленному рокотанию грома и все думал, как бы хорошо разыгралась страсть в душе, каким бы огнем очистила застой жизни и каким благотворным дождем напоила бы это засохшее поле, все это бытие, которым поросло его существование. Что искусство, что самая слава перед этими сладкими бурями! Что все эти дымно-горькие, удушливые газы политических и социальных бурь, где бродят одни идеи, за которыми жадно гонится молодая толпа, укладывая туда силы, без огня, без трепета нерв? Это головные страсти — игра холодных самолюбий, идеи без красоты, без палящих наслаждений, без мук... часто не свои, а вычитанные, скопированные!.. Но Вера не дает ее (страсть. — А. М.) ему: это не льстит даже ее самолюбию».

Обратим внимание на то, с какой страстью Райский добивается от Веры имени ее возлюбленного: «Да, нужно имя — и тогда только я успокоюсь и уеду. Иначе я не поверю, до тех пор не поверю, пока будет тайна...» И далее он снова напирает, делая искомое признание Веры более вероятным, чем прежде: ««святая, глубокая, возвышенная любовь» — ложь! Это сочиненный, придуманный признак, который возникает на могиле страсти. Это люди придумали, как придумали казенную палату, питейные конторы, моды, карточную игру, балы! Возвышенная любовь — это мундир, в который хотят нарядить страсть, но она беспрестанно лезет вон и рвет его. Природа вложила только страсть в живые организмы, другого она ничего

не дает. Любовь — одна, нет других любвей!.. на остывший след этой огненной полосы, этой молнии жизни, ложится потом покой, улыбка отдыха от сладкой бури, благодарное воспоминание к прошлому, тишина! И эту-то тишину, этот след люди и называли — святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорела и потухла... Нет, ничего в жизни не дает такого блаженства, никакая слава, никакое шекотанье самолюбия, никакие богатства Шехерезады, ни даже творческая сила, ничто... одна страсть!» Но что же из себя являет сам объект поклонения главного героя романа? Вот как Веру характеризует ее бабушка Татьяна Марковна: «...свой ум, видишь ли, и своя воля выше всего! И бабушка не смей спросить ни о чем: “Нет, да нет ничего, не знаю, да не ведаю”. На руках у меня родилась, век со мной, а я не знаю, что у ней на уме, что она любит, что нет... Верочкин взгляд, даже каприз — для нее (речь о попаде — подруге Веры. — А. М.) святы. Что та сказала, то только и умно, и хорошо. Ну, Вере этого и надо; ей не друг нужен, а послушная раба. Вот она и есть: от этого она так и любит ее».

Теперь о любовном конкуренте Райского — о Марке Волохове, неблагонадежном ссыльном. Вот как говорит о его взглядах Вера: «Что это за заглядыванье в даль? — твердили вы (речь о Волохове. — А. М.) — что за филистерство — непременно отмеривать себе счастье саженьями да пудами? Хватай, лови его на лету, и потом, после двух, трех глотков, беги прочь, чтоб не опротивело, и ищи другого! Не давай яблоку свалиться, рви его скорей и завтра рви другое. Не кисни на одном месте, как улитка, и не вешайся на одном сучке. Виснуть на шее друга, пока виснется, потом разойтись...». А это уже слова, адресованные Вере, самого Марка: «Я думал, — продолжал он, — что мы скоро сойдемся и потом разойдемся, — это зависит от

организмов, от темпераментов, от обстоятельств. Свобода с обеих сторон — и затем — что выпадет кому из нас на долю: радость ли обоим, наслаждение, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги — это уже не наше дело. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слепо ее назначение, подчинились бы ее законам. А вы вдалились в анализ последствий, миновали опыты — и оттого судите вкривь и вкось, как старая дева. Вы не отделались от бабушки, губернских франтов, офицеров и тупоумных помещиков. А где правда и свет — еще не прозрели! Я ошибся! Спи, дитя! Прощайте! Постараемся не видаться больше...»

Но спросим, дорогой читатель, сами себя: каков идеал женщины у Райского? Вот как об этом повествует И.А. Гончаров: «Он (речь о Борисе. — А. М.) смотрит, ищет, освещает темные места своего идеала, пытается собственный ум, совесть, сердце, требуя опыта, наставления, — чего хотел и просит от нее (речь о Вере. — А. М.), чего недостает для полной гармонии красоты? Прислушивался к своей жизни, припоминал все, что оскорбляло его в его прежних, несостоявшихся идеалах. Вся женская грубость и грязь, прикрытая нарядами, золотом, брильянтами и румянами, — густыми волнами опять протекла мимо его. Он припомнил свои страдания, горькие оскорбления, вынесенные им в битвах жизни: как падали его модели, как падал он сам вместе с ними и как вставал опять, не отчаиваясь и требуя от женщин человечности, гармонии красоты наружной с красотой внутренней». Но вправе ли герой романа требовать от красавицы непорочности, а то и святости? Вряд ли. Однако он упорно (по праву свободного человека) требует того, чего нет и быть-то совсем не может! Вот в чем беда. Но почему же это так? Да потому, что в мире несовершенных существ всякая внешняя

красота становится объектом многих и многих притязаний. Это во-первых. Во-вторых, сам носитель красоты также осознает свое влияние на других людей, и даже свое могущество перед ними. В-третьих, имея изначальное личное внутреннее несовершенство, всякая красавица естественно начинает соблазняться на свой счет, а значит, начинает также впадать в заблуждение в оценке выказывающих ей свои чувства мужчин. В результате, способная к любви красивая женщина, непременно выбирает мужчину-проблему. Иначе говоря, ее возлюбленным становится мужчина, который становится для нее сущим наказанием. Впрочем, вернемся на страницы романа.

Автор сообщает своему читателю следующую мысль: «Ему (речь о Райском. — А. М.) предчувствие говорило, что это последний опыт, что в Вере он или найдет, или потеряет уже навсегда свой идеал женщины, разобьет свою статую в куски и потушит диогеновский фонарь». С другой стороны, герой романа отчетливо понимает подлинные масштабы проблемы половой любви: «Какая перспектива грубости, лжи, какая отравка жизни! И целые века проходят, целые поколения идут, утопая в омуте нравственного и физического разврата, — и никто, ничто не останавливает этого мутного потока слепо распутной жизни! Разврат выработал себе свои обычаи, почти принципы, и царствует в людском обществе, среди хаоса понятий и страстей, среди анархии нравов...» Кстати, еще один любопытный и попутный пассаж о любви в контексте большого ума, без наличия которого сама любовь попросту не возникает: «Такой умок выработала себе между прочим, в долгом угнетении, обессиленная и рассеянная целая еврейская нация, тайком пробиравшаяся сквозь человеческую толпу, хитростью отстаивавшая свою жизнь, имущество и свои права на существование. Этот умок помогает с успехом

пробавляться в обиходной жизни, делать мелкие делишки, прятать грешки и т. д. Но когда женщинам возвратят их права — эта тонкость, полезная в мелочах и почти всегда вредная в крупных, важных делах, уступит место прямой человеческой силе — уму».

Теперь в самую пору обратить наше внимание на решительное объяснение ученицы и ее учителя: «Дайте мне силу не ходить туда! (речь о беседке под обрывом — месте встреч Веры с Марком. — А. М.) — почти крикнула она... — Вот вы (речь о Борисе. — А. М.) то же самое теперь испытываете, что я: да? Ну, попробуйте завтра усидеть в комнате, когда я буду гулять в саду одна... Да нет, вы усидите! Вы сочинили себе страсть, вы только умеете красноречиво говорить о ней, завлекать, играть с женщиной! Лиса, лиса! вот я вас за это, постоите, еще не то будет!.. — Ты за этим дождалась меня? — помолчал, спросил он, — чтоб сказать мне это? — Да, за этим! Чтоб вы не шутили вперед с страстью, а научили бы, что мне делать теперь, — вы, учитель!.. А вы подожгли дом, да и бежать! “Страсть прекрасна, люби, Вера, не стыдись!” Чья это проповедь: отца Василия? — Я разумел разделенную страсть, — тихо оправдывался он. — Страсть прекрасна, когда обе стороны прекрасны, честны — тогда страсть не зло, а действительно величайшее счастье на всю жизнь: там нет и не нужно лжи и обманов. Если одна сторона не отвечает на страсть, она не будет напрасно увлекать другую, или когда наступит охлаждение, она не поползет в темноте, отравляя изменой жизнь другому, а смело откроется и нанесет честно, как сама судьба, один явный и неизбежный удар — разлуку... Тогда бурь нет, а только живительный огонь... — Страсти без бурь нет или это не страсть! — сказала она. — А кроме честности или нечестности, другого разлада, других пропастей разве не бывает? — спросила она после некоторого молчания. — Ну вот, я люблю,

меня любят: никто не обманывает. А страсть рвет меня...

Научите же теперь, что мне делать?». В результате выходит то, что всякая любовная страсть несовершенного (грешного), но искреннего человека есть для него тяжкая проблема. То есть теория страстной любви Райского на практике обращается в сущее страдание? Да, именно так — обращается и показывает свою скорбную суть.

Теперь перед нами уже сцена решительного объяснения Веры с Марком, который проповедует свободную любовь «на срок»: «Если так, зачем вы упорно привязались ко мне, говорите, что любите, — вон изменились, похудели?... Не все ли вам равно, с вашими понятиями о любви, найти себе подругу там в слободе или за Волгой в деревне? Что заставляет вас ходить целый год сюда, под гору? Он нахмурился. — Видите свою ошибку, Вера: “с понятиями о любви”, говорите вы, а дело в том, что любовь не понятие, а влечение, потребность, оттого она большею частью и слепа. Но я привязан к вам не слепо. Ваша красота, и довольно редкая — в этом Райский прав — да ум, да свобода понятий — и держат меня в плену более, нежели со всякой другой!.. Любовь — счастье, данное человеку природой... Это мое мнение... — Счастье это ведет за собой долг, — сказала она... — это мое мнение... — Это выдумка, сочинение, Вера, поймите, хаос ваших “правил” и “понятий”! Забудьте эти “долги” и согласитесь, что любовь прежде всего — влечение... иногда неодолимое... А то выдумали — “долг”! — Долг, — повторила она настойчиво, — за отданное друг другу лучшие годы счастья платить взаимно остальную жизнь... — Все это мораль, подергивающая жизнь плесенью, скукой!.. Вера, Вера, — не любите вы, не умеете любить... — Разлука стоит у вас рядом с любовью! — Она безотрадно вздохнула. — А я думаю, что это крайности, которые

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

никогда не должны встречаться... одна смерть должна разлучить». Но, как говорится, гордый ум — это не могучий ум, а значит, страсть все равно его одолевает: «Марк, прощай! — вскрикнула она (речь о Вере. — А. М.) — и сама испугалась собственного голоса: так много было в нем тоски и отчаяния. Марк... в несколько прыжков очутился подле нее. «Победа! Победа! — вопило в нем. — Она возвращается, уступает!» — Вера! — произнес и он таким голосом, как будто простонал. — Ты воротился... навсегда?.. Ты понял наконец... О, какое счастье! Боже, прости... Боже, прости ее, что она обернулась!...»

Обдумывая последнее объяснение вкупе с предшествующими характеристиками Веры и Марка, вдруг осознаешь, что эти люди при всех внешних отличиях все же удивительно схожи в главном. Оно легко называется формулой «гордый ум». Но ведь это и есть ключевая характеристика всякого либерала. То есть именно горделивость или высокое самомнение и образует либеральную идею, в которой нет и следа какого-либо заметного смирения. Впрочем, Вера все же много печалует в связи с утратой своего девства. Но делает это опять же с горделивыми нотками: «Ей стало больно упасть в глазах даже и “глупцов”, как выражался Марк. Она вздыхала по удивлению их к себе, ей стало жаль общего поклонения, теперь утраченного!» И вот уже заочное расставание Веры с Марком посредством ее друга — крупного лесного хозяина Ивана Ивановича Тушина, причем, даже не расставание, а именно разрыв всяческих отношений.

Казалось бы, все разумно и правильно, но осадок-то вновь либеральный. Почему? Да потому, что такое решительное отталкивание еще вчерашнего возлюбленного выглядит, конечно же, жестоко. С другой стороны, Вера вряд ли бы устояла перед Марком в случае нового свидания с ним. Ее бы вновь привлек к нему все еще присущий ей либерализм, который и толкнул ее накануне в известное «падение».

Самый финал романа, подготавливающий семейный союз Веры и Тушина, в отличие от предшествующей ему части, производит впечатление чего-то не очень ловкого и даже смахивает на попытку сокрытия подлинных причин ранее случившейся драмы. В результате И. А. Гончаров вполне изменяет предшествующей правде романа, видимо полагая невозможным его иное окончание. Следует ли ругать автора за это решение? Вряд ли. Тем более, что само прощение им своей героини весьма искренно. Другое дело, что главные трудности в жизни Веры лишь только начинаются, что обрыв ее либеральной любви есть все-таки обрыв, а не ее преодоление, по сути. Иначе говоря, героиня так и не изживает окончательно свои либеральные заблуждения, она лишь временно их «припрятывает», в том числе и от самой себя, а значит, ее реальная судьба будет обязательно грозить ей новыми бедами. Аналогичная участь «больных прозрений» видимо ожидает и Райского, неожиданно решившегося в конце романа стать скульптором. Он так и не осознает, что подлинной красоты вне истины не стяжать никому и никогда.

Наталья Ульянова

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

НАЧАЛО

Существует несколько вполне достоверных сведений о сотворении настоящего мира. Теперь они облечены в легенды и предания давней старины.

Исчезнут горные потоки,
И разверзнутся небеса.
И невозможно всё окинуть,
И взор мутится, небеса
Всё источают камень чудный,
Который падает лишь вниз.
И он грохочет в мир безлунный,
В безмолвии летит он вниз.

Вначале ничего не существовало, кроме Света и Молчания. Они обитали в межзвёздном пространстве, и так продолжалось долгие и долгие годы. И тогда появился Луч Света, которому слишком надоело Великое Молчание. Он решил разделить весь существующий Космос на две совершенно одинаковые части. Часть Света и часть Темноты.

Таким образом, одновременно возникли две области, где не было ничего, кроме Света и Темноты. Эти две области разделили между собой всё космическое пространство и начали властвовать. По мере образования некоторых частей материи, они поочередно делились на две части: светлую и тёмную. Постепенно образовались планеты, расположенные в различных областях Вселенной. Многие планеты имеют две совершенно одинаковые области с различными свойствами материи и времени. Они могут существовать в различных пространствах, и поэтому никогда не соприкасаются друг с другом. Светлые области Вселенной разделились на совершенно светлые и приближенно белые. Они имеют свои минимальные отображения на каждой планете.

Молчание выбрало также себе область своего распространения, там, где оно поселилось, всё навек замолкало, и ни один звук не мог более выбраться наружу.

На планете Земля область Света располагается крайне неравномерно — в меньшей степени, она находится на поверхности суши, это Австралия, часть Азии и часть Антарктиды. Большая часть Света расположена под водной гладью — на суше затонувших материков.

В начале деления планеты на различные области на их границе была воздвигнута высочайшая гора планеты. На её вершине было посажено громадное священное дерево с горящими свечами. Они горели постоянно, освещая с вершины горы и область Света, и область Темноты. Свечи должны были гореть постоянно, и никто из тогда живущих в мире существ не мог погасить те свечи.

В начале существования нашей планеты были лишь несколько служителей-отшельников. Они постоянно обитали на планете, но никогда не могли стать ее коренными жителями. Они существовали постоянно, никто из них не знал, откуда они появились и куда они исчезают после смерти. Служители горы появлялись из Великого Космоса со стороны Света и со стороны Темноты. Они поддерживали священное дерево, которое со временем превратилось в Великого стража покоя и мира Вселенной.

И так длилось многие и многие тысячелетия, и всегда сохранялось равновесие между Светом и Темнотой. Но однажды один из служителей случайно уронил одну из горящих свечей. Нарушилось природное равновесие между Светом и Темнотой. Темнота получила некоторое преимущество и начала понемногу заполнять весь мир. Некоторые служители начали переходить на не освещенную сторону планеты, начал концентрироваться холод. Служители возводили укрепленные замки, где в основном преобладали темные краски, темнота и холод. Они изобрели особые факелы, которые освещали холодные и мрачные подземелья, где никогда не раздавались звуки.

Здесь постоянно возникали новые и новые стены холода и мрака, так образовался Великий Холодный Лабиринт. Некоторые служители Света постоянно пытались проникнуть в Лабиринт. Они старались победить внешние признаки темноты, но свечи не могли гореть в мрачном подземелье. Служители темноты воздвигли тайный замок в самом сердце Лабиринта. Малые двери и окна препятствовали проникновению любопытных и праздных. На двери они старались запечатлеть надписи холода и мрака, но внезапно появились горящие строки, совсем другого смысла:

Лишь смелый в эту дверь войдет,
Отступит мрак, исчезнет вьюга.
Зажжет он свечи в окнах всех,
Увидеть много сможет он недолго.

Горящие надписи, подобные этой теперь всегда были в Лабиринте. Они молча предвещали появление героя, который сможет пересилить темные силы и разрушить мрачные замки подземелья.

Позднее этот мрачный Лабиринт был назван Критским.

ЖИЗНЬ ОКЕАНА

С самых древнейших времён, почти с самого начала возникновения Мирового океана, он был постоянно населён живыми мыслящими существами. Вначале они представляли собой просто тёмные сгустки мыслящей протоплазмы, которая концентрировала внутри себя огром-

ное количество солнечной энергии. В дальнейшем в океане стали появляться новые жизненные формы, некоторые из них навсегда исчезали с лица планеты, другие находили убежище в его глубинах на многие и многие века. Так, например, целокант (или латимерия) долгое время считался полностью вымершим, пока в XX веке его не выловили у берегов Южной Африки. Многие века он, почти неизмененным видом, обитал в морских глубинах, недоступных человеческому глазу.

Скорее всего, в океанических впадинах ещё скрываются древние динозавры, которые смогли полностью приспособиться к современным физическим и химическим свойствам воды (давлению, температуре, солености, солям металлов, растворенным в воде). С погружением на значительную глубину меняется освещенность, — на глубине полтора-два километра уже становится совершенно темно, и лишь немногие растения и животные продолжают существовать в таких условиях. Они приспособлены к возрастающему давлению и понижению температуры.

Последние научные исследования говорят о том, что жизнь обнаружена на глубине трёх с половиной - четырёх километров. Некоторые глубоководные рыбы (например, удильщики) снабжены специальными светящимися органами, позволяющими видеть добычу в темноте. Самцы в таких популяциях становятся очень маленькими и в основном служат придатком для полового размножения.

На больших глубинах человек не смог обнаружить присутствие жизни, но это вовсе не означает, что её там нет. Живые организмы, обитающие на глубине четырёх-пяти километров, скорее всего, имеют почти прозрачную структуру, близкую к коэффициенту преломления света в воде, и заметить их практически невозможно.

Древние люди, некогда обитавшие на затонувших материках, вполне могли приспособиться жить под водой. Для дыхания можно использовать воздушные пузырьки (как у некоторых водных пауков), или видоизмененные легкие или отростки жабр. Это вполне реальный образ жизни, так как в наследственной памяти человека давно существуют зачатки генов, позволяющие перейти из рецессивной формы в доминантную.

Человеческие особи или существа, приближенные к ним по своему строению и физиологии, могут очень давно обитать в морских глубинах и быть никем не обнаружены за много столетий. Человеческая техника очень несовершенна и бывает трудно предположить наличие жизни там, где сам человек существовать не может.

Обнаруженная в двадцатом столетии самая глубокая океаническая впадина — Марианская — насчитывает более одиннадцати километров в глубину. На такую чудовищную глубину не способно опуститься и долго функционировать ни одно созданное человеком чудо техники. Тем не менее, на этой впадине постоянно происходят физические изменения поверхности морского дна. Скорее всего, древние существа в состоянии изменить свою окружающую среду. Нахождение в океанической воде огромного количества солей драгоценных и редкоземельных металлов позволяет предположить, что на морском дне находятся настоящие рудные кладовые, которые могут значительно пополнить за-

пас металлов, постоянно уменьшающийся на самой суше — земле. До недавнего времени наиболее эффективным методом добычи из морской воды металлов служил электролиз. Таким образом добывается в основном магний, цинк, некоторое количество золота. С больших глубин можно добывать морскую воду с большим содержанием галогенов, а также серебра, калия, меди, натрия. Получать металлы из их солей возможно прямо под водой, на небольших станциях переработки, путем выпаривания растворов и вытеснения солей химическими методами.

Жизнь в Океане представляет собой постоянное преодоление человеком земных условий существования под водой. В двадцатом веке стало возможным существование на небольшой глубине (от ста метров до пятисот метров) глубоководных станций с ограниченным количеством экипажа. Они в состоянии вместить от десяти до двадцати человек и полностью автономно обеспечивать их жизнедеятельность в течение трёх-четырёх месяцев подряд. Создание подобных станций в будущем возможно, и легче всего устроить их в достаточно мелководном Атлантическом океане (по сравнению с Тихим океаном). Здесь очень много шельфовых отложений, мелководных банок, именно в этом океане встречаются струи пресноводных морских рек (вода в них очень чистая и никогда не смешивается с морской водой). Это, скорее всего, можно объяснить разной температурой и плотностью морской и пресной воды. Лучше всего станции смогут функционировать в летнее время года.

Булат Тугельбаев (Азия, Казахстан, Астана)

О КАРПАХ И ЧИЧИКОВЫХ

(рассказ)

— Да, история, — промолвил дядька рыбак. Хороший полицейский, сродни рыбаку, или охотнику в засаде. Конечно, кто-то задарма протирает штаны в кабинетах, но есть и такие, кто, расследуя преступления, в добавок к зарплате получает изрядный выброс адреналина. Но лично я предпочитаю рыбалку.

— Мой отец работал парторгом в совхозе. Во время посевной, сенокосов, он сажал меня с собой, в бобик, и мы объезжали бригады. Это было прекрасное время, и прокопченные, словно дубленки, механизаторы казались мне былинными богатырями. От них вкусно пахло солидом и соляркой. Обедали мы где-нибудь в степи, на полевом стане. Громкоговоритель, установленный на крыше вагончика, передавал веселые марши. Предчувствовавшие сытный обед, а может рефлекторно, словно собаки Павлова, люди радостно улыбались.

Тетки-поварихи всегда после ароматного борща находили для «папиного помощника» какую-нибудь сладость. Семилетнему пацану всегда найдется много дел.

Однажды, пообедав, с саркитом в виде нескольких ирисок, я побежал на берег речки. Стояла прекрасная, солнечная погода. От свежескошенной травы шел волшебный, свежий, как называл его дядька Петро, — духмяный дух. Речушка Улентинка в этом месте была шириной не больше десяти метров. Выйдя по протоптанной среди камышей тропинке на невысокий бережок, я залюбовался прозрачной водой. В тальнике, на противоположенном берегу, невидимая маленькая птичка запела: «Чичиков, Чичиков, Чичиков». С плеском на воду грохнулась чернеть, но заметив меня, тут же взлетела.

На дне, среди кувшинок и небольших облачков водорослей, шла своя, деловая жизнь. Играя в вечные салочки с жизнью, носились стайки мальков. Скинув рубашонку и сандалики, я собирался сигануть в воду.

Внезапно мальки шарахнулись в разные стороны, и из зарослей камыша появились они — короли реки. Вначале я принял их за длинные круглые тени. Приглядевшись, я понял, что эти огромные круглые колбасины, — рыбыны. Как они плыли! Величественные в своем безразличии к окружению, поблескивая огромными, сверкающими на солнце чешуйками.

Карпы скрылись из виду.

— Папка, там акулы! — кричал я, несясь к полевому стану.

Взрослые, к моему рассказу отнеслись с изрядной иронией. Поверил только приятель отца, дядя Володя. Он и пояснил, что это, скорее всего, карпы.

Рано утром, в выходные, мы ехали к полевому стану. Сидя у отца на коленях, я крутил руль, отчего машина отчаянно вихляла.

В камышах, на плесе, дядя Володя установил перемет, предварительно заложив внутрь кусок теста.

Закинув удочки, взрослые разложили тормозки, и между ста граммами вели неспешную беседу. Чего только они не знали, эти великие для меня люди!

Моя лопухая голова была не в силах вместить столько информации.

Согласно легенде дяди Володи, карпов в речушку запустили с железнодорожного моста, когда молодняк, который перевозили в другое место, начал задыхаться от жары в железнодорожной цистерне. Их ловили выше, у моста, на плотине. Но ниже дамбы, в нашем месте, их никто не видел. Однако пару лет назад, в паводок, дамбу прорвало.

В тот день в мордушку попало десятка карасей, но карпа не было. По дороге назад взрослые добродушно подтрунивали над моими акулами.

В следующие выходные папа был в командировке, и прихватив меня и своего сына Ильюшку, дядя Володя поехал на рыбалку, на карпа.

— Булат, мы покажем класс этим скептикам, — сказал он мне.

У речки, срезав несколько веток ивняка — мы его называли талой, дядька соорудил нам удочки. Я попросил для своей удочки крючок поболее и леску потолще. В то время большие крючки ковали кузнецы в МТМ. Они умели ковать даже подковы. И нацепив мне большой крючок, дядя Володя рисковал попасть на бутылку Агдама, или может Чашмы. Но паритет создавал «огнетушитель Памира», который лежал у него в кабине.

Посмеявшись над моим азартом, дядя Володя выполнил желание. Такой крючок требовал хорошей лески, на всякий случай. То была красивая леска. Похожая на радугу, она состояла из нескольких цветов.

Устав таскать усачей и окуней, дядя Володя с Ильюшкой позвали меня перекусить. Но не тут то было. За неделю до этого я видел, как свинья-производитель, по прозвищу тетя Клава, с визгом неслась по сохвону. Горел свинарник. У свиньи горела спина. Хрен знает, где хранил свой инструмент дядя Володя, но воткнув заточку в тело, он остановил свинопобег.

Я знал, что котлеты были из тети Клавы. Я их не ел. Потеря тети Клавы была большим ударом для совхоза. Свиноматка имела большой, общесоюзный след. Не каждый дворянин имеет такую родословную. С потерей производителя выяснилось, что эта свинья тащит свои корни из Баварии. Производители ее, бароны Фон Аргунц, не думали, что когда-нибудь потомок их породы, этот троянский свин, может попасть в Казахстан. Боровы этой породы вели свое происхождение с шестнадцатого века!

Да и сало в нашей семье не жрали. Да мне хватило кусочка хлеба.

Исходя из логики, что большая рыба любит большую приманку, я нацепил на крючок кусок теста величиной с грецкий орех и подбросил крючок к камышам. Но, увы, мелкая рыба клонуть не могла, а большой все не было. Но я ждал.

Пироман любит смотреть на пламя, скупеец на деньги, и лишь рыбак впадает в полную нирвану сидя у реки. Пусть даже не клюет. Вода очищает мозги от излишней шелухи, снимает напряжение с головной и сердечной мышцы. Так говорил дядя Володя.

Накупавшись, мы прилегли в тени кузова грузовика дяди Володи, и сразу заснули. Проснувшись, я растолкал Ильюшку, и мы побежали к речке.

Солнце перевалило за полдень, и жара спала. Расползшаяся наживка сама сползла с крючка, и слабенькое течение тащило от нее белесый след к камышу. Я нацепил новый кусок теста, и забросил уду на место. В кустах талы вновь завел свою песню Чичиков. Расстелив, подобно взрослому, для пущего форса рубашку, я улегся на берегу, пристально вглядываясь в воду. Сквозь толщу воды на сереющем песке отчетливо виднелся кусочек теста у камышей.

Из гуши камышятовых джунглей, не торопясь, выплыл карп. Я знал, что запах теста, разнесшийся в воде, тянул его, как Титаник к айсбергу. Развернувшись, с лентой, словно «Мерседес» представительского класса, карп подплыл к наживке, и застыл на месте. Затем губы вытянулись вперед, в форме буквы о.

— Давай, давай... — мыслил я.

Тесто, волшебным образом поднявшись со дна, заплывало в его рот. Так же медленно карп развернулся, и, — бабах, — удочку рвануло из моих рук. Не пойму, как я ее удержал. Но вцепившись от страха мертвой хваткой в удилище, я не мог его отпустить.

Карп рванул вдоль плеса, словно собачка, удерживаемая поводком. Лишне говорить, что я бежал следом по берегу, в промежутках раздумывая, не бросить ли удочку. Может, собачкой был я? На края плеса, у камышей, леска опять сильно натянулась, и карп развернулся и поплыл обратно. Удилище мотало во все стороны.

Наконец на мои дикие вопли прибежал дядя Володя и перехватил удочку. Оказывается, я от страха быть утащенным карпом, еще и орал. Тоненьким фальцетом мне вторил насмерть перепуганный Ильюшка.

В присутствии взрослого я опять раздухарился, и когда карпа подтащили к берегу, опять удерживал удочку, пока дядька, спрыгнув в воду, перехватил рыбину за жабры, и выбросил ее на берег.

Нечего и говорить, что в ожидании следующей жертвы мы просидели на берегу до поздней ночи. Но карп больше не появлялся.

Через несколько лет мы переехали на берег речушки Кедей. Она так и переводится — нищенка. Так себе речушка. Живущие по соседству пацаны со смехом относились к моим рассказом об огромных карпах, живущих на Улентике.

Со временем и я позабыл о них. Но они часто приходили ко мне во снах. Огромные и важные, похожие на обрубки бревен, карпы плыли в прозрачных струях моих детских снов. И сердце заходило от радости.

Это была мелкая речушка, с мелкой рыбешкой, и народ жил по ее канонам. Они не верили в крупное. Живя рядом с ними, общаясь с ними, я забыл об огромных красивых рыбах. Они мне казались сном, как и добрый волшебник, дядя Володя, как и сказочные механизаторы.

В Тургае тоже были механизаторы, но они были другие, вечно грязные и пьяные мужики, оскверняющие рот обильным матом.

Спустя десяток лет я сидел на Улентинке, под мостом, с удочкой. Сидящий рядом мальчишка занял мне кусочек теста.

Нацепив весь шматок, я подбросил наживку поближе к камышам. Гулять, так гулять, стрелять, так стрелять.

Вечерело, песок на дне принимал сероватый оттенок. И более отчетливо вырисовывал наживку.

— Чичиков, Чичиков, — запел в зарослях тальника старый приятель.

Как и сто тысяч лет назад, из камыша, величественно выплыл он, карп. Как и в далеком детстве, у карпа, словно хобот слона, вытянулись губы. Впив в себя тесто, рыбина медленно развернулась, и руки вспомнили рывок. Я его вытащил, так же бегая вдоль плеса, и крича от радости. Мне его нужно было вытащить! А в мозгу, носилась одна мысль, — я не врал, я не врал. Отчетливо припомнились добрые витязи моего детства, отец.

— Ага, говнюки, — кричал я кому то, — все таки у меня был в детстве карп!

ВАГОННЫЕ СПОРЫ

(рассказ)

— Конечно, подтрунивание падляне рознь, согласился владелец бутика модной одежды, больше известный под прозвищем Рыжий. Неудачная шутка может надолго выбить вас из колеи, а злая шутка повлиять на дальнейшую жизнь.

По окончании института как-то резко оказался один на один с суровыми реалиями этой жизни.

Работы не предвиделось. Из студенческой общаги, где мы проживали с молодой супругой, нас вытурили. Родственники и друзья, у которых мы поочередно перекантовывались, при виде нас с трудом сдерживали раздражение.

Однажды холодным осенним днем романтика супружеской жизни лопнула, как пузырек дешевой жвачки «бубльгум». Супруга вернулась к своим родителям, проживавшим в нашем городке, и с которыми я был так нехоти в конфронтации.

Что тяжело переживалось больше: предательство любимого человека, а мне кажется я любил ее искренней юношескою любовью, или муки ущемленной гордости? Как так, поменять рай в шалаше, да еще со мной на обывательский уют?

С товарищем Петрухой всеми правдами и неправдами нашли какие-то деньги и пустились в челночное плавание.

В то время путь челнока шел из Целинограда в Москву, из Москвы в Сочи, и лишь оттуда катером в Трабзон. Бесконечное перетаскивание баулов, бессонные ночи, рэкетирские постановки, а затем,

по приезде, торгую на барахолке отвлекала меня от дурных мыслей и ожесточала характер. Чего стоил сосед по номеру, повесившийся на люстре после того, как его облапошили сочинские каталы! Бишара взял кредит под залог квартиры и спустил его на лохотроне в Сочи.

Мы прорвались. Через год с Петрухой сидели в моей собственной квартире, устланной коврами и диванками, курили кальян и пили виски из “дьюти фри”. Обмывали контракт на аренду торговой площади в ЦУМе.

— Слушай, — сказал я, — а сейчас я позвоню Оксанке и приглашу ее в гости. Пусть сучка увидит, кого бросила.

Я позвонил, и вдруг с замиранием души услышал ее голос, и куда-то исчезла показная бравада и сердце рвануло к ней сквозь телефонные сети. Любовь, ля мур... посмотрев правде в глаза, я понял, что все так же тянусь к ней, вот уж действительно, сука любовь.

Так или иначе, она пообещала заехать ко мне в гости через пару часов.

Она пришла, и мы уселись за уставленный деликатесами стол. Милый взгляд, которым она испытывающее оглядывала меня, сулил надежды. Охмелев от первой же рюмки, я обнял ее и она подалась мне навстречу... и вдруг этот звонок в дверь.

— Я сейчас, сказал я, гадая, кто же это мог быть.

Увы, за дверями стояла стайка недвусмысленно одетых девиц. Захлопнув за собою дверь, выскочил в коридор и кое-как объяснив, что никого не вызывал, и даже, всучив деньги на такси, отправил блудей восвояси.

Это было только начало. После четвертой или пятой бригады, позвонившей в мои двери, озверевшая экс-супруга пулей вылетела из дома в неизвестном направлении, предварительно бросив мне, что ничего другого от такого кобеля, как я, она не ожидала. Пожалуй, это было наше последнее свидание.

— Однако как это цинично, так подло поступать с женщиной, пусть даже бывшей, — прокомментировала рассказ разбитная девчонка.

— В том то и дело что этот тупой розыгрыш подстроил мой компаньон. Узнав о свидании он нанял несколько бригад проституток и подсылаал их поочередно к моей квартире, а сам угорал, сидя в машине у подъезда. После того, как супруга выскочила из подъезда, он поднялся ко мне и попытался пояснить, что с козлихами надо поступать по свински.

— Пойми, Серега, — сказал он, — пора взрослеть. Брось ты эту юношескую хрень. Как реки текут к океану, так и ноги, даже самой прекрасной из девушек, растут из трусов... — тираду он не закончил, так как, вдохновленный моими пинками, срочно ретировался из квартиры.

Вначале, узнав обо всем, я был взбешен. Что смешно, самым обидным мне казались упреки в кобелизме. На тот момент я никогда в жизни не прибегал к услугам заблудших, но милых созданий.

— Рыжий вздохнул.

— Сейчас, с течением времени, я понимаю, что может так было и лучше. Уходя, уходи. Ведь предавший раз, может предать снова, и кто знает, как это перенести во второй раз?

В незатейливых спорах аульских друзей, — пацанов
Побеждал зачастую один аргумент, — аргумент кулаков.
Вот и детство прошло, только в жизни одно изменилось:
Не оставят на сердце любимой слова синяков.

ПОМЕСТЬЕ СУРИКАТОВ

(рассказ)

Они были абсолютно разные. И глядя на них, вспоминалась цитата из библии: «Чужды твои дела, господи». С первого взгляда они мне даже понравились. Огромный, с седыми усами и здоровенными, как лопата, ладонями, прибалт Альбинос, и невысокая, с желтыми, как пакля, волосами татарочка тетя Зоя, скрытый тиран.

Первый этаж их дома уже стоял, окруженный капитальным забором из оцинковки. Мы только получили земельный надел, и с братьями трудились над устройством фундамента.

Сурикатами их прозвал насмешник, младший брат, сэр Джон Сильвер.

— Сурикаты, это американские суслики, — пояснил Джон. — Они похожи на наших, только более изможденные. Непонятно, когда они едят, потому что целый день стоят на задних лапках, вытягивая шеи, и разглядывают окрестности.

Как раз в эту минуту Альбинос стоял, вытянув длинную шею из-за забора, и с любопытством посматривал в нашу сторону. Зойка, стоя на балконе, что-то высматривала в соседнем дворе. Сравнение было до того точное, что мы попадали со смеха. Легкие были в порядке, и от нашего гогота сурикаты попрятались в норы.

Сэр Джон отличался благоразумием. Именно он по увольнению из армии предложил нам обращаться к друг другу с приставкой сэр. Когда говоришь “сэр”, остается время не сморозить какую-нибудь глупость, а к посторонним обращаться милостивый государь. Но до этого мы не дошли. Но сэр Бонифаций к вашим услугам.

Удивительный такт для нас, полумонгольцев. А что вы хотите, если вы считаете себя потомками Чингис-хана, то получите в добавок телегу. Когда сэру Джону задавали затруднительный вопрос, он в ответ предлагал сигарету, и загадочно ухмылялся.

В то время не было такой горы, которую нам было невозможно сдвинуть. Мы были молоды и здоровы. Плутарх, Есенберлин и Булгаков были нашими любимыми авторами. Буквально за месяц закончив цокольный этаж, мы устроили в нем временку и склад материалов. Вокруг стояли недостроенные дома. В некоторых из них жили бомжи.

Жилось им неплохо. Насобирав по поселку тележку кирпича, они катили ее к сурикатам, где и продавали за бутылку водки. Такса была неизменна. На закуску они зарабатывали, помогая строителям при погрузке или разгрузке материалов.

В деревне все как на ладони, и братец, сэр Даниэль, подсчитал, что приобретая в день по две-три тележки кирпича, фон Альбинос построит свой дом к поросячей пасхе. Однако усиленного подвоза кирпича не замечалось, а куча материалов у Альбиноса росла не по дням, а по ночам.

Однажды бомжик по имени Юрка подкатил ежедневную тележку кирпича, после шумной ссоры с Зойкой, к нам.

— Мужики, совсем баба озверела, хочет за бутылку две тележки. Вот, забирайте задарма, — заскулил он. Сэр Джон сделал ему деловое предложение, и тележки покатались к нам. Сурикаты засуетились, и через некоторое время, задирая тощие ляжки, словно журавель, Альбинос вышагивал в нашу сторону.

С интересом ожидали мы его. Надо же, за месяц даже тыквой не кивнул, а тут топает собственной персоной. Ну не любил его сэр Джон. Дело в том, что во время заливки фундамента лопаты мы прятали в кустарнике. Однажды утром их на месте не оказалось, какой-то добрый человек нашел им кров потеплее. Подойдя к торчащему за забором Альбиносу, Джон попросил взаймы, до вечера, пару лопат.

— А ты кто? — рассматривая его, словно диковинную зверушку, спросил сурикат.

— Да вот же, строим напротив, — улыбаясь ответил Джон.

Скользнув по нам равнодушным, стеклянным глазом, сурикат скрылся в норе, и больше не появлялся. Больше всего братишку взбесило скрытое презрение в его взгляде. Этот козел смотрел на него, несмотря на всю Братишкину лояльность, как девственница на мандавошку.

— Фигня, — твердили вечером мы ему. — Бог не фраер, припрется он к нам. Ты только не бей его сразу, лучше влет.

И вот он шел. Ведь мы перебили его тупой бизнес. Время было около двух часов. Пообедав, с преувеличенным интересом мы играли в карты. Альбинос остановился возле нас.

— Кто у вас старший? — наконец гневно произнес он.

— А ты кто? — Сделав наивное выражение лица, спросил сэр Джон.

Глаза Альбиноса вылезли из орбит. Как, мол, можно его не знать. — Да я тут, напротив живу, с Зойкой, — надменно произнес он.

— Может он Майкл Джексон? — резонно заметил сэр Дэниэль.

Меня всегда удивляло, когда какой-нибудь тупой, неграмотный рабист решал, что из-за более светлого цвета кожи он чем-то лучше нас. Тупость светилось в его глазах.

— До хрена вас всяких, сударь Сойка, живет напротив. — зевнув ответил я.

— Ну да ладно, что вы хотели, Сиир? (по казахски сиир — корова).

— Так вы старший, — радостно переспросил он.

— Сударь, ваш вопрос крайне не корректен. С точки зрения эпикурейцев, старшим из нас является этот почтенный муж, — кивнул я в сторону третий день не выходившего из запоя, и потому дрыхнувшего

на полу, в рванных, вонючих носках, наемного рабочего. На его закрытых веках синела накладка “Не буди”. И чтобы не парится, мы его так и звали, Не буди. — Он много повидал. — продолжил я, — чтобы недостойные людишки не прерывали его бесед с Морфеем, он с предусмотрительностью, достойной Сократа, или, что там говорить, Аристотеля, сделал это лаконичное сообщение на веках. К сожалению, в данную минуту мудрец отдыхает после трудов праведных.

— Если принять точку зрения школы стоиков, то старшим из нас является этот достойный юноша, — я показал на младшего брата. — Подобно юному Диогену, он без страха забирается в бочки с цементом, где проводит время в размышлениях о суетности бытия, между делом помахивая лопатой. Вот и сейчас, вы думаете, он подкуривает сигарету? — Нет, он ищет человека!

— Что касается вашего недостойного слуги, то являясь старшим по возрасту, согласно учению эклептиков, что я такое для возраста вселенной! Даже вот этот камешек, — я пнул ногой кусок засохшего собачьего дерьма, — старше меня. Я песчинка в море песка! — притворившись расстроенным, горестно махнув рукой, наподобие Коровьева, я побрел в глубь гаража.

Настала очередь сэра Джона Сильвера.

— Да кто ты такой, — гневно проорал он, надвигаясь на пришельца, — приходишь сюда незванный, расстраиваешь хорошего человека. Нет в вас, сударь, человеческого такта. — Подобрал с пола грязную от налипшего раствора галицу, он метнул ее в перекошенную рожу Альбиноса.

— Сударь, я вызываю вас на дуэль.

Под наш дикий хохот потерявший спесь придурок неся к своему поместью.

Вечером мы выпивали с соседом по участку, дядей Яшей. Стоял пригожий летний вечер. Раздевшись по пояс, мы поливали друг друга водой из ведра. Нет ничего приятней после жаркого летнего дня, напавшись, помыться и перекусить. Кладка тем и хороша, что результат всегда налицо. Ну заслужили мы эти сто грамм.

— Мужики, сообщил нам дядя Яша, — Альбиносиха бегает по соседям и говорит, что вы воруете кирпич с соседнего с ними дома. Якобы она сама вас ловила на этом.

— Да глупости, дядь Яш. Юрка говорил, что это сам Альбинос с Зойкой по ночам воруют. Он даже им помогал. — Расстроено возразил сэр Джон. — На воре шапка горит.

Мы сделали вид, что ушли домой, но сами затаились в подвале, распивая пиво. В полночь с брошенного участка раздался шум. Подкравшись поближе, мы разглядели, как Альбинос ловко ловил кирпичи, скидываемые с невысокого фундамента Зойкой.

— Кто здесь, стоять, — громко крикнул я, появляясь из тени. Не потерявшая самообладания Зойка спрыгнула с фундамента и прижалась к Альбиносу, затаившемуся в тени.

Тем временем подросли Сэр Даниэль с дядей Яшей. Подмигнув дяде Яше, я тихонько указал место, где притаились диверсанты, а затем указал на дом Альбиноса. Тот удивленно покачал головой.

Запрыгнув на фундамент, подошел к тому месту, где в тени притаились злодеи. Они не подавали признаков жизни. Помочившись на них сверху, я прокричал: Дядя Яш, а позвал бы ты Альбиноса.

— Я стучал, но их, видимо, дома нет. Подыграл он мне. Побегав еще для вида, мы удалились.

Остаток ночи мы пили водку. Особенным удовольствием пили за обоссанных сурикатов.

С тех пор, завидев кого-нибудь из нас, сурикаты скрывались в глубине двора. Но стоило скрыться из вида, из-за забора появлялась голова Альбиноса, а на балкон вылетала Зойка, что-то выглядывая по соседним дворам. Их дом среди соседей известен как поместье сурикатов.

В жарких пампасах Америки живут зверьки, похожие на наших сусликов. Но они более облезлые, изможденные. День они проводят стоя на задних лапках, сплетничая друг с другом о поведение соседей. Ночью они воруют. Лишь появление хищника может спугнуть суриката. Завидев орла, он бросается в свою нору, и там, затаившись в темноте, поносит птицу последними словами.

Михаил Жаров

ПАСТУШКА И СВИНАРЬ

(рассказ)

1

Зайди-ка, зайди в большой свинарник на минуту, и потом полчаса не будоражь ничьё обоняние.

Накануне экзамена по теории государства и права случилось мне первый раз сторожить животноводческий комплекс. В моём ещё гладком и оптимистичном, как мячик, мозгу профессия ночного сторожа представлялась занятием для аристократа. Гуляй себе, белоручка, взирай в богово небо, слушай репертуар природы, будь поэтом. Посему я решил не морочиться со сменной одеждой и отправился на работу в том, в чём завтра бежать в университет, в костюме, который мама выгладила со всей своей ко мне любовью.

Сначала погиб галстук. Им я зацепился, спасаясь от опоросившейся свиноматки. Перед сменой меня строго-настрого проинструктировали: следы, когда какая-нибудь из них не начнёт пороситься, чтобы сразу отнять у неё плаценту (в простонародье — место), иначе сожрёт, дура, и сдохнет. С лопатой наперевес я забрался в клетку к счастливой матери и изобразил на лице заботу и участие. До этой звёздной ночи о хрюшках я имел доброе мнение, которое сложилось ещё в детстве, благодаря мультипликации, где они изображены персонажами положительными и такими, знаете, компанейскими.

Итак, я принялся выгребать из-под рыла хавроньи кровавую, скользкую массу, ликуя про себя, что творю благо, а она, — свинья! — не показав мимикой никакого недовольства, вдруг рыкнула, аки львица, и ринулась кусаться. Это сейчас я готов многословно рассуждать о своём врождённом благородстве и её просто человеческом свинстве, а в тот момент я исторгнул лаконичное: «Сука!» — и совершил прыжок в высоту, за который нормальные зрители, а не поросята, аплодировали бы и свистели. Одна беда, что в завершении прыжка зацепился галстуком за какой-то шуруп и едва не повесился на решётке, ещё молодой и красивый.

В нескольких резких словах я объяснил подлой животине, что завтра у меня экзамен, что другой одежды сегодня нет, и порванный галстук — её вина, но меня не слушали. Всё-таки «счастье — это когда тебя понимают».

Сторож — значит сторожить. Простейшее слово, и служебные обязанности в нём прописаны от первой до последней буквы. Про варить кашу ничего не говорится. Однако из инструктажа запомнилось тревожное: следы, чтобы каша не перегрелась, а то сорвёт клапана, и тогда

не боясь и вырубай электрощит. Не думал я тогда, что будничный процесс кулинарии может быть связан с применением науки и техники, плюс — храбрости.

Познав потёмки свиной души, я с разбитым сердцем сел в сторожке выпить чаю. Степенно откупорил термос, и в это время за дверью раздалось шипение, от которого у меня заложило в ушах и просквозило в кишечнике. Возможно, получив микроинфаркт, я некоторое время продолжал сидеть, но чувство ответственности за вверенные жизни поставило меня на ноги. Вышел за дверь и увидел густой утренний туман, хотя точно знал, что на дворе вечер.

Из пристроенной к свинарнику сарайки валили клубы непроглядного ватного пара. Значит, мне туда дорога. Прытко, чтобы гордиться собой, я подбежал к двери, отпер замок, который своим весом тянул на себя всю пристройку, и шагнул в белую неизвестность.

Вдоль влажных стен я принялся ощупью искать электрощит, сознавая, что ишу быстрый конец своего земного пути. Ногами в это время я разгребал что-то мягкое и пискливое, будто пол был завален детскими игрушками. Интересно, думал я, если скороварка сейчас взорвётся, успею ли подумать о вечности или вечность наступит моментально, как новый кинокадр? И далеко ли отыщут мою голову, которую я сегодня постриг и в которой зря пропадут сорок экзаменационных билетов.

Потребовалось минут пять, чтобы найти щит, благополучно его обесточить, и минут пять, чтобы дождаться пока рассеется пар, и увидеть крыс.

— Что-то вас много, — сказал я застенчиво.

Правильно было сказать, что не много крыс, но мало пространства для них. Пол внизу жил и ходил волнами. Прочие поверхности: подоконник, полки, табуретки, — тоже были живыми и серыми. Кроме! Кроме одного низкого столика, покрытого чистой голубой скатертью и уставленного сытной едой. Гороховый суп, тарелка риса с двумя крупными, как кулаки, котлетами и кружка, в которой ждал кипятка пакетик чая. Также стоял электрический чайник и стеклянная вазочка, полная печенья.

Так не бывает! — подумал я. — Или это отравы, и крысы уже научены? Нет, чушь, для отравы слишком вкусно.

Забавно, что на батарее отопления сидела и плевала на крыс с высокой колокольни дюжина кошек. Обычная дипломатия, ну. Толку орать: смотрите, я кошка, всех сожру? Кто кого. Возможно, виденное мною семейство кошачьих впитало с молоком матери, что крысы и они — это политические союзники, как Израиль и США, коммунисты и аграрии.

Присутствие кошек добавляло лишнюю интригу к обеденному столу, ведь они тоже не трогали еду. Разве что можно было извинить им чай.

Шуму наделала электрическая кастрюля-скороварка, которая перегрелась, и у неё сорвало клапаны. Благодаря величине, она могла бы служить многоместным чаном для варки грешников. Хотя, возможно, электрификация добралась уже и до туда, и чертей-кочегаров сменили черти-электромонтёры.

Через пару смен я научился подгадывать момент и вовремя вливать холодную воду в специальный цилиндр, тем самым предотвращая перегрев, но в ту дебютную ночь пришлось бегать вырубать щит не каждые ли полчаса. Затем, пропаренный, я всякий раз шёл в свинарник искать случаи живорождения, педантично осматривая всех подряд, будь то боров или кастрированный хряк. И что ни прибежал я на кухню, накрытый стол оставался нетронутым. Зато моя нежно-бежевая рубашка превратилась в табачно-коричневую, а-ля нацистский штурмовик.

«Ночь наступит, — предупредили меня, — берегись собак. Особенно чёрного Мухтара».

Эко, собаки! Я с вечера приметил их. Десять лохматых душ, большие, хотя и беспородные. Вероятно, как у людей по величине заработка, так у собак дружба ведётся по величине в холке.

Стая нежилась на заботливом солнышке, и вслед за солнечным коловращением бродила с полянки на полянку, вялая, словно после перехода через Арктику. Меня как личность собаки игнорировали и при встрече звали с громким сердечным надрывом. Я специально маневрировал мимо них, чтобы проверить на злость, но даже чёрный Мухтар, поведив по мне красными глазами, презрительно отворачивался, давая понять, что человек я не внушительный, видал он и крепче и выше меня, и бояться такого — себя не уважать.

За полночь отправился в очередной обход. Вышагивал бодро, обуянный хорошими о себе мыслями. Воображал, что в высоте, на пёстром от звёзд небе, боги спорили о том, как лучше расставить для меня созвездия, чтобы успешно закончилась моя учёба и с прытью гоголевской тройки понеслась карьера. Один бог говорил: отодвинем Марс, чтобы Санёк работал на тихом месте где-нибудь в нотариате, незачем ему из шкуры лезть. Другой спорил, что нет, Марс надо зазвездить над самой головой Санька, так как в Саньке есть жила и ему бы куда-нибудь в силовые структуры.

Очарованный мыслью, что небеса пекутся обо мне на полвека вперёд, я не сразу расслышал за своей спиной мягкий топот, много топота. Оглянулся и воодушевился пуще прежнего. Сзади, совсем рядом, бежала собачья стая, очевидно, избрав меня новым вожаком. Что ж, хорошая поддержка в деле охраны. Хвалю вас, мудрые звери!

На первый укус моя нежная нервная система отреагировала истерично, сообщив головному мозгу, что нога отгрызена, и жизнь не удалась.

Собаки окружили меня, одни захлёбываясь лаем, другие рыча и скалясь. Такова была их тактика — все отвлекают, а чёрный с красными глазами Мухтар потихоньку меня ест.

Я как будущий юрист знал цену ораторскому искусству, но публика для полемики подобралась неблагоприятная, хуже поросят. И я побежал. Да что говорить — полетел. Не дожидаясь пока боги расставят планеты в счастливом для меня порядке.

Ворвался в сторожку, закрылся и спросил себя вслух: «Как теперь работать?» Ноги опухли, носки в ботинках намокли от крови, но из

студента я уже переродился в воина. Поэтому вместо того, чтобы скорее промыть укусы, я кинулся искать по углам сторожки оружие. Под кривобоким шкафом оно нашлось. Стальной прут, звонкий и задиристый.

— Как говорится, ко мне Мухтар... — выдохнул я и распахнул дверь.

Надо же! Враги ждали меня все до одного, будто я обещал вынести конфет. Целью же моей был лично Мухтар. В бой!

Раз за разом я взмахивал прутом над его жуткой головой и сказочно не попадал. То выбивал из земли пыль, то бил по другой собаке. Мухтар даже не отскакивал, он кружил вокруг меня, сужая радиус, бесстрашный и везучий, как чёрт.

До рассвета в каждый выход на улицу я остервенело сражался с собаками и рычал, как они. На ладони правой руки вздулись пузыри, а прут погнулся. Да ежечасно срывало у скороварки клапаны, и я нырял в тёплые облака, матеря аристократическую профессию сторожа.

На рассвете, израненный, но непобеждённый, я вновь вышел крушить собачье племя и увидел идилию, которая заставила меня улыбнуться и выпустить из руки прут.

Собаки лежали на пригорке, залитом утренним солнышком, и в мою сторону не смотрели. Только Мухтар поднял наивную морду, выражая вопрос: «Молодой человек, мы с вами знакомы?»

Грязный, уставший, как все собаки вместе взятые, я отправился окончательно вырубить шипящую скороварку, уже без страха, что ударит током или бабахнет — до звезды. Прошёл к щиту, пиная крыс, обесточил его и поглядел на стол. Пар выносило через открытую дверь на улицу, а я пучил глаза и остывал от страха. Кто-то всё съел и выпил. Потрогал чайник. Горячий.

С пожарного щита я взял топор и обошёл свинарник, осмотрев каждый угол, уверенный, что встречу двуногого друга, но только зря растревожил хрюшек. Они продрав глаза, принялись хором декларировать на своём языке с французским прононсом: «Каши! Каши!»

После смены забежать домой переодеться времени не было. Всё-таки свинарник находился на окраине города. Сел я на автобус — и напрямик в университет.

Тут-то я и осознал свою уникальность. Хотя в автобусе творилась утренняя давка, и люди слиплись в одного чудовищного сиамского близнеца о тридцати головах, тем не менее вокруг себя я обнаружил печальное запустение, и при желании, возникни оно, мог бы проделать утреннюю зарядку.

— Откуда несёт?! — пронзительно вскрикнула женщина в другом от меня конце автобуса.

Ближние ко мне граждане пока что надменно молчали, и, оценив их вежливость, я вышел на следующей остановке.

Ого, сколько бежать! Впрочем, может быть, выветрюсь.

Сдавать пошёл первым.

Преподаватель Кокошина шурилась, словно пыталась угадать самое душистое на мне место, но не говорила ничего, хотя я, глядя исподлобья, ждал. Рассказал ей свой билет на уру, и когда она объявила «неуд»,

за меня заступилась даже Ольга Краснова, отличница с лицом в форме диплома.

— Его вообще не надо было допускать до экзамена, — ответила ей Кокошина.

Плевать-то. Зато теперь спать.

2

Пора сказать, что мой свинарник относился к подсобному хозяйству женской исправительной колонии ОК 5/5. Стоял он вне зоны, посреди чистого поля в метрах трёхстах от КПП. Я приходил на смену к четырём часам, а до пяти ещё работали зэчки-свинарки, так называемая бесконвойка. Те, у кого хорошее поведение и кому скоро на свободу. Приводила и уводила их рота охраны, в лице какой-нибудь одной девушки, у которой для устрашения волочилась по земле резиновая палка. Также в течение дня то та, то другая девушки из охраны, приходили проверять порядок. Ночью же, если в свинарнике случалось какое-то событие (прибавление или массовый побег), я, приняв чрезвычайные меры (отнять место, заблокировать двери перед рылами мятежников), звонил из сторожки на КПП, и вскоре охрана приводила нескольких разбитых со сна зэчек.

Отработав две недели, я настолько быстро научился исполнять свои обязанности, что начал скучать. Что там: на скорую руку отхлестать прутом собак да вовремя остудить сковородку. Десять минут.

Взялся за чтение, да на свою беду выбрал русскую классику. Балы, карты, «любезнейший», «милейший», про природу... Первым получил пинка и вылетел из сторожки Толстой.

Следом за ним с той же скоростью Тургенев.

— Вы своей природой заколебали! — кричал я им с порога. — Вот сколько у меня природы! — показывал рукой на осеннее поле.

— Надо же так, а! Целыми страницами про кувшинку или облачко. Старичьё!

Осерчав на большую литературу, я сел писать сам. Другу в армию.

«Серёга, здорово! Пошла вторая неделя моей работы. В первом письме я писал тебе про адского Мухтара. Сегодня ночью он поймал кошку и давай рвать. Я взял в каждую руку по кирпичу, подбегаю в упор, — фига, фига! — и обоими попадаю в Тишку, самого дурашливого пса, которого в стае держат для массовки...»

Действительно, Мухтар оставался для меня неуязвимым. Однако в письмах я ругал его только ради красного словца, а на деле со временем проникся к нему благодарностью. С наступлением темноты он ненавидел не одного меня. Ненавидел Мухтар всё человечество. Правда, зэчек и девушек из охраны не кусал, видимо, человечеством женщин не считая. Я понимал, исчезни он, и стая разбредётся, а к свинарнику потянутся люди наживы.

«..Помнишь, я писал про то, что с вечера на столе появляется еда, и к утру её кто-то съедает? Всё по-прежнему! Одну ночь я специально караулил у дверей на улице. Бесполезно. Утром смотрю, еда съедена,

чай выпит. Главное, что вокруг свинарника грязно, и новые следы я всяко бы увидел. Внутри тоже негде спрятаться. Мне кажется, что это зэчки подкармливают свою бывшую подругу, которая освободилась, а работать негде. Но как она проходит мимо меня, не пойму. И кошки с крысами не жрут... чёрт знает!..»

«...Про бригаду зэчек я тебе не писал? Ну, послушай. В бригаде только цыганки. Старые и страшные. Я в их лицах не разбираюсь, так что друг от дружки не отличаю, и не выучил, какую как зовут. Иногда, когда у них в раздевалке не хватает розеток, они приходят ко мне, чтобы сварить кипятником в кружке чифир. Знал бы ты, какой от них исходит дух! Я-то ещё вкусно пахну, а с ними хочется два пальца в рот. Видать, воздух свинарника впитался в их кожу, и теперь им даже не отмыться. И зубы у цыганок от чифира чёрные. А ещё я заметил, что когда они входят в свинарник, то снимают с себя крестики и вешают их у входа на гвоздь. Для чего это, интересно? Наверное, чтобы не цепляться ими во время работы, как я галстуком...»

«...От скуки начал отжиматься. Начал с 30 раз. Сейчас уже 50.

Оказывается, здешняя зона до революции была женским монастырём. Специально нашёл в краеведческой книжке старые фотографии. На них есть колокольня и храм. Сейчас я могу видеть только огромный каменный забор, а что за ним, не знаю».

«Крыс я выдрессировал. Две ночи поливал кипятком и в полную дурь свистел. Теперь лишь свистну — и ни одной.

Могу рассказать, как свинья хочет борова. Она ходит несколько часов подряд по кругу и в заключение каждого круга до крови бьётся рылом о решётку. Страх смотреть на такие муки.

Говорят, свиньи носят плод три месяца, три недели и три дня.

Забыл прут и бегал от Мухтара...»

«...Пришёл сегодня в свинарник и, представь, все поросята, — все, голов триста! — сбежали из клеток. Какого-то лешего клетки оказались не закрыты. Зэчки, злые, что их разбудили, затолкали поросят в несколько загонов, и я сейчас хожу смеяться. Стоят, бедолаги, впритирку, не спят, глаза грустные. А чем я помогу?

Влюбился я, Серёг. Сразу в двух, и обе отсюда...»

«Серёга, здравствуй! Извини, совсем перестал писать тебе. Гори огнём свинарник! Дай Бог — увидимся, расскажу. Удачно тебе дослужить!»

3

В ночь, о которой я бодро писал другу, что из клеток сбежало всё поголовье, жизнь моя и вообще жизнь вокруг изменилась.

Я спрятался в сторожке, чтобы не встречаться с зэчками, пришедшими в три ночи творить над поголовьем правосудие. Просто они надоели мне своими злыми гримасами, будто я гринписовец, и специально выпускаю поросят.

Сел за стол, скучно. Курсовую дописал. Письмо тоже, почти. Остаётся отжиматься. Разделся до пояса и упал на пол.

... десять, одиннадцать, двенадцать... Блин! Крестик звенит об пол. Встал, снял крестик, положил на стол и уже хотел продолжить отжимания, как дверь открылась, и вбежала совсем юная цыганка.

— Привет! Я Лиза! — счастливо вскрикнула она.

— Добрый вечер, — пробормотал я, покрываясь мурашками от влетевшего с улицы холода. — А я Але...

— О-хо-хо! — перебила она меня беспардонным смехом. — Ты спортом занимаешься?

Лиза подбежала ко мне и ладошками погладила мою грудь.

— Красивый! Люблю таких!

Меня пробрал нервный озноб, и к своему стыду я сладко вздохнул.

— Ага! — рассмеялась она. — Нравится? А вот обойдётся! — и сильно толкнула меня.

— Хам! — крикнула Лиза, убегая из сторожки.

Стою ни жив ни мёртв, но уже точно знаю, что влюбился. В цыганку-зэчку-свинарку. Правда, спросил бы меня кто в ту минуту, как выглядит Лиза, я бы не сказал, потому что запомнил только цвет её лица и глаза.

У цыган же обычно лица смуглые, закопченные, будто поры кожи навечно пропитались кочевой грязью, и в самом пигменте застыла темень воровских ночей. Другое дело лицо Лизы. Оно золотилось, как янтарное, и от него почти зеркально отражался свет.

Глаза! Чёрные, большие, всё равно, что два окошка, за которым полночь.

Дверь снова распаивается.

— Я ведь к тебе за делом приходила! Сигареты свои в зоне оставила. У тебя есть?

— Я не курю, — отвечаю, ёжась.

— А, да! — с ноткой презрения бросает она. — У тебя же спорт.

— Нет, раньше курил... — оправдываюсь, давая понять, что натура моя богатая, пожил.

— Ладно, я так с тобой посижу, — говорит она и занимает единственный стул. — Слушай-ка, распутник, оденься, что ли. Я же одетая!

Пыхтя и зачем-то надувая щёки, я одеваюсь и сажусь на жёсткий топчан.

— Как живёшь? — спрашивает и улыбается, слепя белейшими зубами, что тоже отличает её от здешних цыганок.

— Да нормально, — пожимаю плечами и начинаю усердно подводить наручные часы.

— Интересно! — одобряет она мой ответ и кивает на крестик, лежавший на столе. — В бога веришь?

— Чего в него верить-то! — изображаю человека, который живёт земными страстями. — Просто ношу.

— Интересно с тобой, — неустанно хвалит она меня. — Красивый, простой, не зазнаёшься. Работаешь, значит?

— Работаю, — отвечаю, бездумно крутя по циферблату стрелку.

— Молодец! Мужа бы такого! — она встаёт и идёт к двери. — Хоть чаем напои в следующий раз.

— Подожди! — вскакиваю. — А ты... это... тоже на свинарнике?

— Ну да.

— Просто раньше не видел тебя.

— Плохо смотрел, — говорит, захлопывая дверь.

Я веду себя дико. Сдавленно, гаденько смеюсь и бью себя кулаками по голове. Теперь без сомнений, влюблён безобразно. Впервые.

Замираю лишь за тем, чтобы вспомнить Лизу, а затем дальше смеюсь и стучу по голове.

Удивительно то, что одета она была, как другие эчки, в чёрный халат, серую телогрейку, а на голове белый платок, но мне её наряд показался до того трогательным, что хотелось повторять из сказки: «Милая Золушка!..» А ещё, что важно: от Лизы не пахло свинарником.

— Вы чего это? — вдруг спрашивают меня.

Я вздрагиваю и краснею. Смотрю, на пороге стоит девушка из роты охраны.

— К вам сейчас Лиза приходила? — интересуется она строго.

— Я не знаю, — отвечаю, стирая со лба испарину. — Мы не знакомились.

— Я видела её! — говорит она зло и звонко, будто лязгает тяжёлой связкой ключей. — Вы с ума сошли пускать?!

— А что? — начинаю подводить часы.

— Как что? Вы думайте! Она заключённая. Ей следует быть на рабочем месте, а она у вас трётся, сучка.

Молчу, кручу минутную стрелку. Что пристала ко мне? Ты за них отвечаешь, ты и смотри.

— Извините меня, что кричу, но у меня уже сил нет с ними. Я посижу у вас, хорошо?

Она садится на стул, а я обречённо — на топчан. Шла бы ты лучше, родная.

Застыл над часами, ненавижу себя и гостью. Глупое, неприятное молчание, которое длится и не заканчивается.

— Хр!.. — вдруг всхрапывает она.

Уснула. Облокотилась о стол и положила голову на ладонь. Гляжу и не могу оторваться, второй раз подряд дивясь женской красотой.

Гостя моя казалась совершенной противоположностью Лизы хотя бы уже по одежде: синий камуфляж и погоны со звёздочками младшего лейтенанта, на голове пилотка. Но форма формой. Разнились же девушки тем, что Лизина красота была золотой, а красота гостьи — простой, то есть русско-народной. Волосы и лицо гостьи слепили белизной, какая встречается в солнечный полдень среди снежного поля, и посреди такой зимы и стужи сидела ярко алая бабочка, губы. Я взялся руками за край топчана, чтобы не сорваться и не поцеловать их. Чокнулся.

Кто же красивее, Лиза или...

— Меня Аня зовут, — произнесла гостья, и я подпрыгнул на топчане.

— Я, кажется, уснула.

Дурак, засмотрелся на губы и не заметил, что она проснулась. Что же происходило на моей физиономии? Великовозрастный девственник упёрся скользкими глазами в спящую красавицу.

— Меня Саша, — тяжело вздохнул я, снова ненавидя себя и её.

- Ты не сердись, — сказала Аня, легко перейдя на «ты». — По-работаешь, как я, начнёшь на людей кидаться.
- А за что сидит Лиза? — спросил я, лишь бы чего спросить.
- Оо! — усмехнулась Аня. — Редкая мошенница! Но поёт хорошо. Вот за самодеятельность и ходит в бесконвойке. Ты сам-то здесь не за-кис? Скучно, поди?
- Да нормально, — пожал плечами. — Поговорить, конечно, не с кем.
- Давай, я к тебе буду приходить? — Аня вдруг зазывно улыбнулась, или я мне уже мерещилось.
- Заходи! — восторженно воскликнул я.
- Договорились. Пойду, гляну, как они там.
- Она закрыла за собой дверь, а я подумал: неужели и в неё влюбился? Значит, да. Значит, у меня большое сердце.
- В следующую смену принёс пряников.
- Шли час за часом, но никаких правонарушений со стороны поросят я не подмечал. Ходил, всматривался в сонные, довольные жизнью рыла. Грозный, как следователь перед подозреваемыми. Порядок в свинар-нике был армейский, и те же свиноматки стояли передо мной по стой-ке «смирно!», втянув по-солдатски животы. В итоге я сам отворил загон с великаном-боровом, у которого торчали истинно кабаньи клыки, и помчался звонить на КПП, жаловаться.
- В сторожке поставил на стол две чашки, выложил пряники и сел ждать. Внутри кипело, руки тянулись к блюду, и я решил, что пусть Лиза застанет меня за отжиманиями, чем за мыслями о ней. Разделся, упал... ..двадцать два — бзынь... двадцать три — бзынь... Звонящий крестик нервировал.
- ... сорок восемь — бзынь... сорок девять-бзынь...
- Надоел ты! — взъялся я и рванул с шеи серебряную цепочку.
- Привет, спортсмен! — влетела в дверь Лиза. — Дай потрогаю!
- Она скользнула руками по моей груди, а потом вдруг прижалась ко мне, шепнув.
- Красивый!
- Мы пили чай, и я следил за её шустрыми руками. Ногти на них были ровные и короткие, как у мальчишки.
- Научи меня целоваться, — вдруг сказал я.
- Она брызнула в меня чаем вперемешку с крошками, и, утерев рука-вом губы, еле выговорила:
- Ай да ангелок!
- Я стал отряхаться.
- Завтра! — вдруг серьёзно сказала она. — После двенадцати откры-вай у свиней клетки и вызывай нас. Сам лезь на чердак. Видел, там с тор-ца дверца? А сейчас — пойду, а то зайвится эта злыдня Аня. Ненавижу! Выслуживается на мне.
- Лиза оказалась права. Сиюминутно после её ухода дверь открыла Аня.
- Я угощусь? — взяла Аня пряник, сев за стол. — Две чашки?
- Я тронул колёсико на часах.
- Лиза?

— Она просто пить хотела, а у меня, кроме чая, ничего нет.
 — Ох, сучка! — зло усмехнулась Аня. — Надо сказать, чтобы её сняли со свинарника. Завтра же.
 — Не надо! — вырвалось у меня. — Она безвредная. Зашла-вышла. Аня пронзительно посмотрела на меня, и я выпалил несусразицу:
 — Ненавижу цыган! Животные, а не люди. Но если просит пить, что не дать? Тоже ведь человек!
 — Ты женат?
 — Я? Нет! Мне некогда, я учусь.
 — И я не замужем. Работа, работа... Тревоги, стрельбы... Выбрала же себе жизнь. Старухам веселее.
 Я глядел на её руки с белыми, тонкими пальцами. Ювелирный маникюр, на каждом ноготке нарисована ромашка. Тянуло целовать.
 — Пора! — Аня поднялась из-за стола. — Пойду, посмотрю на этих бездельниц. И на Лизу твою.
 Хотел ей пылко возразить, что Лиза не моя и цыгане не люди, но решил не повторяться.

4

Купил бутылку красного вина и гроздь винограда. Год, не меньше, ждал полуночи. Открыл сразу десяток загонов.
 — Что-то они у вас каждую ночь стали убегать, — сказали мне по телефону.
 — Идите к чёрту! — выругался я, повесив трубку.
 Думал, что вином и виноградом сделаю Лизе сюрприз, но она превзошла меня. Забрался на чердак, освещая дорогу мобильником, и обнаружил матрас, застеленный чистой простынёй, а рядом ящик, на котором стояла банка со свечкой и лежали спички. Лиза... Днём старалась, любимая.
 Прождал полчаса, слушая то, как внизу подо мной загоняют, матерясь, свиней. Лиза не шла. Сердце трепетало впустую. Может быть, снять крестик? Вроде бы это уже стало доброй приметой.
 Так и сделал. Снял, и в ту же секунду приставная лестница дрогнула под весом человека.
 — Еле-еле сбежала! — шепнула Лиза, нырнув ко мне на грудь. Анька смотрит, глаз не сводит. Ненавижу!
 В спешке мы выпили полбутылки, хватая на закуску виноград вместе с ветками.
 — Забыла! Ты о чём-то просил? — уставилась на меня Лиза; огонёк свечи отражался в её глазах, на щеках и на лбу.
 — Ты не помнишь? — струсив, прошептал я.
 Мы сидели рядышком на матрасе. Она оттолкнулась ногами и повалила меня, придавив собой. Её язык разомкнул мои губы и стал кружить по моему языку.
 Меня пробила дрожь. Такая, что начала колыхаться диафрагма, а лёгкие захлебнулись воздухом.

— Ты что? — спросила Лиза, и её рука уползла под мой ремень.
— Не бойся, маленький!

В сторожку я шагал мужчиной, улыбаясь во всю ширь лица. Другим расскажу, они вздрогнут! Правда, рассказывал и раньше, лет с пятнадцати, но врал.

— Ты не видел Лизу?

В сторожке меня ждала, сидя за столом, Аня.

— Нет, ответил я, с силой убирая с лица улыбку.

— Сучка! Нигде нет! Устала я! — Аня запрокинула голову и прикрыла глаза. — Ты не умеешь делать массаж головы? Болит жутко. Проклятые ночные смены.

Теперь я умел всё! Новый человек. Пьяный, агрессивный мужчина.

Взял ладонями её голову и сделал то, чему только что научился. Языком проник ей в рот и принялся кружить. Аня дёрнулась, но усидела.

Минуту спустя она оттолкнула меня и продышала:

— Запри дверь!

Работал я по графику два через два и, тем не менее, отдыха стало не хватать. Особенно утомляла вторая ночь, и я запасся настойкой женьшеня, а также начал экспериментировать с народными рецептами, вроде сметаны и грецких орехов. Впрочем, не жалуюсь. Уставал, да, но ни разу не огорчил ни Лизу, ни Аню.

Прибегал на смену, снимал крестик (предрассудок, но настрою помогал) и шёл в свинарник чинить диверсию. Я был счастлив.

Пока не повесился мой сменщик. Я и не видел его ни разу, и мне совсем нечего рассказать о нём. Повесился он в сторожке, нацарапав на столе: «Не снимай крестик!» Потом неожиданно эта надпись оказалась старательно зачёркана после очередного визита Ани.

Выпал снег, заскрежетал зубами декабрь, и в один мерклый, мутный от непогоды вечер заявила ко мне старая цыганка.

— Чайку заварю у тебя, хороший мой? — спросила она, въедливо глядя на меня.

— На, заваривай, — показал я рукой на розетку и уткнулся в административное право.

— Похудел ты, — говорила она, включая кипятильник. — Пришёл сюда, помню, справный. Кровь с молоком. Измучила тебя Катя?

— Кто? — оторвался я от учебника.

Цыганка подошла ближе и погладила меня по плечу.

— Жалко мне тебя стало! Скоро на свободу, вот и сжалилась. Посоветовать тебе хочу, но, знай, чтобы ни-ко-му! — она кивнула на дверь.

— Ни-ко-му!

— Чего ты бормочешь? Заваривай свой чифир и не мешай мне! — огрызнулся я.

— А ты не думал, почему твой сменщик удавился? У него ведь жена и двое детей. Здесь сторожа работают по полгода, а потом vessаются. Или пропадают, — сказав «пропадают» цыганка улыбнулась.

— Увольняйся! Мальчишка ты. Жизни ещё не жил. Беги и дорогу сюда забудь.

В следующий раз она остановила меня вечером на улице.

— Не послушался? А ты проверь, не снимай сегодня крестик.

Именно в этот день меня била температура, и я, правда, хотел, отдохнуть. Было лень рукой пошевелить, чтобы стянуть с себя цепочку. Провалился всю ночь на топчане. Что ж. Ни Лиза, ни Аня не появились. Да и не мудрено, ведь ночь прошла без моих диверсий.

— Ты почему вчера не открыл клетки? — шипела Лиза, едва сдерживаясь, чтобы не кричать.

— Болел. Сегодня, вроде, лучше, — ответил ей.

— Да? Или разлюбил? Другую нашёл? — она дрожала и клацала зубами.

— Что ты, перестань.

— Я освобожусь, изуродую её! Ты понял?

В сердце больно ужалил страх.

— Или что-нибудь сказали обо мне?

— Никто не говорил, — слабым голосом спорил я.

— Смотри!

Аня ни о чём меня не спрашивала, но глазами жгла с той же злобой, что и Лиза.

В ту ночь они меня выжали, вынуждая творить над ними вещи, о которых я имел представление лишь по гнусным байкам или дикому порно. Испугался, не скрываю.

Старая цыганка неделю не навещала меня. Как-то я видел её вместе с остальной бригадой, и она показала глазами на подруг, дав понять, что не может придти из-за них.

Лиза потребовала, чтобы диверсии я проводил сразу после двенадцати. Чувствуя за собой вину, я поддался, и настали ночи каторжного труда.

Да. Сначала трудился до трёх ночи с Лизой, а до пяти утра — с Аней. Осунулся. Днём на лекциях спал или вообще не ходил в университет.

Хорошо, что получилось достать через знакомых качков стероиды. Пачку таблеток метандростенолона и упаковку инъекций тестостерона пропионат. Парни составили для меня на листке график приёма и уколов, пообещав, что через месяц я себя не узнаю. Наивные.

Конечно, гормоны помогли. Тем более недели полторы после того, как повесился сменщик, я работал без выходных. Иначе бы высох и обессилел, как старик.

Цыганка пришла ко мне незадолго до новогодних праздников. Заваривать принесла сразу две кружки.

— Садись! Слушай! Не перебивай! — приказала она, грозя грязным пальцем.

Жила-была Екатерина. Наполовину цыганка, наполовину русская. Потомственная колдунья. Красивая... краше всего мира. С юных лет она поняла, что колдовской силы в ней в избытке и испугалась самой себя. Ушла в монастырь, чтобы усмирить силу, погасить её.

Монастырь тот самый, в котором сейчас женская колония. При нём, как полагается, было большое хозяйство. И коровы, и свиньи. Екатерина пасла коров. Монастырь тогда стоял далеко от города. Город вырос позже.

Пять лет Екатерина видела лишь сестёр и скотину. Бесовская сила в ней глохла, навыки колдовства забывались. Но пришла революция, а затем гражданская война, и в монастырь нагрянула рота красноармейцев. Все без крестов. Они заявили не громить, а только переждать время, пока придёт приказ, куда следовать дальше.

Командир роты по имени Михаил в первый день постоя увидел пастушку Екатерину, и влюбился смертельно. Сам черноволосый, рослый, глаза сверкали, как электрические. Он — к Екатерине, она ему: «Насилуй и сразу убивай. Не оставляй живой. Сама не дамся». Он до слёз перед ней. К тому же поэт, и на болтовню горазд. Победил он словами, сдалась она.

Проснулась перебродившая за пять монашеских лет сила. Екатерина обезумела. Стало ей Михаила мало, и она начала обращаться в разных дев и сутками соблазнять бойцов роты.

Бойцы опаскудились, наплевали на революцию и войну. Гибла рота не по дням, а по часам, и тот же Михаил, получив приказ от командующего фронтом выдвигаться, тянул время, лишь бы дольше любить Екатерину.

Однажды, мучаясь тяжёлым винным похмельем, когда сердце бьётся навзрыд и вопит истошно совесть, он пошёл проститься с Екатериной, но она, плюясь в него, сказала, что никого не отпустит, раскрыв себя, кто такая.

Михаил схватил маузер и расстрелял её. Умирая, она прокляла Михаила, превратив в чёрного пса с красными глазами, а сама переселилась в свинью.

Цыганка вынула кипяtilьник из одной кружки, которая выкипела уже почти до дна, и вставила его в другую.

— Она каждый день переходит из свиньи в свинью, и никто не угадает, в которой свинье она сегодня. Катя ненавидит мужчин и изводит их до смерти или обращает в собак.

Я улыбался на цыганские сказки, но душа замирала и верила.

— Хочешь сказать, что Аня и Лиза — это одно и то же? — спросил я.

— Не знаю, как назвалась Катя для тебя, но учти, что приходит она умеет и двумя разными, и десятью, и сколько ей вздумается.

Цыганка, не спросив у меня разрешения, закурила «Приму».

— Мы служим ей, кормим. До нас служили другие. Меняемся. Всё про неё знаем. С полуночи до пяти утра она ходит человеком. Ты проверь сам. Забеги в свинарник в пять часов, ноними перед этим крест, чтобы она тебя не почуяла. В пять часов она слабая, у неё время обращения. Ты увидишь настоящую Катю.

Дверь от сильного рывка распахнулась, и на пороге выстроились свинарки.

— Ты, кобла несчастная, что так долго?! — крикнули моей цыганке.

Она схватила кружки, уронив одну и залив чифиром стол.

— Или хорошо живётся тебе? Быстро вышла!

Я остался один и не понимал, за кого боюсь больше, за цыганку или за себя. Крестик! Схватился за грудь — на мне... Не буду сегодня его снимать.

Ночью назло стали пороситься аж три свиньи. Мне пришлось сообщить на КПП.

Сидел потом, смотрел на дверь и каждую минуту проверял крестик. Вдруг оборвался?

В четвёртом часу услышал шаги. Дверь открылась и на пороге встала одна из цыганок, но не моя. Она внимательно поглядела на меня, и ни слова не сказав, вышла.

Без пяти пять. Холодными пальцами я снял крестик.

Около свинарника встретилась стая. Мухтар впереди. Я замахнулся на него прутом, и он вдруг заскулил и пополз ко мне на брюхе.

— Что ты, Мухтарушка? — дребезжа голосом, сказал я и погладил его.

Он, трусливо изгибаясь, глядел на меня глазами, просящими: «Не ходи!»

Екатерина жрала громко. Давясь, блевала, и жрала опять. Не человек и не свинья. Вытянутое лицо с ноздрями кверху. Изо рта наружу зубы, которые разгрызут кирпич. На коротких пальцах, будто напёрстки, жесткие наросты.

— Ага, вот ты! — невнятно сказала она, роняя непрожёванные макароны. — Подходи, целуй.

Я уронил прут.

— Подбери! — усмехнулась она. — Отхлепнешь Мухтарку за то, что плохо тебя прогонял отсюда. Чего молчишь? Здравствуй!

Я не мог говорить. Казалось, что если произнесу хоть слово, то истрачу последние силы и упаду.

— Молчун! Я тебя мужчиной сделала, а ты — тьфу! — она плюнула в меня макаронами.

— Прощай... — выдавил я и качнулся к выходу.

— Стоять! — рявкнула она. — Всё равно никуда не денешься. Я тебя давно, с первого дня прокляла. Со мной не останешься, превратишься в собаку. Уяснил?

— Да...

— Всё, иди. Дай поесть.

Я бежал к лестнице на чердак и со мной собаки, заглядывая мне в лицо, мол, ну как там?

Главное, чтобы были на месте спички. Своих-то у меня нет, я не курю. Забрался на чердак, посветил телефоном. Спички!

Не описать, какой это ад, когда горит свинарник. Поросичий визг рвёт воздух. Кровь в венах мёрзнет, леденеет.

Я стоял на коленях, рыдая в голос.

Прибежали с зоны люди и принялись сшибать с дверей замки. Кто-то отчаянный пробрался внутрь, и после этого на улицу хлынули поросята, дымясь и роняя с себя искры и хлопья огня.

Я подполз к одному поросёнку, который упал в сугроб, и снег под ним шипел. Почерневшая шкура на боку поросёнка лопнула, и в трещине белел жир. Неуклюже двигая головой, хрюн пытался лизать языком снег.

Надо мной встал мужчина в пятнистой форме. Я задрал лицо и прокричал ему:

— Это я поджог! Что хотите делайте! Бейте, сажайте!

Почему-то крик у меня получился слишком грубый, и слова прозвучали скорее в моём мозгу, нежели вслух.

Мужчина пнул меня в челюсть и выругался:

— Не лай, псина!

Ко мне подбежал Мухтар. Он незлобно прорычал, и я понял, что меня приглашают в стаю. Отныне у нас общая цель. Прогонять других.

18.05.2011 г.

Евгений Мюллер

ГДЕ ЖИВУТ ВЫДРЫ

(повесть)

1. ЕДЕМ В ПОЛЬШУ

Как ни странно, но мысль отправить нас с мамой на каникулах в Польшу подал отец. А дело было так.

В те дни, когда отец приезжал к нам с мамой на дачу, мы ходили по вечерам «кружить». Встав от стола после ужина, отец, зевнув, подходил к окну, заглядывал вверх — что там, на небе? — потом выходил в «предбанник», где на столике в углу стояла керосинка, и, посмотрев в ее слюдяное окошечко и убедившись, что огонька не видеть, говорил:

— Ну, что, пойдём, покругим вокруг дачи с полчасика?

И вот, отец и мать шли по середине дороги, а я, как обычно, шел чуть поодаль, по обочине. Тут хоть можно было рассмотреть что-нибудь интересное в канавах.

— А вот из окон этого дома, — крикнул я отцу, остановившись у забора одной дачи, — мы с мамой позавчера, когда шли из леса, услышали сообщение о запуске в космос космонавта номер два — Германа Титова!

— Здорово! — сказал отец. — Какое-то время он шел молча, словно о чем-то задумавшись, потом остановился, встал руки в боки и говорит маме:

— Слушай, а не поехать ли тебе, наконец, будущим летом к нашим родственникам в Польшу? Вместе с Лешей. Эдак, на месяц-полтора. И ты бы повидалась с родней, и Леше было бы сколько впечатлений. Плохо ли — четверокласснику пожить на каникулах в Польше!

Правда, я так и не понял, какую связь увидел отец между полетом в космос и поездкой в Польшу. Но с этого дня об этой поездке у нас дома только и говорили. Где взять столько денег, как оформить всякие документы, какие подарки купить и прочее, и прочее. Весной меня каждый день стали гонять вниз — смотреть в почтовом ящике, не пришло ли извещение, что нам дали визу. Но виза так долго не приходила, что я, всунув руку в почтовый ящик, уже не ожидал нащупать ничего, кроме газет, которые мы выписывали. И когда наконец я вытащил из него серый конверт с неинтересной маркой, то протянул его маме так спокойно, словно это был табель в конце четверти, где у меня было все нормально, то есть четверок — все же больше, чем троек.

И мы с мамой поехали в Польшу.

На вокзал мы чуть не опоздали.

— На метро надо было ехать, — сказала мама, когда такси стояло на перекрестке в пробке.

Папа, сидевший рядом с водителем, молчал и смотрел в окно. Капли по стеклу скатывались быстрее, чем двигались машины за окошком. Потом мы бежали по перрону — папа с чемоданом и зонтиком, а мама, едва поспевая за ним, со мной и другим чемоданом. Почти сразу, как мы сели, поезд тронулся, и папа, как по инерции, так и шел по перрону вслед за вагоном, держа зонтик чуть в стороне, словно над мамой, и махая нам рукой.

Первый час в вагоне я сидел в нашем купе и никуда не выходил. Потому что с удовольствием рассматривал полки над головой, откидные сетки, лампы над сиденьями и необычные замки в раздвижной двери.

В купе с нами оказался только один сосед. Узнав, что он каждый год ездит в Польшу в командировки, на завод, где строят корабли, мама стала расспрашивать его, как там — в Польше.

— Ну, а ты, тоже, небось, рад, что едешь в другую страну? — спросил меня сосед.

Но я только пожал плечами. Ехать в поезде и знать, что мы будем ехать еще и весь вечер, и ночь, и завтра тоже чуть не целый день — было здорово! Но я вдруг понял, что о Польше-то я почти ничего и не знаю. Только то, что там — очень красивые поздравительные открытки. Нет, наши новогодние, первомайские или с днем 8 Марта тоже были красивые, но польские — какие-то другие. Перед Пасхой и Новым годом мама приносила из почтового ящика голубоватые конверты. И я сразу узнавал, что они — из Польши. Потому что, в отличие от наших, на них не было картинок. А еще они немного похрустывали в руках, потому что внутри были обклеены темной папиросной бумагой.

— Зачем это? — спросил я как-то у мамы.

— Наверно, чтобы никто не мог прочесть на просвет, что написано в письме, — сказала она.

Оторвав край конверта, мама доставала из него открытку с выдавленными и раскрашенными веточками вербы, разноцветными яичками в травяном гнездышке или младенцем в люльке, над которым стояли люди с посохами в руках, а между ними высывали головы коровы и барашки. А сверху летела большая хвостатая звезда. А еще мама доставала из конверта «облатки» — тонкие пластинки цвета овсяного киселя, с тоже выдавленными картинками. Она отламывала от облатки уголок, говорила мне: «Открой рот, это как просфора», и укладывала мне его на язык. Облатка сразу таяла, но по вкусу мне не нравилась, потому что была, как промокашка.

Примерно через час я решил все же выйти в коридор, чтобы посмотреть, кто еще едет в нашем вагоне. Большинство дверей в купе были закрыты. Наверно, и там люди все еще просто сидели и радовались, что наконец уехали.

Ну вот, ехали мы да ехали. И вдруг в вагоне все засуетились. Все стали говорить про какую-то декларацию, как правильно ее заполнять, и про таможеню. И вот перестали мелькать деревья за окном, и потянулось длинное здание вокзала. На нем большими буквами было написано —

«Гродно». Так назывался город у границы, за которой начиналась Польша.

Скоро в вагон вошли два человека в форме. Это были пограничники. Правда, у них почему-то не было собаки. А я думал, что пограничники всегда ходят с собакой. Войдя к нам в купе, они попросили предъявить документы. Мама вынула их из сумки и подала им. На одном документе в верхнем углу была приклеена и моя фотография. Почему-то, взглянув на нее, пограничник стал внимательно меня разглядывать. И я вспомнил, что когда мы готовились к поездке, то пошли с мамой в фотоателье, чтобы сделать фото на визу. И вот перед тем, как меня сфотографировали, мама старательно зачесала мне челку на лоб. Наверно, ей казалось, что так красивей. Я же так никогда не причесывался, а просто расставлял пальцы и закидывал волосы набок. К тому же перед самым приходом пограничников у меня так зачесалась голова, что я несколько раз, как следует, прошелся по коже ногтями. Понятное дело, волосы теперь у меня не спускались на лоб, а торчали во все стороны. И вот пограничник уже несколько раз всматривался то в меня, то в мою фотографию. «Все, сейчас нас высадят», — подумал я. Потому что наш сосед по купе, когда мы подъезжали к Гродно, сказал: «Между прочим, если в документах что-то не так, то могут запросто и с поезда ссадить. Даже на слезы не посмотрят». «Надо сделать лицо, как ни в чем не бывало», — подумал я. И стал смотреть в окно. И увидел носильщика. Он стоял у фонаря с тележкой и тоскливо оглядывал пустой перрон. И мне представилось, как точно так же стою на перроне и я — с неисправным документом в руке. Спасло меня вот что. В соседнем купе вдруг раздался громкий смех. Пограничнику это явно не понравилось. Он нахмурился, окинул быстрым взглядом наше купе и направился в соседнее.

Скоро была дана команда взять свои вещи и пройти на таможенный досмотр. Проводился он в специальном павильоне на платформе. Павильон этот сразу напомнил мне рынок. В нем рядами стояли столы, и вдоль них выстроились очереди. Таможенники стояли за столами. Они читали поданные им декларации и просили раскрыть багаж.

— Да, глаз-то у них — наметанный, — сказал наш сосед по купе, стоявший в очереди за нами. — Они сразу видят, кого проверять, а на кого — только время тратить.

Действительно, взглянув на некоторые чемоданы, таможенники тут же махали рукой, давая знак подходить следующему. А в некоторых чемоданах и сумках они начинали рыться и рассматривать вещи. Даже книги иногда брали за обложки и трясли вниз страницами.

— Ты чего улыбаешься? — спросила меня мать.

А я заметил, что лица у пассажиров, когда они стояли перед таможенником, такие же, как у учеников, когда те стоят у доски, а учительница читает, что они на ней написали.

Наши с мамой вещи долго не рассматривали. Скоро мы вышли на улицу и встали на солнышке.

— Досталось тут некоторым! — сказал наш сосед, выйдя вслед за нами и закулив папиросу.

— А!... — махнула рукой мама. — Наши любят строгости наводить. А вот где действительно надо бы, так — фиг.

Скоро мы опять сели в поезд и поехали дальше. За окном промелькнула контрольная полоса. Я уже слышал о ней и специально сел к окошку и ждал, когда она появится. Песок на ней — словно пропахан граблями, и по нему никто никогда не ходит, даже пограничники. И если ночью эту дорогу перейдет шпион, то на ней обязательно останутся следы, и пограничники поднимут тревогу.

2. ХЭРБАТКА

Ехали мы после таможенного досмотра недолго, и когда поезд остановился, мама глянула на меня и сказала:

— Ну, вот, мы и в Польше.

Я сразу прижался лбом к оконному стеклу.

— И что там видишь? — спросила мама.

Я так и хотел ответить: «Польшу», но увидел только двухэтажную каменную будку с большим окном, из которого высовывался дядька и что-то кому-то кричал, и еще — высокую водяную колонку. У самого нашего вагона стоял человек в замасленном комбинезоне. Упершись руками в колени, он рассматривал что-то под вагоном.

В вагон снова вошли пограничники. Но это были уже польские пограничники. И фуражка на голове у них была не круглая, как у наших, а квадратная. Войдя к нам в купе, пограничник козырнул ладонью, и мама подала ему документы. Он глянул на них, сказал «добже» (потом я узнал, что это значит — «хорошо»), стукнул на столе по документам штемпелем, снова отдал честь и, не отворачиваясь от нас, спиной вышел в коридор.

— Опущу-ка я окно, — сказал наш сосед.

— А можно? — спросила мама.

— А не можно, так запретят, — ответил он.

Я тут же встал ногами на полку и постарался как можно больше высунуть голову в окно, чтобы еще лучше рассмотреть Польшу. Но ничего, кроме будки и колонки я все равно не увидел. Зато воздух был совсем другой, чем в вагоне. А прямо под вагоном, между камешков у шпал, густо росли маленькие желтые цветы.

— Ой, мы взлетаем, — крикнул я. — Нас что, на вертолете поднимают?

— Это называется — смена колес, — сказал наш сосед. — В Польше железнодорожная колея сантиметров на десять уже, чем наша. Так что под вагоном сейчас и их рельсы, и наши. Вот вагоны и поднимают домкратами. Наши колеса отгонят в сторону, а польские подгонят и поставят вместо наших. А на обратном пути наши колеса снова вернут на место.

Когда поезд тронулся, я стал вслушиваться — не стучат ли как-нибудь по особенному польские колеса? Но и они стучали — «тук-тук».

Ехали мы часа три. И вот наш сосед мотнул головой в окно и сказал:

— Варшава!

Как только мы сошли с перрона, мама первым делом подошла к окошку, в котором дают справки, чтобы узнать, как нам ехать дальше. Услышав ответ, она схватила в руки чемоданы, крикнула мне — «дер-

жись за меня», и побежала к выходу из вокзала. Оказывается, что поезд, на котором нам надо было ехать дальше, совсем скоро отправляется с другого вокзала. Сбоку от выхода из вокзала стояли машины с шашечками. Мама кинулась к ним, и через минуту я влез на широкое, чуть покато и почти новенькое заднее сиденье.

— Совсем как наша «Победа», — сказал я.

Шофер что-то сказал маме, и она перевела мне, что наша «Победа» в Польше называется «Варшава».

Через зеркало над передним окном я видел, что водитель улыбается. А заглянув через спинку переднего сиденья, увидел, что нога его в желтой сандалете вовсю жмет на педаль. Ехали мы быстро.

— Смотри — русалка! — крикнул я маме.

На постаменте над набережной действительно высилась огромная каменная русалка с изогнутым сзади хвостом. Грудь она прикрывала щитом, а в правой руке, поднятой над головой, держала меч.

— Сирена! — сказал водитель. — Символ Варшавы.

Скоро мама, вытянув голову к окну, спросила:

— Дворец науки, да? — и указала на проплывающий за окном высокий-высокий дом с башнями.

— Не, — ответил шофер. — То еще не дворец.

Оказывается, «дворец» по-польски — это вокзал, а не дворец, а дворец называется палацем. Почему-то иногда я понимал почти все, что говорил шофер, а иногда не понимал ничего.

Еще бы чуть-чуть, и мы бы не успели — поезд тронулся сразу, как только мы закрыли за собой дверь в тамбуре. Когда мама впихнула коленом чемодан в купе, а потом другой, она сказала — «уф!» и опустила на диван.

— С самого Ленинграда бежим так, словно это не мы едем, а Польша от нас уезжает, а мы боимся не догнать. Что за наказание! — сказала она и окинула взглядом купе, словно ища, кто в этом виноват.

Так как я тут был все-таки ни при чем, а папы рядом тоже не было, она замолчала и стала смотреть в окно.

— Купе у них совсем другое, — сказал я, поглаживая рукой плюшевый диван. — И смотреть можно хоть налево, хоть направо, потому что в двери — не зеркало, а стекло, а за ним окно в коридоре. А то у меня уже шея болит — целый день смотрел в одну сторону, в окошко.

А за окном проплывали поля, дома, снова поля.

— Ничего себе у них огороды! — сказал я, потому что некоторые поля были засажены не рожью или пшеницей, а кустами смородины или кустиками клубники.

А скоро я увидел оленя. Он бежал по полю, словно стараясь обогнать наш поезд, и высоко подпрыгивал, словно хотел выпрыгнуть из высоких колосьев. Он был почти красный, потому что солнце стояло уже низко. Оно светило прямо через наш вагон, из одного окна в другое. При каждом прыжке олень подавался то вправо, то влево, словно танцевал. Я долго смотрел на него, пока он не начал отставать. А потом я уснул.

Станция, на которую мы приехали, была совсем маленькая. Пройдя через деревянный вокзал, мы очутились в сквере с клумбой посреди. Мама усадила меня на скамейку, а сама пошла искать машину, кото-

рая отвезла бы нас в деревню, где жила наша родственница — тетя Зося. Было уже совсем темно, и фонарь освещал только клумбу и мошкату, вившуюся под ним. Скоро мама вернулась, схватила чемоданы, и я опять залез на заднее сиденье «Варшавы», то есть «Победы». Было так темно, что я даже не заметил, какого цвета была «Победа», то есть «Варшава», в которую мы сели. Свет фар выхватывал то угол дома, то кусты, а потом, хоть считай, начали мелькать столбики на краю дороги. И я заснул опять. А когда проснулся и посмотрел через переднее стекло, то закричал:

— Осторожно, зайца задавите!

Мы ехали по полю, по дороге, укатанной по краям так, что посреди нее высился бугор, заросший травой. Перепрыгивая через этот бугор то туда, то сюда, прямо перед носом нашей «Победы» — «Варшавы» скакал заяц. В свете фар мелькали то его уши, то пятки. Шофер что-то сказал маме, а она — мне:

— Их тут много. Как только в свет фар попадут, так и скачут в нем, как в трубе. Да еще по краям рожь стеной стоит.

Тут заяц, видимо, заметил какую-то лазейку, скакнул в сторону и исчез. Зато в лобовое стекло начала так биться мошкатура, что водитель несколько раз включал дворники.

Снова замелькали столбики. Потом дорога стала шире. Свет фонарей над дорогой то напал, то снова исчезал. Мелькнул огонек в чьем-то низком окошке. Потом еще. Водитель замедлил ход и стал всматриваться в темноту.

— Приехали? — спросила мама. — Это — деревня Воля Выджина?

— Воля Выджина, — кивнул водитель.

— А что такое — Выджина? — спросил я. Слово «воля» — то было мне словно понятно.

— Выджа — это по-польски выдра, сказал мама. — Наверно, здесь водится много выдр.

Машина остановилась. Мы вышли на дорогу. Кроме фонарей над головой, она одна только и светлела серой пылью. Когда машина разворачивалась, чтобы уехать обратно, фары осветили грядки, идущие от дороги, забор и стену дома за ним. Мы пошли вдоль грядок по тропке, такой узкой, что я видел, как чемоданы, которые несла мама, приминали картофельные кусты. Скоро грядки кончились. Сразу за ними темнел широкий двор. Справа тянулся забор и стена небольшого дома. Слева же белела хата, прикрытая пухлой соломенной крышей, с темной дверью посреди и двумя окошками, горящими с двух сторон. Мама пошла к хате, ткнула чемоданом в дверь, потом во вторую. Та раскрылась, и я увидел женщину, стоящую босиком на соломе, покрывающей пол. Женщина вскрикнула и бросилась к маме, а мама — к ней.

Мама и женщина так и стояли, обнявшись, а я стоял между двух чемоданов у дверей и смотрел, что было вокруг. Справа стоял большой стол у окошка. Дальше, у стены, белела покрывалом и наставленными друг на друга подушками кровать. Слева от нее стояло что-то вроде трюмо с зеркалом. Против окна стояла еще одна кровать, потом темнел шкаф, а все место слева от него занимала огромная печка. Из-за печки вышла курица. Она тупо посмотрела по сторонам, кудакнула, переско-

чила через порог и убежала в темноту. Пахло чем-то кислым, как из хлебницы. Я вздохнул и зевнул так, что даже зажмурился.

Мама что-то сказала тете Зосе, та захлопотала, усадила меня за стол, поставила передо мной стакан с чаем, потом начала раскидывать все на кровати. Я лег во что-то большое и очень мягкое, но при этом вздувающееся вокруг меня, словно из-под кровати гнал вверх воздух огромный пропеллер. «Хэрбатка», — повторил я про себя — так, как сказала тетя Зося, когда протягивала мне стакан с чаем. Потому что еще в поезде я решил, что буду стараться запоминать все польские слова. И тут я уснул уже до утра.

3. НЕ ВЫДРЫ, А РАКИ

Перед отъездом в Польшу отец говорил, что в деревне у тети Зоси я буду просыпаться еще раньше, чем обычно, и что будить меня будут петухи. Но проснулся я не от петушиного крика, а от громкого кудахтанья, раздавшегося почти рядом с моей головой. А когда я приподнялся на локте, то увидел, что солнце уже всю было в раскрытое окошко. Я перелез на коленках на стул, стоявший между кроватью и столом, и выглянул наружу. Две курицы — белая и коричневая, явно что-то не поделили, и одна, отбежав, все еще кудахтала на другую. Недалеко от окна стоял мальчишка. Он бросал в землю у ног, ловил и снова кидал маленький резиновый мячик, а, поймав его, взглядывал в наше окно.

— Вставай, соня, — сказала мама. — День давно уж. Вон, и Водек тебя во дворе поджидает.

— Какой Водек?

— Да мальчик-сосед. Узнали уже, что гости из Ленинграда приехали.

Я перебрался обратно на кровать и несколько раз ударил руками по белому, словно надутому матрацу, который от каждого удара менял форму, словно я перегонял в нем воздух из одного места в другое.

— Ну, как, сладко спалось на тети Зосиной перине? — спросила мама.

Услышав свое имя, тетя Зося обернулась и прищурилась на меня. Она стояла у плиты, которая была частью белой печки, и поправляла что-то ножиком на сковородке. Я сначала ее и не заметил, потому что на ней была тоже белая юбка и белая широкая блузка, перехваченная передником. Волосы ее тоже прикрывал белый платок.

Я спрыгнул на пол. Короткие соломки, покрывающие пол, были сухими, скользкими и прохладными. Тетя Зося поставила на стол кувшин и стакан, уже наполненный молоком.

— Мама, а что тетя Зося сказала? — спросил я, усаживаясь за стол.

— Она говорит, что такого вкусного омлета на сале ты, наверно, никогда еще не ел.

И точно — не ел. И такого вкусного молока тоже — не пил. И когда я переступил порог — толстое бревно, идущее по низу хаты, и вышел во двор, я всему этому, наверно, и улыбался. И Водек, взглянув на меня, заулыбался тоже.

«Как я там разговаривать-то буду», — думал я перед поездкой. Но когда новенький мяч прыгает, даже немного звеня, а «теперь я» — это еще и протянутая к мячу рука, а «смотри» — это когда руки раздвигают высокую траву и ты видишь маленькое гнездо с тремя яичками в крапинку, а «подожди» — это когда выставлен вверх указательный палец, — то все в общем-то и так понятно, и слова «тэраз я», «патш!» и «почекай» — словно всегда и знал.

— Далеко не убегайте, — крикнула мне мама, когда Водек махнул мне рукой, и мы направились через двор к полю, начинавшемуся сразу за изгородью на краю двора.

— Хорошо! — крикнул я. Хотя что это такое — далеко, там, где ты никогда еще не был?

Мы шли еще по двору, когда нас нагнал еще один мальчишка. В отличие от Водека, на котором были чистенькие короткие штаны на лямках и поглаженная рубашка с короткими рукавами, на его товарище были довольно грязные шаровары и выпущенная наверх рубашка, лишь внизу застегнутая на несколько пуговиц.

— Кшишек, — указал на него рукой Водек.

Кшишек был немного старше нас, и я сразу понял, что он немного понимает по-русски. Теперь, если мне было что-то не ясно в словах Водека, я взглядывал на Кшишека и он, хоть и отдельными словами, пояснял мне, что сказал Водек.

За хатой тети Зоси стоял большой сарай с высокой, тоже соломенной крышей. Ворота в него были распахнуты с обеих сторон, но, несмотря на сквозняк, в нем было еще жарче, чем на улице, и очень душно. Огромные копны сена и толстые пучки соломы высились в нем чуть не до крыши. Пройдя сарай насквозь, мы вышли к изгороди из тонких длинных жердей. Я направился к калитке в ней, но тут дорогу мне преградила целая стая больших белых гусей. Увидев меня, они начали подниматься с земли, гоготать, а три самых больших гуся вытянули шеи и, громко шипя, направились ко мне. Их шеи были такими длинными, что я, даже если бы захотел отпихнуть их, не дотянулся бы до их гладких, блестящих туш, которые медленно переваливались на больших оранжевых лапах. Один, самый большой гусь, который больше всех вытягивал шею и громче всех шипел, уже готов был клюнуть меня, но тут из-за моей спины выскочил Водек и, размахивая руками и громко крича, отогнал гусей от калитки.

За оградой нам пришлось сначала пробираться сквозь огромные шершавые листья. Я подумал, что это лопухи, но потом увидел, что на земле между ними желтеют и зеленеют то длинные, то пузатые кабачки. Наконец мы пошли по ровной, еще сырой от росы траве. Поле немного спускалось вниз и окончилось узким ручьем, который огибал небольшой лес за ним.

— Это тут выдры живут? — спросил я.

Водек пожал плечами, а Кшишек сдвинул брови, задумался, а потом рассмеялся. Он быстро сбросил сандалеты, которые, похоже, за кем-то донашивал, закатал шаровары выше колен и, держась за пучки травы, опустил в воду одну ногу, а потом другую. «Неужели сейчас выдру поймает?» — подумал я. Но вместо этого, поворотив рукой в воде у берега,

он радостно вскрикнул и выбросил что-то на траву. Нагнувшись, я увидел большого черного рака. Водек схватил его пальцами за края панциря и, потряхивая, стал тыкать им в меня, так что даже обрызгал мне рубашку. Я отобрал рака у Водека и стал рассматривать. Рак был черный, шершавый, но ярко блестел на солнце все еще мокрыми панцирем, клешнями и чешуей хвоста. От него остро пахло тиной. Он пытался протянуть ко мне тяжелые клешни, и двигал выставленными наружу черными горошинами глаз. Размахнувшись, я кинул его обратно в воду.

Мы пошли вдоль ручья, вода в котором быстро бежала, шевеля ветками кустов, спадавшими в него с другого берега. В одном из узких мест ручья через него были перекинута несколько жердей. Первым проскочил по ним Кшишек. Одна из жердей прогнулась под ним и чуть не вся ушла под воду. Следующим пошел я. Когда на середине ручья я ступил на эту жердь, моя нога соскользнула, и я зачерпнул полную сандалию воды. Она была холодная-холодная. Но солнце пекло так, что это было даже приятно.

— Какой густой лес! — сказал я, когда мы перешли ручей.

— Это не лес, а парк, — сказал Водек. — Сейчас ты увидишь панский палац.

Действительно, почти сразу открылась большая, залитая солнцем поляна, на краю которой стоял двухэтажный дом с колоннами посередине.

После разговора мамы с таксистом в Варшаве я уже знал, что палац — это дворец, ну а что он был панский, так чей же еще он мог быть.

— А кто сейчас тут живет? — спросил я.

— Сейчас тут живет Ханя, — сказал Кшишек, и Водек почему-то улыбнулся.

Мы подошли к палацу и прошли вдоль него, заглядывая в большие и низкие окна на первом этаже. Я сразу понял, что сейчас в этом дворце чьи-то квартиры. В одном окне я увидел, что на большом плоском диване сидит и читает книжку девочка. У нее были коротко подстриженные светлые волосы, которые все равно мешали ей, и она отодвигала их от глаз. Кшишек стукнул в стекло, девочка подняла голову и взглянула на нас. Водек тоже махнул ей рукой. Она закрыла книжку, заложив палец между страницами, и так с книжкой в руке открыла окно и выпрыгнула к нам.

— Вы чего? — понял я по интонации, спросила она, удивленно взглянув на меня.

— Это Леша, ну, Лешек, — сказал Кшишек, ткнув в меня рукой. — Он в гости к тете Зосе приехал, из Ленинграда.

Он еще что-то сказал ей явно про меня, потому что она при этом не спускала с меня глаз. Потом она протянула мне руку.

— Ханя, — сказала она, улыбнувшись и снова поправив волосы.

Водек спросил Ханю, что она читает, и она показала ему обложку книги. На ней были нарисованы два рыцаря верхом на лошадях, замахнувшиеся друг на друга мечами. У одного на щите был изображен орел, а у другого крест, и я понял, что эта книга о крестоносцах.

Кшишек махнул всем рукой, зовя за собой. Ханя вдруг убежала, но когда мы уже вошли под деревья, направляясь к ручью, догнала нас. Наверно, она спросила разрешения пойти гулять.

Тем же путем, что мы шли от двора тети Зоси, мы вернулись назад. Но когда мы пробрались через заросли кабачков, Кшишек, шедший первым, не полез через изгородь, а повернул вправо. Пройдя за ним вдоль изгороди, мы пролезли на незнакомый двор.

— Тут Кшишек живет, — сказал Водек.

На этот раз, едва пройдя сквозь ограду, мы разогнали на своем пути кур. Услышав их кудахтанье, на крыльцо дома на другой стороне двора вышел мужчина в высоких, измазанных землей сапогах, в которые были заправлены штаны на подтяжках.

— Мой отец, — сказал Кшишек.

Я уже заметил, что по-польски очень многое называется почти так же, как по-русски, только с некоторыми другими, похожими буквами.

Увидев нас, мужчина помахал нам рукой и что-то прокричал Кшишеку.

— Отец спрашивает, не хотим ли мы оранжада. Он как раз из магазина пришел.

Почему-то при слове оранжад я сразу подумал о лимонаде. Мы подошли к крыльцу и Кшишек убежал в дом. И я не ошибся. Кшишек вышел, держа в руках три небольшие узкие бутылки.

— Кому какую? — спросил Кшишек.

Ханя взяла бутылку со светло-желтым, Водек — с оранжевым, а я — с бесцветным лимонадом. На бутылках были странные пробки — скоба из толстой проволоки, которая прижимала к горлышку белую фарфоровую пробку с резиновой прокладкой. Но когда Водек откинул скобу, газ из бутылки пфыкнул так, что лимонад с пеной устремился наружу.

— Холера! — вскрикнул Кшишек, отскакивая и стряхивая брызги лимонада с рубашки.

Водек отпил с полбутылки.

— Вкусно? — спросил он меня, передавая бутылку Кшишеку.

Я хотел сказать — очень, но газ из лимонада так сильно ударил мне в нос, что я лишь кивнул головой.

Наверно, отец предложил Кшишеку показать их хозяйство, потому что, отнеся в дом бутылки, Кшишек подошел к одному из сараев, которые тянулись с трех сторон двора, распахнул дверь и махнул рукой, чтобы мы заходили. В сарае за перегородкой стояла корова с огромным животом, выпирающим в стороны. Увидев нас, она подняла голову и шумно выдохнула прямо в нас. Кшишек показал рукой на ее живот, но я и сам понял, что у этой коровы скоро родится теленок. Тут что-то зашумело в другом углу сарая, и, встав сначала на передние ноги, над загородкой показалась коричневая лошадь с белой полосой по середине головы. Она потянулась мордой за загородку, и Кшишек потрепал рукой ее мягкие губы, которые при этом прямо затрепетали, обнажив большие желтые зубы. Но это было еще не все. Кто-то быстро пробежал по бревну, тянущемуся вдоль стены. «Крыса?» — подумал я. И тут увидел кроликов, сидевших на бревнах по двум стенам сарая. От коровы и лошади их отделяла не сразу заметная сетка, за которую вела небольшая дверца в углу сарая.

— Прямо зоопарк, — сказал я.

Кшишек засмеялся, а Ханя что-то сказала ему, после чего он схватил меня за рукав и потащил во двор, а потом к дверям другого сарая. Еще только пока он отворял дверь, я услышал тяжелое, глухое хрюканье и быстрое, какое-то мокрое чмокание. Свет упал в темноту сарая, но я сначала ничего не увидел. Ханя подошла к высокой крепкой загородке и нагнула вниз голову. То же сделал и я. Огромная, как большой серый валун, свинья лежала на боку, подпрыгивая маленькими задними и передними ножками. Она была такая большая по сравнению с этими ножками, что можно было смело поспорить на что угодно, что она никогда не сможет подняться с земли. И, лежа в ряд, штук шесть длинных поросят прямо вгрызались в ее живот, который, в отличие от всей туши, был розовым. Кшишек пригнулся и прямо в ухо шепнул что-то Хане, от чего она смутилась и, заулыбавшись, отодвинулась от загородки.

Мы вышли на улицу. Стая утят во главе с большой серой уткой шла через двор, направляясь к длинному деревянному корыту с водой. Поднялся с земли и затряс ярко-красной тяжелой бородкой, напоминающей большую гроздь красной смородины, волнистый черно-серый индюк. Под ногами, переливаясь на солнце, там и здесь пестрел разноцветный, как выдавленный из тюбика, птичий помет.

— Вот! — сказал Кшишек и довольно раскинул руки. И я понял, что Кшишек был вовсе не неряшливый, а просто много помогал дома в их большом хозяйстве.

Ханя что-то сказала, и Кшишек перевел:

— Она говорит: «Лешек, наверно, все это неинтересно, потому что он живет в городе, да еще в таком большом».

А мне, наоборот, очень захотелось увидеть, каким будет теленок, когда только что родится, и я сказал это маме, когда обедал, и попросил ее, чтобы она сказала это родителям Кшишека.

4. АМЕРИКАНСКИЙ ДИВЕРСАНТ

Дом Водека стоял прямо напротив хаты тети Зоси, на другой стороне большого двора. Поэтому сказать «во дворе у тети Зоси» или «во дворе у Водека» было одно и то же. Внизу двора — он был немного наклонным — за изгородью зеленело поле, ведущее к парку, где жила Ханя. Вверху же двор на одну половину перегораживал забор, за которым виднелся дом Кшишека, а со второй половины начинали тянуться к дороге картофельные грядки тети Зоси. Только узкая тропка отделяла их от забора, за которым стоял дом Водека. Возле дома Водека во двор выдавался маленький палисадник, в котором я иногда сидел, поджидая, когда прибегут Водек или Кшишек.

За палисадником в одном месте на земле желтела ровно расстеленная солома. Я думал, что это остатки от стоявшей тут раньше скирды сена. И вот однажды Водек говорит:

— Можешь перепрыгнуть через эту солому?

Я зашел сбоку, хорошенько разбежался и прыгнул. Еще бы сантиметров двадцать, и я бы точно опустился на землю, а не на солому. Но

как только ноги мои коснулись соломы, они по самую щиколотку вошли во что-то мягкое и вязкое, а вокруг них выступило что-то белое, похожее на сметану. Я еле сохранил равновесие, чтобы не упасть, а потом с трудом вытащил одну ногу и ступил ею на землю. Но вот вторую ногу вместе с сандалией мне вытащить не удалось. Стараясь не наступить на белую жижу ногой в носке, я присел на корточки и вытянул сандалинку за торчащий ремешок. Оказывается, солома прикрывала прямоугольную яму, в которой гасилась известь, нужная для побелки стен и деревьев в саду.

— Доволен? — спросил я Водека.

И, похоже, он был на самом деле очень доволен, что я попался на этой шутке. Все время, пока я бежал по полю с сандалиями в руках к ручью, он смеялся и скакал рядом. Извести налипло так много, что вода, относимая течением от того места, где я присел на корточки на выступе берега и болтал в воде сандалиями, чтобы смыть с них известь, была белой, как молоко.

Как-то вечером, когда мы пили чай, мама сказала:

— Завтра будем собирать колорадских жуков с тети Зосиной картошки.

Я уже слышал, как днем тетя Зося и мама говорили про этих жуков. Оказывается, в этот год вся картошка, вернее ее кусты на грядках, были прямо облеплены этими жуками. Кшишек уже показывал мне их во дворе. Они были размером с крупную горошину, но продолговатые, а по спине у них шли узкие черные и желтые полосы. Поэтому жук был похож на микроскопический арбуз. Жуки эти сжирали листья, оставляя от них одни остовы, так что куст картошки делался похожим на осыпавшийся осенью куст черники.

— Тетя Зося говорит, что слышала, будто этих жуков разбрасывают с самолетов американцы, чтобы навредить, — сказала мама. — Правда, я читала, что они появились и во многих других странах и движутся по ним, как саранча.

— Разве мы сможем их всех собрать? — спросил я. — Грядок-то вон сколько!

— Тетя Зося попросила помочь еще и Кшишека, и Водека. Так что тебе скучно не будет.

На следующий день после завтрака мама расстелила на столе старые газеты, разорвала их на прямоугольные куски и сделала из них несколько треугольных шапок, какие надевают на голову маляры, когда белят потолок.

— А то еще заработаете солнечные удары, когда внаклонку будете по грядкам ползать, — сказала мама.

Тетя Зося вынесла и поставила на скамейку у хаты несколько поллитровых банок, в которые надо было собирать жуков. У начала грядок она установила в траву глубокую картонную коробку и набросала на ее дно картофельных листьев.

— Сюда будете сбрасывать жуков, — сказала она.

Скоро пришел Кшишек, а потом Водек. Тетя Зося даже повеселела.

— Давайте, устроим соревнование, — предложила мама. — Кто за час соберет больше банок жуков, получит приз!

Тетя Зося что-то сказала маме, и мама добавила:

— Приз от тети Зоси!

— А вон и Ханя идет! — крикнул, взглянув в сторону поля, Кшишек.

Снизу двора, махая нам косынкой в руке, действительно шла Ханя.

Кшишек рассказал ей о соревновании, каждый вытряхнул в коробку набранных до этого жуков и встал на грядке. Мама смотрела на часы, а все смотрели на маму. Казалось, что мы собираемся кинуться бежать наперегонки вдоль картофельных грядок. И мама махнула рукой.

Все разом нагнулись и принялись за работу.

Если смотреть на куст картошки сверху, то жуков можно было и не заметить. Но стоило приподнять картофельную ветку и вывернуть листья, как жуки с них на землю, так и сыпались.

— Ох, и гадость же! — сказала мама, встав над грядкой, чтобы передохнуть.

Сам по себе колорадский жук был даже красивым. Сиди себе он где-нибудь один на капустном листе, им можно было бы даже полюбоваться. Но было их — видимо-невидимо.

Когда кто-нибудь, переступая через грядки, бежал с наполненной банкой к коробке, все поднимали головы и провожали его взглядом.

Кшишек продвигалась по грядке, соседней с грядкой Хани. Скоро она заметила, что Кшишек нет-нет, да и поглядывает на нее сзади. Тогда она перешла на самую крайнюю грядку и, уже не поднимая головы, начала обтряхивать кусты.

— Ну они и обжоры! — сказал Водек, когда мы поравнялись с ним на грядках. — И куда в них столько влезает?

Пройдя почти всю грядку, Ханя вдруг выпрямлялась, что-то рассматривая в руке.

— Отгадайте, сколько на спине у колорадского жука полосок? — спросила вдруг она. — Эх вы! Сколько их уже собрали, а не заметили. Десять!

Высоко в небе раздался гул. Я поднял голову. Приближаясь к середине неба, медленно двигался самолет, оставляя за собой две беловатых полоски, которые вдали от него постепенно таяли. Тетя Зося тоже распрямилась, подняла голову и долго стояла, смотря вверх.

— Тетя Зося, это американцы летят, сейчас опять жуков на ваш огород сбросят, на парашютах! — крикнул Водек.

Мама засмеялась, а тетя Зося махнула на него рукой и снова уткнулась головой в грядку.

Солнце палило невыносимо. Было так жарко, что иногда на листья картошки с моего лба падали капли.

— Время! — воскликнула, наконец, мама.

— Три с половиной! — крикнула Ханя.

— Четыре! — прокричал Кшишек.

— Пять и еще треть банки! — воскликнул Водек и даже поднял над головой руку с расставленными пальцами.

А я думал, что победит Кшишек.

Когда все грядки были пройдены, тетя Зося велела нам идти мыть руки, а сама пошла в хату и вышла с бутылкой, от которой издавна уже несло керосином. Мы, конечно, остались, что увидеть страшную гибель

зловредных жуков. Тетя Зося облила коробку керосином, вытерла руки и бросила в коробку зажженную спичку. Солнце было такое яркое, что пламени сначала и не было видно. Но скоро бока коробки начали чернеть и изгибаться. Тут дунул ветерок, и коробка вспыхнула. Кшишек, приблизившись к ней, как для молитвы сложил перед лицом ладони рук, наклонил голову и деланно всхлипнул.

— Дурак! — сказала ему Ханя и первая побежала к уличному ручью, висевшему возле дома Водека.

Тетя Зося позвала нас всех в хату. Она поставила на стол чашки и большой кувшин с молоком. Потом она отвернулась к печке и взяла с нее большую тарелку, прикрытую салфеткой. Стоило ей только, поставив тарелку на стол, дернуть салфетку, как Водек закричал:

— Тети Зосины пончики!

— Все работали хорошо, так что призываем на всех, — сказала тетя Зося.

На тарелке блестели темными обжаренными боками обсыпанные сахарной пудрой шары размером с яблоко. Так вот для чего тетя Зося месила утром тесто в глиняном горшке! Обжаренная корочка пончика хрустела под зубами, а внутри, стоило ее прокусить, мягко проминалась сладкая душистая мякоть. Каждому досталось по два пончика, но были они такими вкусными, что Водек, вставая из-за стола, еще раз стрельнул глазами в сторону печки.

5. СТАРАЯ ГРУША

Недалеко от участка Кшишека, сразу за чьим-то забором, росла огромная груша. Она была такая большая и высокая, что верх ее под собственной тяжестью склонился и свисал уже далеко за забором, над полем. Груш на ней было — видимо-невидимо. Правда, все они были мелкими. От ветра или еще почему-то трава под грушей была вся усыпана опавшими, еще зелеными грушками. Как-то мы шли по полю с Кшишеком, и вдруг увидели Водека. Кшишек засмеялся и ткнул рукой Водеку в живот.

— У тебя что, тоже скоро будет теленок? — спросил Кшишек.

Майка на животе у Водека выпирала вперед на полметра, и он одной рукой придерживал резинку на шароварах, чтобы набитые под майку груши не высыпались наружу.

— Где ты их набрал? — спросил Кшишек.

— А вон под той грушей.

— Так ведь она не ваша, — сказал Кшишек.

— А я что, за забор залезал, что ли? Вон, в траве их полно. Все их тут топчут. И куры тоже, чьи только ни гуляют — клюют.

— Они ж еще не спелые, — пощупал их сквозь майку Кшишек. — Хочешь в туалет побегать?

— А я и не собираюсь их сейчас есть, — возразил Водек. — А вот если им полежать, они пожелтеют, и будут знаешь какие сладкие?

— И где ты собираешься их хранить?

— Придумаю. Можно сделать где-нибудь во ржи что-то вроде гнезда, да, да прикрыть соломой.

— А если дождь? — сказал я.

— Верно. Да и жуки-червяки поналезут, — согласился Водек.

Мы немного прошли, и тут Водек воскликнул:

— Знаю! Меня недавно, перед твоим, Лешек, приездом, тетя Зося попросила залезть в ее хате под крышу и спустить вниз стул. Ей-то, когда она одна, их много не нужно. Так вот, там, под крышей, старый пустой чемодан лежит. У него уже и замки сломаны. Я, когда стул вытаскивал, случайно его задел, так крышка и отвалилась. Если в чемодан этот наложить соломы, рассыпать на ней груши, да прикрыть крышкой, то лучшего места и не найти. Там под крышей и тепло, и сухо. Грушки наши быстро созреют

Мы вернулись к груше. Я тоже — под свою майку, а Кшишек под рубашку набили груш и двинулись к хате тети Зоси.

— Хорошо, что нас сейчас Ханя не видит, — сказал Кшишек. — Идут гуськом по тропинке три беременных мальчика. Вот бы посмеялась.

— А разрешит тетя Зося? — спросил Кшишек.

Водек пожал плечами:

— Хорошо бы незаметно их туда положить.

Когда мы подошли к хате, я переложил почти все свои груши Водеку и Кшишеку и заглянул в комнату, чтобы узнать, чем там заняты мама и тетя Зося. Но никого в хате не было. И я вспомнил, что сегодня они собирались пойти в гости к какой-то тети Зосиной знакомой. Они и меня хотели взять, но я занекал, и мама махнула рукой и сказала: «Ладно, пусть лучше гуляет, а то он нас там замучает вопросами, когда, наконец, домой».

— Быстро только! — крикнул я, выглянув на улицу и махнув Кшишеку и Водеку рукой.

Первым по лесенке, приставленной к лазу в потолке — она стояла в самой глубине против входной двери, — поднялся Водек. Потом за Кшишеком поднялся и я.

— Ну и духота! — сказал Кшишек.

Стоять под крышей можно было только посередине, возле каменной, идущей на крышу, трубы. Небольшой коричневый чемодан с промятой крышкой, весь потертый, поцарапанный и покрытый пылью, с торчавшими ржавыми петлями лежал ближе к краю крыши. Я на корточках подлез к нему и подтащил к лазу. Скинув крышку, мы набросали в него сена с пола. Потом мы присели, уткнувшись коленями в края чемодана, и как по команде выдернули из штанов рубашки и майки. Груши, как горох, со стуком полетели в чемодан. Набрали мы их столько, что они сантиметров на десять покрыли все дно. Прикрыв чемодан крышкой, мы спустились вниз.

— Через неделю заглянем, как там наши груши, — сказал Водек. — Пошли дальше гулять.

Как-то утром, когда я, мама и тетя Зося сидели за столом и завтракали, тетя Зося вдруг подняла голову, посмотрела на верх занавески и сказала:

— Что это за мушки такие черненькие летают, не пойму. Никогда не было, и вот появились. Уже второй день замечаю.

Она сложила пальцы ковшиком и попыталась поймать несколько мушек, но каждый раз промахивалась.

Вечером за ужином, стоя у печки, тетя Зося снова все время взглядывала под потолок.

— Ну что за напасть! Вон их уже сколько! Опять, что ли, американцы новую заразу на нас с самолетов побросали? Чуть не рой целый в углу крутится! Откуда залетают-то они? Из-под крыши, что ли?

И тут я вспомнил про наши груши. Мы про них, честно говоря, и забыли.

Утром, выждав, когда мама и тетя Зося вышли зачем-то во двор, я быстренько влез по лесенке под крышу. Чемодан наш стоял на месте, и все было, вроде, по-прежнему. Я встал на коленки, откинул крышку чемодана — и словно кто-то прыснул мне в лицо из пульверизатора. Рой бесчисленных мушек черным облаком взвился над чемоданом. Когда он чуть рассеялся, я увидел наши груши. Верней, то, во что они превратились. Посмотрев по сторонам, я заметил валявшийся пустой скомканный мешок. Убедившись, что он не дырявый, я натянул его на край чемодана, поднял чемодан за другой край и сильно потряс. Черно-зеленая, два раза булькнувшая каша медленно переползла из чемодана в мешок. Перекрутив несколько раз верх мешка, я тихонько спустился по лесенке и выглянул наружу. Ни мамы, ни тети Зоси видно не было. Напротив, в палисаднике, сидели Водек, Кшишек и Ханя.

— Наконец-то! Ну ты и завтракаешь! — закричал, идя мне навстречу, Водек. — А это — что? Наши грушки? Созрели? Я же говорил! Ребята, налетай! Ханя, подходи первая. Сейчас Лешек знаешь какими тебя грушками угостит!

Чувствуя запах, идущий от мешка, я быстро обогнул Водека и побежал в угол двора. Там, прикрытая досками, была устроена яма, в которую сбрасывали и выливали всякие пищевые отходы для компоста.

— Вот и все наши грушки, — сказал я, вернувшись к ребятам. И рассказал, как тетя Зося ловила черных мушек.

6. ТЕЛЕНОК

— Да просыпайся же! — трясла меня за плечо мама.

Я открыл глаза. Вместо ярких бликов света на белом потолке, которые я видел, просыпаясь, каждое утро, я с удивлением уставился глазами в темный угол под потолком и на тускло горящую лампочку. У открытой двери стоял и смотрел на меня Кшишек.

— Ты ж просил, чтобы тебя позвали, когда теленок будет рождаться, ну так вставай! Зря, что ли, Кшишек прибежал?

Я вскочил. Натянув кое-как штаны и рубашку, я бросился к двери, в которую уже выходил Кшишек.

Листья картошки блестели от желтого света фонаря над дорогой. Обогнув забор, мы юркнули в калитку и побежали через широкий двор Кшишека. Огромная липа, росшая посреди двора, казалась севшей на землю черной тучей. В углу двора сочился свет из двери сарая.

Желтый ореол окружал голую лампочку, свисающую с потолка, словно был туман. Отец Кшишека стоял, облокотясь о загородку, и смотрел вниз. Мама Кшишека, нагнувшись, перетаскивала что-то вни-

зу за загородкой. Я всмотрелся. На рогожке из-под мешка лежало что-то темное и мокрое. Торчали в стороны и светлели двойные копытца, кажущиеся слишком большими для таких маленьких ножек.

— Только что родился, — сказал отец Кшишека.

Пани Софья, мать Кшишека, подтащила теленка к морде лежащей на боку коровы. Та немного приподнялась и стала облизывать теленка. Поняв, что так неудобно, она встала на ноги и, выворачивая язык, стала водить им по его бокам и голове. Подталкиваемый носом коровы, теленок переложился на живот и затыкал ногами в солому, покрывающую пол. Он уже поднимал голову. Когда вымя коровы оказалось поблизости от его носа, он стал тыкаться в него и скоро нашел сосок. Неожиданно он, пошатываясь, встал и, вывернув голову, продолжил сосать.

— Ну, все в порядке, — сказала пани Софья.

Я огляделся по сторонам. В углах сарая было темно. Кролики испуганно замерли на своем бревне за сеткой, в нескольких местах сбившись вместе. Неподвижно блестели над соседней загородкой глаза лошади, и белела в полумраке длинная полоса, идущая от ее челки к губам. Было совсем тихо, только чмокал теленок.

Когда теленок отодвинулся от вымени, пани Софья подошла к нему и погладила по спине.

— Хо-о-роший, хо-о-роший, здоровенький, — протянула пани Софья. — Вот, какая спинка прямая!

— А можно, я поглажу? — сунулся я в проход в загородке.

— Погладь!

Шерстка была сыровата, но словно шелковая.

— А почему у него так сердце колотится?

— А вот такое оно у них — быстренькое.

Пани Софья вышла из сарая. В открытую дверь я видел, как она прошла через двор, вошла в дом, а потом — было видно через окно в доме — сняла ведро с печки и, отставляя его в сторону, чтоб не билось по ноге, пошла обратно.

— Соли не забыла насыпать? — спросил отец Кшишека.

Пани Софья глянула на него, словно говоря — «в первый раз, что ли?» и поставила ведро в угол, недалеко от коровы. Та посмотрела по сторонам, медленно подошла к ведру и стала пить. Пани Софья обхватила теленка и перевела его в маленькую клетушку в углу загородки.

— Пстой-ка тут, — сказала она. — А то напьешься молока, больше чем надо, убирай потом за тобой.

Кшишек вышел на улицу, а я за ним. Вышел и его отец.

— Ну, что, маленький хозяин? — сказал он мне, — Повидал теленка?

Выйдя из коровника, мы сели с Кшишеком на скамейку, устроенную вокруг ствола липы, росшей посреди двора.

— Почти отцвела уже, — откинув голову, потянулся Кшишек. — А то пчелы в ней так гудели, что было слышно на всем дворе.

— Что-то и спать не хочется, — сказал я.

— А мне хочется, — ответил Кшишек. — Я-то и не ложился, как сказали, что вот-вот теленок родится. Ну да все равно темно, не погуляешь.

7. МАЛЕНЬКИЙ ХОЗЯИН

А меня, и верно, уже называли так в доме у Кшишека.

Я и дома-то всегда просыпался рано, а так как время в Польше сдвинуто назад, то получается, что, проснувшись в свои привычные восемь, я выходил на двор тети Зоси, когда шел еще только седьмой час.

И вот я — один, на нашем с Водеком дворе. Солнце еще только показалось над парком, и трава на поле блестит росой в его лучах. Где-то внизу двора, за сараем, гоготнул гусь. Тихо так, что слышно, как за дощатой перегородкой сбоку хаты переступают куры. Изредка то за домом Водека, то за домом Кшишека мычит корова, да так, что, кажется, все должны были бы проснуться. Но потом — та же тишь. Я иду к палисаднику, что у стены дома Водека. Маленькая скамейка — вся в росе. Смахнув капли ладонью, я сажусь, но тут же чувствую, как сырость проступает сквозь шорты. Я прохожу вниз двора и иду вдоль изгороди, снимая ребром ладони холодные капли с верхней жерди. Парк за полем кажется черным, но солнце над ним уже приподнялось. Его лучи скользят над полем, и там, где туман, видны в его полосах. Ханя, наверно, еще спит и не знает, что я смотрю туда, где за деревьями — ее дом. Вдруг лист кабачка на поле за оградой шевельнулся, потом еще один. Рыжая кошка Водека, стараясь не мочить лапы в росе, осторожно переступает между листьями. Где-то она гуляла всю ночь? Увидев меня, она замирает на месте с поднятой лапой, потом, словно узнав, идет дальше и исчезает, нырнув под жердь ограды. Капли в складках кабачковых листьев такие огромные, что хочется нагнуться и собрать их губами.

Я перелезаю через изгородь, иду вдоль грядок кабачков, потом снова пролезаю сквозь жерди и захожу на большой двор перед домом Кшишека. Дверь в курятник еще притворена, но я слышу протяжный, сначала растущий, но потом снова стихающий клекот. Через минуту — еще один. Я открываю дверь и захожу в курятник. Куры встречают меня недолгим кудахтаньем, не столько недовольным, сколько удивленным. Вдруг кура, около которой я остановился, чуть приподнялась, тягуче, почти как кошка, заурчала, переступила несколько раз под собой лапами и снова опустилась на место. Я давно уже хотел посмотреть, как курица откладывает яйцо. Забрав в ладонь перья ее хвоста, я отгибаю его к голове курицы. И вдруг вижу: белый кружок влажного, чистенького яичка растет на моих глазах в размерах, и, как выжатое, оно плавно опускается на утоптанное, перемешанное с перышками сено.

В этот момент сквозь щели в стенах курятника я вижу отца Кшишека. Он входит в коровник, приставив к его двери грабли так, чтобы она осталась открытой, а потом выходит с вилами в руке и тут замечает меня.

— Привет, маленький хозяин! — говорит он. — Пойдем, поможешь немного, — и протягивает мне грабли.

Мы заходим за грядки и начинаем перекидывать с места на место и ворошить сено, разбросанное на траве в этой части двора. Это — чтобы оно не «горело», а высушивалось на солнце и свежем воздухе. Толстая коричневая курица, словно ее что-то очень интересует, топчется совсем

недалеко от мест, до которых достают вилы отца Кшишека. Наконец, ему это надоедает, он взмахивает вилами на куру и кричит уже привычное мне, незлое ругательство:

— Да чтоб тебя, холера ясная!

Как-то я помогал Кшишеку рубить солому. Рубили ее в том сеновале, что стоял внизу нашего с Водеком двора. В одном углу сеновала, в окружении высоких, почти до крыши копен сена, стояла соломорубка. Она представляла из себя узкий стол, с одной стороны которого на вал было насажено колесо. Стоило крутануть его, как зубцы вала рывками начинали проталкивать положенную на стол солому вперед. А на краю стола на нее с хрустом опускался, затем приподнимался и снова опускался косо, до блеска заточенный нож. Колесо соломорубки было похоже на корабельный штурвал, только из него торчала вбок всего одна ручка. Кшишек однажды даже встал лицом к колесу, расставил ноги, заломил на затылок старую кепку, которую надевал, чтобы пыль и соломенная труха не набивались в волосы, и, изображая рулевого, крутанул колесо и прокричал «ту-ту-т-у-у-у...».

Когда мы пришли в тот раз на сеновал, встать к колесу решил я. Кшишек же встал по другую сторону, чтобы накладывать на стол солому. Ухватившись обеими руками за ручку, я начал все быстрее и быстрее вращать колесо. Оно было очень большое, и я периодически повисал над вытянутыми вниз руками, вцепившимися в рукоятку. Скоро колесо, набрав самую удобную для работы скорость, загудело, и вращалось теперь, как маховик. И вдруг скользкая, почти отполированная ладонями деревянная ручка выскользнула из моих рук. Я не успел даже податься назад, как, описав круг, рукоятка нанесла мне такой удар в поддыхало, что я отлетел, присел и уткнулся лбом в колени. Минут десять я так и просидел, а рядом со мной на корточках — Кшишек.

— Живой? — спросил он, когда я, наконец, поднял голову.

Самое противное, что, когда через несколько дней мы снова пошли рубить солому, я, встав в свою очередь к колесу, как только оно начало гудеть, вдруг, чего раньше не бывало, почувствовал, что это не я кручу его, а оно — меня. И я понял, почему лицо Кшишека, когда крутил колесо он, в какой-то момент вдруг делалось злым. Просто в этот момент он все же перебарывал обнаглевший маховик и вращал его дальше, как хотел.

А как-то мы — я, Кшишек и его отец — поехали на дальний покос, где я помогал сгребать сено и потом закидывать его на скирды.

— Вспотел? — спросил меня отец Кшишека, когда я, воткнув в землю вилы, вытирал ладонями шею. — А думал, наверно, что сено — легкое, — сказал он, поддев и подбросив носком его клочок.

Домой мы двинулись, когда уже начало темнеть. Мы залезли с Кшишеком на копну сена, наваленную на телегу, и ехали, покачиваясь, а то и почти сползая то вправо, то влево. Иногда Кшишек начинал затягивать какую-нибудь песню. Но когда он начал петь про какую-то Каролину, которая вышла за чем-то вечером в поле за стодолу, отец Кшишека, который шел рядом с лошастью, так взмахнул хлыстом, что его конец стегнул Кшишека по ноге.

— Потом тебе про остальное допою, — шепнул мне Кшишек.

8. ЧТО КАК НАЗЫВАЕТСЯ

Утром после той ночи, когда родился теленок, я сразу пошел на двор Кшишека. Теленок уже хорошо держался на ногах. Шерстка на нем мягко торчала, особенно на ушках, и от этого он казался немного подросшим. Скоро пришла Ханя. Она откуда-то уже знала, что родился теленок, и тоже первым делом пошла на него посмотреть. Выйдя из сарая, мы сели на скамейку под липой, где ночью я сидел с Кшишеком.

— Жарко сегодня, — сказала она. — Надо купаться пойти. Ты Водека не видел?

— Видел. Он утром опять в огороде молился. Я вышел, подошел к их забору, смотрю — он стоит в горохе, руки сложил, глаза закрыл, и бормочет.

— Водеку на днях математику в школе пересдавать, а то на второй год оставят, — сказала Ханя. — Вот он и молится.

Тут в калитке показался Водек.

— Привет! Купаться пойдем?

— Куда тебе купаться? — сказала Ханя. — Занимался бы больше.

— Когда заниматься-то? Кшишека не видели?

— Он спит еще. У них ночью теленок родился.

— А-а...

Скоро вышел Кшишек, и мы разбежались по домам сказать, что пойдем купаться. Купались мы всегда в том месте ручья, где перед поворотом он широко разливался. К тому же там была, хоть и совсем узкая, полоска песка у воды. И хоть сидели или валялись мы все равно на траве, стоять или ходить по влажному песку босиком было очень приятно.

Когда я, Кшишек и Водек пришли к ручью на наше место, Хани там еще не было. Скинув одежду, мы бросились в воду. Ручей в самых широких местах был не больше трех метров, а по глубине — «с головой», так вообще нигде. Но течение в нем было очень быстрое. Можно было еле перебирать руками и ногами, и нестись вдоль заросших травой берегов. Или наоборот: быстро работать ими против течения — и почти оставаться на месте. Как-то отец Водека дал нам бредень, и мы часа два, чередуясь между собой, попарно ходили по ручью, держа сбоку от себя палку с закрепленным краем сети. Течение так надувало сеть, что она делалась похожей на пузырь, и можно было не бояться, что попавшиеся окуньки, щурята и маленькие сомы выскользнут на волю. Из-за этого течения вода в ручье даже в жаркие дни была холодной. Кшишек плавал хорошо, Водек хуже. Может, поэтому он вылезал из воды всегда весь в мурашках.

Скоро мы увидели Ханю. Она бежала по полю, махая нам рукой, в которой держала босоножки. Вдруг она взвизгнула и подпрыгнула на месте.

— Ты чего? — крикнул Кшишек. — Ног уколола?

— Лучше бы уколола. Я на лягушку наступила.

— На большую?

— Ага.

— Она — холодная?

- Брр!
- Гладкая или в пупырышках?
- Кажется, в пупырышках.
- Сухая или влажная?
- Сухая.

— Тогда это не лягушка, а жаба. Теперь на ноге бородавки вскочат.

Ханя осторожно переступила в траве, всматриваясь вниз.

- Куда-то спряталась. Хоть бы это лягушка была.

— Тут на поле лягушек полно, — сказал Кшишек, когда Ханя подошла к нам. — Мы однажды с отцом на том краю поля сено сгребали, так я от нечего делать взял вилы и метнул их. Ну, как копье. Полетело оно, а когда в землю воткнулось, слышу — писк! Подбежал, смотрю — один из зубьев к земле лягушку прищипил.

- Да хватит уже! — воскликнула Ханя.

Она скинула халатик, разбежалась и прыгнула с травяного бугорка в воду. Острые брызги долетели и до нас, и мы, как по команде, бросились в ручей. Повзбывав хорошенько воду, мы встали, отирая ее с лица и выдавливая из волос.

- А-а-а-а!.. — завопил Водек. — У меня змея по ноге скользнула!

— Ну, опять! — откидывая ладонями воду, прошла мимо нас Ханя. — Ничего интересней не придумал?

- Правду говорю!

- Это шурунок, наверно, — сказал Кшишек. — Или просто травина.

Ханя вышла из воды, накинула на плечи полотенце и села на тот бугорок, с которого прыгнула.

Мы продолжали стоять по колено в воде, выстроившись по течению, смахивая с себя ладонями капли. Ханя смотрела на нас.

Вдруг она засмеялась.

- Чего смеешься-то? — спросил Кшишек.

Ханя все смеялась, глядя на живот то Водека, то на мой, то Кшишека.

— А то смеюсь, что у Кшишека он вдавленный внутрь, с завитушкой, у Лешка — вровень с животом, а у Водека — торчит наружу. Лешек, а как он по-русски называется?

- Пупок.

- Как? — Ханя даже привстала со своей кочки. — Пупок?

Она прижала к животу спавшее с плеч полотенце и захохотала.

— Ребята, слышали? Пупок! Ой, не могу, никогда слова смешней не слышала. Пу-пок! Пу-пок! Ой, сейчас в воду свалюсь.

- Ну а по-польски-то — как? — спросил я.

- По-польски нормально — пемпек.

- Как? Пемпек? Так это же в миллион раз смешней! Пемпек! Ха-ха!

Домой приеду, ребятам расскажу — все со смеху помрут.

- Давай поспорим, что «пупок» — смешней, — сказал Водек.

- И чем докажешь? — спросил я.

Вместо ответа Водек глянул на меня, потом рукой ткнул мне в живот. Рука у него была такая холодная, что у меня на животе выступили мурашки.

- А как он будет по-русски?

- Живот.

- А по нашему — бжух.
- У нас брюхом живот называют, только если он очень большой. А это, — я хлопнул Водека по плечу, — у нас называется — плечи.
- Нет, «плечи» — это у нас совсем другое. Это — вот что, и Водек провел рукой мне по спине.
- Ну да, — сказал я. — Я уже знаю. «Двожец» — это у вас не дворец, а вокзал. А «плечи», значит, и не плечи вовсе, а спина. Понятно...
- Тут Кшишек изогнулся, глянул на меня сзади, ниже спины, и спросил:
- А как она по-русски?
- Да ну вас! — Ханя вскочила с кочки и махнула на Кшишека полотенцем. — Мне пора. Просветитесь дальше без меня, — и она побежала по полю.
- На жабу опять не наступи! — крикнул ей вслед Кшишек.

9. КОЛДУНЫ

- Я обедаю! — крикнул мне Водек и махнул в окне рукой с ложкой.
- Заходи!
- Я взбежал по ступенькам крыльца.
- Есть хочешь? — спросила меня мать Водека, стоявшая у плиты в переднике и с полотенцем в руках.
- Нет, — ответил я.
- А борщ с колдунами будешь?
- С колдунами? С колдунами буду.
- «Это что это за колдуны такие?» — подумал я.
- Я сел за стол рядом с Водеком. Его мать положила передо мной ложку, потом взяла с полки тарелку, поставила ее на плиту рядом с кастрюлей, положила на дно тарелки что-то из стоявшей рядом миски, подняла на кастрюле крышку, из-под которой сразу повалил пар, и влила в тарелку две поварешки борща.
- Хватит! — воскликнул я.
- Больше и не налью. А то не понравится, добро пропадет.
- Не пропадет, наша Бася все слопает, — вставил Водек и несколько раз хрюкнул, изображая их свинью.
- Темно-красная, без всяких кусочков капусты или картошки, только с блестящими капельками жира, поверхность борща нежно дымилась у меня перед носом. Я нагнулся еще ниже, чтобы уловить запах, и вдруг что-то белое, округлое и продолговатое всплыло на поверхность борща. Рядом сразу всплыл и выставил белый бок еще один, а следом и третий кругляшек.
- Колдуны! — сказал Водек, делая ударение почему-то на среднем слоге. — Любишь их?
- Я поддел один ложкой и надкусил. Горячая начинка, сразу наполнившая рот знакомым мясным вкусом, обожгла мне небо.
- Так это ж пельмени! — воскликнул я.
- Колдуны! — сказал Водек.
- Борщ с пельменями. Все понятно. А я уж, когда увидел, как они всплыли, действительно, подумал...

— Ну, как, вкусно? — спросила мать Водека.

— Смачно! — опередил меня Водек, и я тоже готов был это про-
изнести, потому что польское слово «смачно», обозначающее — вкусно,
мне очень нравилось.

Мы встали из-за стола, и пошли на улицу. Проходя через небольшую
комнату перед крыльцом, я как всегда взглянул на огромный барабан,
стоявший в углу. Размером он был почти с бочку. Сверху на нем тускло
блестела медная тарелка — такая же, по каким лупят палками в джазо-
вых ансамблях. Рядом на полу лежали две колотушки, похожие на гра-
наты. Больше в комнате ничего и не было, только в противоположном
углу были приткнуты к стене несколько мешков. Судя по всему, в них
была мука: из дырочки в одном мешке выдавилась и замерла сухая бе-
лая струйка. Да и тарелка на барабане была покрыта пылью уж больно
белого цвета.

Честно говоря, мне давно уже хотелось это сделать: я поднял одну
колотушку и, размахнувшись, стукнул ею в серо-желтый кожаный бок
барабана.

— Бум — даже сдавило в ушах. В ту же секунду из-за барабана с бе-
шенным квохтаньем выпорхнула курица и, глупо взглядывая по сторо-
нам, бросилась к двери.

— Здорово! — сказал я. — А зачем он тут стоит?

— А больше и негде поставить. На нем отец играет, когда праздник
какой-нибудь или свадьба. Тогда в деревне оркестр собирается. Видишь
лямки? Отец вешает этот барабан на себя, узкой стороной к груди, и
бьет по нему с боков и по тарелке сверху. А у Кшишека отец на трубе
играет. Она у них в одной комнате в углу стоит. Но она такая большая,
что ее и не поднять. Когда на ней играют, то в ее изгиб одну руку и пле-
чо просовывают, иначе не удержишь.

Мы вышли во двор. На скамейке в палисаднике сидела и вытряхива-
ла из босоножки песок Ханя.

— Привет! — сказал Водек. — Лешек сейчас у нас борщ с колдунами
ел. У них слово колдуны означает то, что у нас — чародеи. Он даже ис-
пугался, когда один колдун в борще всплыл.

Ханя засмеялась.

— А у нас сегодня на обед — карпы в сметане. Хочешь, Лешек, при-
ходи, попробуешь.

— Нет, спасибо, с меня колдунов хватит.

— Ну и зря. Этих карпов только сегодня утром в ставе выловили.
Вот — таких! — и Ханя расставила перед собой изогнутые ладони, слов-
но держа за края большую тарелку.

— Тем более. Надо и на завтра место оставить. Завтра же воскресе-
нье. Тетя Зося сказала, что она сварит куриный бульон с настоящей до-
машней лапшой. А сегодня она хлеб будет печь, у нее уже тесто стоит.

— Хлеб у тети Зоси — во! — сказал Водек и выставил вверх большой
палец. Если его намазать смальцем и два куса с чаем съесть — никакого
обеда не надо.

До поездки в Польшу я думал, что обед — это обязательно суп, по-
том — второе, ну, например, макароны с котлетой или рыба с картош-
кой и соленым огурцом, а потом — компот или кисель, или чай. Но у

тети Зоси обед был совсем другой, и так же обедали, я скоро это узнал, и Кшишек, и Водек, и Ханя. Суп мы ели вовсе не каждый день. Второго — такого, как я привык, тоже, в общем-то, не было. А бывало вот что. Сначала тетя Зося ставила на стол большую миску с подавленной, только что сваренной и еще дымящейся картошкой. Когда каждый накладывал ее себе в глубокую тарелку, она поливала картошку простоквашей. Я зелень всякую не люблю, но мама и тетя Зося посыпали свои тарелки нарезанной петрушкой. Еще на столе стояли сваренные вкрутую яйца. Тетя Зося очень удивилась, когда я каждый раз, когда мы садились есть, спрашивал хлеба, потому что хлеб на обед выставлялся вовсе не всегда. Так, если мы ели ши, то вместо него могла подаваться миска с отварной, еще горячей картошкой. Иногда к картошке ставилась еще и миска с длинными стручками отваренной фасоли. А иногда картошку поливали не простоквашей, а растопленным на сковородке и поджаренным до шкварок мелко порезанным салом. Сначала я думал, что если запивать все это молоком, да еще холодным, стоявшим до этого в теньке на полу, то обязательно заболит живот. Но он не болел, а было очень вкусно.

10. ВОСКРЕСНЫЙ ОБЕД

Поздно вечером, когда я вернулся с гулянья, я увидел на полке возле печки прикрытые чистыми полотенцами большие круглые хлеба. Они были еще теплыми. Водек был прав. Каждый раз, когда тетя Зося отрезала от буханки, прижатой краем к груди, ломоть, мне казалось, что она режет не хлеб, а что-то другое. Такими большими были ее хлеба, а под рукой они проминались так, словно были живыми.

Утром дверь в комнату тети Зоси открылась, и я увидел отца Водека.

— Ну, показывай, какую курицу тебе ловить, — сказал он тете Зосе.

Я выбежал вслед за ними во двор.

— Поймать-то я сама поймаю, — сказала тетя Зося. — Сейчас вон с шеста сниму одну, да и все.

И тут я увидел топор. Потому что на солнце вдруг блеснуло его лезвие. Он был прислонен ручкой вверх к порогу хаты.

Тетя Зося обошла хату и зашла в узкую загородку, сколоченную из высоких досок. Оттуда вдруг понеслось кудахтанье, и вслед за этим тетя Зося вышла наружу, удерживая у груди большую белую курицу. А может, она показала мне необычно большой, потому что всячески старалась вырваться из рук тети Зоси, била крыльями и царапала лапами ей живот.

— Во, какая! — сказал отец Водека. — Давай ее сюда.

Отец Водека обхватил ее первым делом за крылья и зажал подмышкой. Он вернулся к хате, взял топор и направился вниз по двору к сараю. Возле него было усыпанное щепкой место, посреди которого косо торчала деревянная колода для рубки дров. Встав перед колодой на одно колено, отец Водека смахнул острием топора мусор с верха колоды, продвинул вперед из подмышки курицу и устроил ее шеей на колоде. Курица перестала кудахтать, а только протяжно несколько раз

прокурлыкала. Лезвие топора блеснуло на солнце и коротко стукнуло о колоду. Я ожидал снова услышать кудахтанье, но услышал быстрые хлопки крыльев.

— Стой, да куда ж ты! — воскликнул отец Водека, вскакивая и пытаясь удержать курицу. Но та вырвалась, и я увидел взлетающий вверх белый, трепещущий перьями шар, в одном месте на котором ярко блеснуло алое пятнышко. Впрочем, он тут же упал на траву и замер.

— Что же ты ей всю шею оттяпал? — подошла тетя Зося.

— Кто ж знал, что она шустрая такая? — сказал отец Водека, поднимая курицу за крыло. — Еле удержал. А тяжелая! Как индюк.

Из хаты вышла и подошла к нам мама. Только тут тетя Зося заметила меня. Она чуть нахмурилась и спросила:

— Ты как? Не испугался?

Мимо нас пронеслась еще одна курица, а за ней огненно-рыже-черный петух. Со двора Водека донеслось громкое, жадное хрюканье, и сквозь забор я увидел, как мама Водека вытряхивает из большой кастрюли остатки чего-то в Басино корыто. Открытое окно хаты блестело на солнце, и белая занавеска, вывалившись наружу, поднималась и опускалась от ветерка.

— Нет, — сказал я.

Днем тетя Зося и мама вынесли на стол, стоявший у скамеек возле забора, за которым был дом Кшишека, две большие, мелко иссеченные ножами кухонные доски. Посыпав их мукой, они стали раскатывать на них скалками куски плотного теста, вынесенного в горшке из хаты. Над скамейками шумели на ветру кроны высоких густых лип, и иногда светло-зеленые веточки — шарик с тонким длинным листиком — падали на доски. Ветер сдувал муку с досок, и скоро темные широконосые туфли тети Зоси стали почти белыми.

Мама и тетя Зося раскатывали тесто так тонко, что его делалось даже не видно на доске. Иногда — наверное, когда уставали, — они распрямлялись, держа скалку в одной руке, а другой рукой поправляли волосы, выбившиеся из-под косынки. Раскатанные пластины теста они по несколько раз сложили в длинные полосы, взяли ножи и стали мелко нарезать эти полосы поперек. Потом расставленными пальцами они разрыхлили нарезанную лапшу, так что на досках образовались желтые горки.

— Ну, теперь пускай немножко подсохнет, — сказала тетя Зося.

Когда часа через два меня позвали обедать, тетя Зося спросила:

— Тебе какой кусок курицы положить — ножку или грудку?

— Лучше — крылышко, сказал я. — И еще — шейку. Потому что их косточки, особенно из шейки, можно долго обсасывать. А грудку есть скучно.

Положив мне крылышко и изогнутую шейку в тарелку, тетя Зося навалила поверх них горку желтой вареной лапши, а потом налила, почти до краев, переливающийся жиром бульон. Лапша разошлась по всей тарелке, и когда я поддел ее ложкой, аппетитно повисла с ее краев.

— Ну и вкусная! — зачмокал я, жуя набитым ртом. — А когда, захватив ложкой, помимо лапши, еще и кусочек мяса с крылышка, я отправил все это в рот, я уже и сказать ничего не мог, только замотал

головой и посмотрел на тетю Зосю. Поняв, что мне очень вкусно, она заулыбалась и тоже села за стол.

Шейку я оставил под конец. Я всегда так делаю, потому что обсо-
санные шейные косточки, похожие на жуков, удобно выплевывать в
пустую тарелку.

Когда позже мы сели пить чай, я намазал на большой, толстый ку-
сок — тетя Зося всегда отрезала хлеб очень толсто — полупрозрачного
смальца из глиняного горшка и, хоть и был уже сытый, умял его с таким
аппетитом, что тетя Зося порозовела от удовольствия.

Вечером прибежала Ханя и позвала нас купаться на ставы.

Когда я услышал первый раз про ставы, то еще не знал, что так на-
зывают пруды. Купаться в ставах нам одним не разрешалось. Они — и
большой, и тот, что поменьше, — находились недалеко, у дальнего края
парка, но были глубокими. По краям ставов высились заросли осоки, но
на том ставе, что был побольше и подальше, часть берега ровно сходил
в воду и была покрыта невысокой нежной травкой. На этом ставе все
и купались.

Еще подходя к ставу, мы стали слышать голоса, звонкие удары ладо-
ней о мяч и сильные всплески воды. В одном месте у берега, белея над
темной стеной осоки, высились мостки для ныряния.

— Поздновато мы купаться-то собрались, — сказала мама. — Да еще
и наелись, как удавы.

И вправду — когда мы подошли к ставу, некоторые купальщики уже
сворачивали покрывала, на которых до этого валялись, или старательно
вытирались полотенцами перед тем, как одеться. Солнце уже повисло
над полями за Волей Выджиной, и зеленая стена парка, в которую оно
сейчас светило, казалась красной. Вода уже не синела, а была темной,
особенно за зарослями осоки.

Мы искупались и раз, и другой.

— А днем-то слепней больше, — сказал Водек, растянувшись на
покрывале.

И тут Ханя, звонко шлепнув по его спине ладонью, прибила одного.

— В воде не кусают! — крикнул, вскакивая, Водек и снова побежал к
ставу.

Между тем купающихся становилось все меньше. Какой-то маль-
чишка скакал и скакал на одной ноге, приложив сложенную ковшиком
ладонь к уху, стараясь вытрясти попавшую воду. «А ну, вылезай!» — кри-
чала кому-то женщина, стоя у самой воды и уже начиная сердиться.
Словно случайно задев и отбросив далеко в воду мяч, другой мальчишка
снова поплыл от берега, не слыша уже, наверно, несущееся вслед «ну,
подожди у меня!» Когда начали собираться и мы, вокруг почти никого
не было.

Я быстро натянул шорты, накинул рубашку и пошел посмотреть, что
видно в воде под мостками. Мама, Ханя и Водек тоже начали одеваться.
Кто стряхивал покрывало, кто с трудом натягивал на сырые ноги но-
ски. Я присел на край мостка и стал смотреть на осоку, на темную, став-
шую маслянистой воду. И вдруг я вспомнил, как по вечерам часто сидел
в приколотой у берега лодке на озере на нашей даче. И ни с того ни с
сего мне так захотелось домой, так захотелось снова увидеть нашу ули-

пу, заглянуть в школьный двор, что я вскочил, словно и наш дом, и наша улица, и школа могли оказаться сейчас за моей спиной.

— Лешек, Лешек, смотри! — крикнула вдруг Ханя, указывая рукой на став.

Я обернулся и увидел: от середины става один за другим бежали по воде круги. Вдруг что-то блестящее крутанулось в их середине, раз, другой и, показав сверкнувший на солнце бок, большая рыбина ударила по воде хвостом.

— Видал теперь карпа? — сказала Ханя.

До дороги мы шли все вместе. Потом Ханя свернула и побежала к своему дому в парке. Мы же спустились с насыпи и снова пошли по полю. Когда я, мама и Водек подошли к деревне, стемнело так, что даже не было видно кабачков под большими листьями, растущими возле плетня.

11. ПУСТУЛКА

Чем дальше от палаца — дома Хани, тем парк становился гуще, темней, а дорожки как-то незаметно поворачивали обратно. Только несколько тропинок отходили от них и вели дальше, в гущу парка, но скоро и они исчезали в зарослях. Чтобы, углубившись в парк, пробраться к ручью, отделявшему парк от поля, за которым виднелись крыши Воли Выджины, приходилось раздвигать руками спутанные ветки и перешагивать через полусгнившие стволы, засыпанные трухой прошлогодних листьев. Но именно тут мы часто и бродили — не торчать же нам было на лужайке перед палацем, на солнцепеке и на виду у всех.

Как-то Кшишек позвал нас посмотреть, большие ли уже орехи на высоком, как дерево, кусте орешника, росшем в одном месте на краю парка. Мы медленно шли, стучая, от нечего делать, подобранными палками о стволы или сбивая огромные листья кленов, которые почти не пропускали свет и сухо шумели над головой. Порой испуганная птица начинала часто и шумно хлопать крыльями, тоже не сразу находя просвет в листве.

Вдруг что-то быстро метнулось у меня из под ног, так что Ханя, идущая чуть в стороне от меня, даже вскрикнула. «Кошка?» — мелькнуло в голове. Но тут Водек вдруг кинулся в сторону, нырнул головой под куст и несколько секунд словно пытался выдернуть что-то из земли. Наконец, отступив назад из веток, он выпрямился и протянул к нам соединенные вместе руки.

— Ух ты! — воскликнул Кшишек. — Никак, сокол?

— Похоже, он! — ответил Водек. — А может, это ястреб?

— Нет, точно, это сокол.

Подошла Ханя.

— У него кровь! Ты его, что ли?

Действительно, от верха крыла под шеей сокола вниз по серо-коричневым перьям краснели как бы мазки. И вдруг прямо на наших глазах из-под перьев на шее выступила яркая капля.

— Раненый он, — сказал Водек. — Потому и не улетел, а по земле кинулся.

— Смотрит-то как! — воскликнула Ханя. — И головой крутит, нас разглядывая.

— Подержи, — сказал Водек, протягивая мне сокола. — Я и сам-то оцарапался, пока его из куста вытаскивал.

Круглые глаза сокола сделались еще круглей и выпуклей, когда я перенимал его из рук Водека. Он заклекал и, удерживаемый мной за верх ног с захватом и низа крыльев, попытался высвободить их, вздергивая плечи и все клекая, клекая, клекая. Судя по той силе, какую я ощутил в этих движениях, он мог бы легко вырваться у меня из рук. Но, видно, и сам понимал, что ни улететь, ни даже убежать по земле он сейчас не сможет.

Водек вывернул перед лицом руку и припал губами к царапине у локтя. Потом, еще несколько раз посовав царапину и поплевав на землю, спустил закатанный рукав рубашки.

— Теплый-то какой! — сказал я. — Как печка. И сердце как колотится!

— У тебя бы тоже колотилось, если бы какое-нибудь чудище тебя за руки и за ноги схватило, — сказала Ханя. — Дай его мне.

— Не боишься, что клонет? Давай лучше я подержу, — сказал Кшишек.

— Держи, только крепко, — сказал я, передавая сокола Кшишеку. — Впрочем, он особо и не вырывается.

— Что делать-то будем? — спросил Кшишек, всматриваясь в ранку над крылом. — Он же охотиться не может. Помрет.

Словно поняв эти слова, сокол задвигал одним крылом, захлопал им, стараясь вытянуть из пальцев Кшишека еще и лапы, но правое его крыло лишь распустилось и повисло вниз длинными перьями.

— Надо его взять с собой и где-нибудь спрятать. И подкормить хорошенько. А то он сейчас — сам добыча хорошая. Те же вороны налетят да заклюют.

— Где ж мы его спрячем? — спросила Ханя.

— Я знаю, — сказал Водек. — Давайте у нас в погребе. В нем сразу за входом есть полки, там его и посадим. У входа ему будет и не так холодно, как внутри. Там даже свет пробивается сквозь щели.

— А если кто-нибудь зайдет? — спросила Ханя.

Водек мотнул головой:

— В него редко ходят, потому что он уже почти пустой. Скоро новым урожаем заполнят.

— Пошли, — сказала Ханя. — Я сперва вынесу ему что-нибудь поесть, чтобы подкрепился, а уж потом понесем его к Водеку.

Когда мы вышли на дорожку, Ханя побежала вперед. Дойдя до палат, мы встали у окон.

Вдруг сверху раздался стук, и на втором этаже открылось окошко.

— Вы зачем это птицу поймали? Совсем уже от безделья не знаете, чем заняться? А ну, отпустите ее сейчас же! — раздалось сверху, и я увидел высунувшуюся в окно пожилую женщину.

— Так я и знал, — шепнул Кшишек, поворачиваясь спиной к дому и прикрывая сокола спиной. — Эта пани всегда обругает.

— За что?

— Ни за что. Просто так. По ее мнению, все всегда делают не то, что нужно. И уж конечно, особенно дети.

Тут как раз подбежала Ханя, держа в руке маленький сверток из газеты.

— А я говорю — отпустите птицу, — раздалось сверху.

— Для чего пани так волнуется? — сказала Ханя, подняв голову. — Мы выбрали ее, потому что она ранена. Вот поможем ей, потом и отпустим.

— Так сами, наверно, палкой и зашибли.

— Бежим, — шепнул Кшишек. — Ну ее.

— Вот отца-то увижу, скажу, — слышали мы, скрываясь в кустах за лужайкой.

Мы быстро перемахнули через ручей и так же быстро пошли по полю. Когда мы уже подходили к зарослям кабачков за задом деревни, в стороне от нас вдруг раздался голос:

— Никак, сокола поймали? Или сову? Вот пальцы-то он вам пооткусывает!

Повернув головы, мы увидели человека в резиновых сапогах и большой плоской кепке. Он отставил в сторону грабли и смотрел на нас из-под приставленной к глазам, чтобы лучше было видеть, ладони. Толкнув потом вверх козырек кепки, так что она сползла на затылок, он, словно меряя поле переставляемым концом грабель, пошел к нам. Я узнал соседа, живущего неподалеку от дома тети Зоси.

— Ну, все! — сказал Кшишек, закатив глаза и выдохнув через выпяченные вперед губы. — Мы до погребка точно не дойдем. Хорошо, если не арестуют.

— Пустулка! — изрек сосед, подойдя и всматриваясь в птицу в руках Кшишека. — Это сокол такой. Он только на всякую мелочь охотится. Э, да у него кровь. Из рогатки подбили?

— Пан Робенда, мы его в кустах нашли, честное слово, — сказал и вздохнул Кшишек. — Наверно, поклевал его кто-то.

— Ворон и поклевали, кому ж еще, — сказал пан Робенда. — Пустулки их гнезда любят занимать. Вот, видно, и досталось. Я тут одну-двух часто у парка вижу.

— Ворон?

— Да не ворон! Ворон-то — вон сколько, тучей летают. Пустулок! Да вы сами, наверно, их видели — они над полем, словно на одном месте, в воздухе трепещут, хвост и крылья растопылив. Добычу так высматривают.

— А что они едят? — спросила Ханя.

— Да хоть лягушку, хоть мышь — мелочь всякую. Им что ящерица, что кузнечик — все пойдет. Настоящий-то сокол охотится на что-нибудь покрупней. И что вы с ним делать собираетесь?

— Покормить хотим, да посадить где-нибудь, где потише, пока плечо у него не заживет.

— Бог в помощь. Только, смотрите — без глаз не останьтесь.

Пан Робенда пошел обратно, меряя поле концом граблей, а мы поспешили на наш двор.

Погреб Водека возвышался справа от палисадника, прямо напротив хаты тети Зоси. Он был невысокий, по бокам заросший травой, и мы иногда приваливались спиной на его скат и болтали, греясь на солнышке. В петлях на двери висел замок, но Водек отвел его в сторону, и блестящий кончик его дужки вышел наружу. Едва мы ступили за дверь погреба, как на нас дохнуло холодом.

Ханя развернула газетный комочек и высыпала на присыпанную песком полку, тянувшуюся по стене за дверью, мелко нарезанные кусочки колбасы.

— А он ее есть-то будет? — спросил Водек.
— Не знаю, — сказала Ханя. — Из мяса же.
— Ты слышала, что пан Робенда говорил?
— А где я ему лягушек возьму? Сами тогда ловите.
— А если отравится?
— Чем, колбасой? Она свежая. Мы ее на завтрак ели.
— Ладно вам спорить! — вмешался Кшишек. — Посидит на полке, проголодается — съест. Колбаса-то — какая?
— Краковская.
— Моя любимая! — заулыбался Кшишек.
— А я больше всего люблю кашанку. Ну, это кровяная, с гречей, — пояснил мне Водек. — Особенно, если ее надрезать и на сковородке на смальце поджарить.

— Не завтракали сегодня, что ли? Чего так смотришь, не дам, — сказала Ханя, отставляя локтем Кшишека.

Сокол переступил несколько раз по краю полки, лишь взглянув на кусочки колбасы, и, чертя перьями крыла по пыли, перебрался вглубь, почти прижавшись спиной к земляной стене.

— Бойтся, — сказал Водек. — пошли, оставим его. Привыкнет, поест.

Он двинулся наружу, приоткрыв пошире дверь, осевшую и тоже царапающую землю у входа. И тут случилось вот что. С жутким хлопанием крыльев сокол выпорхнул из своего убежища и, молотя крыльями по нашим головам и на секунду даже присев на плечо Кшишека, ринулся наружу. Кувыркаясь в воздухе, он низко-низко пролетел над двором, чем дальше, тем все больше поднимаясь, и скрылся в листе кустов, темневших над забором Кшишека.

— Вот вам и пустулка! — воскликнул Кшишек. — Как же, поймали! А я уж хотел идти на поле — лягушек ловить.

Мы подошли к забору, осмотрели ветки и траву за ним, потом перелезли через него, но сокола нигде не было.

Вечером мы собрались на скамейке в палисаднике у дома Водека. Уже темнело, и стена хаты тети Зоси становилась все белей и белей.

— А замок-то я не навесил, как следует, — сказал Водек, глянув на погреб.

Он встал, пошел к погребу и вдруг замер, отставив назад руку, как бы говоря «Не двигайтесь!».

— Тихо! — прошептал он. — Смотрите, вон он, на заборе, у куста.

Мы всмотрелись и, хоть не сразу, увидели: уцепившись когтями за верх доски в заборе, неподвижно, лишь поворачивая то туда, то сюда голову, сидел наш сокол.

- Прилетел! — прошептала Ханя.
- А может, и не улетал, — возразил Водек.
- Ну, да, не улетал! Мы же все кусты облазили, когда он из погребка выпорхнул. Не было его!
- Значит, прятаться умеет. Он же — птица.
- Может, проголодался? Колбаса-то в погребе на полке осталась?
- Нет, — сказал Кшишек, — я видел, вся на песок упала, когда он с полки рванулся.
- Может, он пить хочет? — сказала Ханя. — Червяком-то каким-нибудь или жуком, наверно, уж подкрепился.
- Может и так. Слушай, Водек, — сказал Кшишек, — принеси-ка ему воды в чем-нибудь. Ведь до ручья ему не долететь.
- Водек медленно пошел к своему дому, но вдруг с места перешел на бег. Скоро он появился снова.
- Смотрите, какую я ему классную поилку придумал! — сказал он, показывая нам неглубокую консервную банку. — Видите, как я крышку крючком изогнул? Сейчас надену недалеко от него на забор, и пусть пьет, сколько хочет.
- Налив в банку воду из раковины, Водек медленно пошел к забору, в сторону от того места, где сидел сокол. Потом небольшими шагами он начал продвигаться вдоль забора. Только когда он подошел к соколу метра на два, тот повернул голову и посмотрел на него. Водек тут же повесил банку на верх рейки и, медленно отступая, вернулся к нам.
- Сokol повертел головой, клекотнул и потом не очень уверенно, боком перебрался на соседнюю рейку, ближе к банке. Осмотревшись снова, он переступил еще на одну рейку, потом еще на одну. Оказавшись на соседней рейке с банкой, он еще раз осмотрелся, изогнул голову и почти спрятал ее в банке. Поприпадав так к воде раз пять, он выпрямился и перебрался на несколько реек назад.
- Уф, получилось! — сказала Ханя. — Ладно, мне домой пора.
- Меня тоже уже звали, — отозвался Водек. — Тогда — до утра. Завтра, если что, наловим ему и лягушек, и кузнечиков.

И мы разошлись.

Но утром нашего сокола на заборе не было. Пустая банка валялась на земле. В течение всего дня мы присматривались к забору и кустам за ним, но наш сокол так больше и не появился.

Вечером я рассказал маме про нашего сокола. «Как, ты говоришь, его пан Робенда назвал? Пустулкой? — переспросила она. — Так это, наверно, тот сокол, что у нас зовется пустельгой. Так что это пустельгу вы поймали».

«Может, и пустельгу», — сказал я, выходя из хаты.

12. ПО СТЕРНЕ

Недалеко от Воли Выджины находилась деревня Стружа. Я даже указатель один раз видел на дороге, когда мы уж очень далеко убежали с ребятами. Тетя Зося и раньше рассказывала об этой деревне. А тут как-то вечером прямо так и сказала:

— Все. Завтра пойдем, наконец, в Стружу. А то уедете, и так и не увидите деревянную церковь, которой уже 250 лет. А еще говорят, что построили ее — без единого гвоздя.

— Подумаешь, — сказал я. — У нас тоже есть такие церкви.

Тетя Зося недоверчиво посмотрела на меня, но мама сказала:

— На самом деле. У нас на Онежском озере есть такой остров — Кижы, а на нем — музей деревянной архитектуры. Там и церкви старинные, и дома крестьянские, и мельницы.

Утром тетя Зося надела светлое платье, повязала голову свежей косынкой и достала из шкафа туфли, которые при мне еще ни разу не надевала. Кожа на них блестела, как на новых, только фасон у них был какой-то странный, с такими же широкими прямыми носками, как и у тех разношенных, в которых тетя Зося ходила каждый день. Приодели и меня, и мама тоже надела розовое платье с яркими красными маками.

Когда мы прошли по тропе вдоль картофельных грядок и вышли на улицу, тетя Зося сказала:

— Как лучше пойдем? Можно по дороге, но тогда придется делать крюк и идти дальше. А можно — напрямую, по полю. Рожь только что скошили, так что идти легко будет.

— Конечно, по полю, — сказал я, и мама тоже согласилась.

Поле, действительно, было недавно скошено. Из земли ровным серым ежиком торчали остатки колосьев. Я нагнулся — каждый срезанный колосок глядел темной дырочкой.

Тетя Зося, как только мы переступили через канаву, отделявшую поле от дороги, сняла туфли, носки и, ступая своими широкими ступнями, быстро пошла босиком по стерне — ровно торчащим срезанным колоскам. Я решил последовать ее примеру и, наступая на задники, быстро разулся. Носки я тоже снял и засунул их комочками внутрь сандалий.

— Давай, понесу, — сказала мама, забирая их у меня. — А я вон там пойду.

Мама выбрала тропку, шедшую между половинками поля, на которых полоски стерни тянулись под углом друг к другу, и быстро пошла по ней.

Я с удовольствием потерял ступни о прохладную траву на скате канавы, и, чтобы быстрее догнать тетю Зосю, разбежался по траве на краю поля и прыгнул на стерню.

— Ты чего орешь? — обернулась ко мне мама, уже далеко ушедшая вперед. Тетя Зося тоже остановилась и глянула на меня.

Отставив в стороны руки, я замер, чуть подогнув колени и стараясь сохранять равновесие, чтобы не ступить еще раз. Острые, словно косо заточенные срезы ржи впились в мои ступни, всего лишь несколько мгновений назад так наслаждавшиеся прохладой мягкой травки. Сильней всего резало под сгибами пальцев — там, где кожа была нежней всего, и еще посредине между пяткой и подушечкой.

— Они же ноги режут! — закричал я. — Вы-то, тетя Зося, как так просто идете?

Мама что-то сказала тете Зосе, та — маме, и мама мне прокричала:

— Ты не прямо ногу ставь, а как бы — скользя. Приминай сначала ржи остатки.

Я попробовал продвинуть вперед одну ногу по стерне, но как только оторвал от земли другую и перенес всю тяжесть на ту ногу, которую продвинул вперед, снова чуть не заорал от боли.

— Пробуй, пробуй! — крикнула мама.

Я расставил руки, словно шел по канату или держал в них лыжные палки, и тоже, словно стоя на лыжах, продвинул вперед одну ногу, а потом другую, на отрывая их. Резь была теперь действительно, чуть поменьше. Но как только я переносил тяжесть тела на одну ногу, острые сухие трубочки впивались в кожу.

— Не могу больше! — прокричал я.

Тетя Зося смотрела на маму, а мама на тетю Зосю. Наконец, мама махнула рукой и бросила тете Зосе мои сандалии. Та подняла их, поискав в стерне выпавший при их полете один мой носок, потом подошла ко мне и бросила их к моим ногам.

Я первым делом засунул в карман носки. Мысль стоять на одной ноге, пытаясь натянуть на влажную ногу скомканный носок, показалась мне ужасной. Я спешно засунул ступню в сандалию, потом перевернул босой ступней валявшуюся на стерне другую и тоже вдел в нее ногу. Уф, как стало хорошо!

— Тетя Зося говорит, что ты — неженка, — сказала мне мама, когда мы остановились передохнуть.

— Тетя Зося, а покажите вашу ногу, — попросил я.

Тетя Зося, упершись рукой в мамино плечо, согнула одну ногу в колене, прижав ее к колену другой, и вывернула ступню. Ступня у тети Зоси была совсем плоская, широкая, и еще она блестела, как бок алюминиевой кастрюльки.

— А покажи свою, — сказала тетя Зося.

Я встал по другую сторону мамы, приняв такую же позу, как и тетя Зося, и тоже вывернул вынутую из сандалии ступню.

Тетя Зося что-то шепнула маме.

— Тетя Зося говорит, что твоя ступня по цвету похожа на пяточек у поросенка, — рассмеялась мама.

— Так я же в городе живу!

— В городе, в городе, — сказала тетя Зося. — Только с такими ногами ты и в городе вряд ли сможешь босиком по асфальту ходить.

Наконец, впереди мы увидели дорогу, обсаженную деревьями, а за ней дома. Это и была Стружа.

Церковь оказалась закрыта. Я думал, что она будет такая же, как те церкви в Кижках, фотографии которых я видел в журнале «Огонек». Но она была вовсе не серебристая, а темно-коричневая, и больше напоминала башню. И вокруг нее зеленело не поле, а густые, высокие липы.

Тетя Зося куда-то сходила и вернулась с человеком, который открыл для нас церковь.

В церкви было темно, свет пробивался через разноцветные стекла в окошке, выложенные в форме креста. И еще было очень душно. Только вода в небольшой чаше у входа, в которую тетя Зося обмакнула, входя,

пальцы перед тем, как перекреститься, была прохладной. Я даже подольше, пока никто не видел, подержал в ней пальцы.

Человек, открывший для нас церковь, что-то тихо-тихо рассказывал маме и тете Зоси. Мама иногда взглядывала на меня, и когда я вдруг зевнул, так сильно, что даже затряс головой и зажмурился, укоризненно на меня посмотрела. Чувствуя, что я вот-вот зевну снова, я потихоньку отошел к двери и вышел на улицу.

Побродив вокруг церкви, я присел на скамейку возле решетчатой ограды одного дома, чтобы вытряхнуть из сандалии уже порядком надоевший мне камешек. Спиной я облокотился на железную сетку ограды. За сеткой виднелись невысокие, но обсыпанные ягодами кусты малины, цветы, а дальше — дом из белого кирпича. Развернувшись, чтобы посмотреть в другую сторону, я увидел, что совсем недалеко от меня, за сеткой, рядом с грядками с цветами сидит на скамеечке девочка. Наверно, ей было лет восемь. Она была в ярко-синем, с белыми и розовыми цветами платье, больше похожем на длинную юбку с двумя лямками. Может, поэтому ее тонкие голые руки казались длинными-длинными. Вдруг она нагнулась, взяла что-то с земли, положила на ладонь и вытянула руку вперед — так, чтобы видел и я. На ладони у нее сидел и крутил головой маленький серенький индюшонок. Потом девочка подняла руку ладонью кверху, к голове, и индюшонок перебрался к ней на голову. Он переступил раз-другой на гладко расчесанных волосах девочки, а потом уселся посреди ее головы. Почувствовав, что он сел, девочка засмеялась, глядя на меня. Я тоже рассмеялся.

Девочка осторожно сняла с головы индюшонка и потом также осторожно стряхнула его с ладони на землю. Тут я увидел, что у ног девочки бегают по песку еще штук шесть индюшат. Она подставила руку, еще один индюшонок вскочил ей на ладонь, и она так же, как и предыдущего, посадила его себе на голову. Самое интересное, что индюшонок, так же, как и предыдущий, тут же уселся у нее посреди головы. Теперь засмеялся первый я, а потом и девочка.

Тут я увидел маму и тетю Зосю. Они вышли из церкви и осматривались по сторонам, ища меня.

— Ну, как пойдем обратно — по полю или по дороге? — спросила тетя Зося, когда я подошел к ним.

— По дороге, — ответил я и, чтобы мама и тетя Зося не решили иначе, быстро зашагал, не дожидаясь их, первый.

Пройдя немного, я оглянулся.

У сетчатого забора, обхватив пальцами проволоку сетки, стояла и смотрела нам вслед девочка в ярко-синем платье. И даже отсюда я увидел, что на голове у нее сидел и крутил головой маленький индюшонок.

13. ЯДВИГА

Ходить босиком по стерне могла не одна тетя Зося.

— Как хорошо, что вы приехали так надолго, — сказала маме тетя Зося. — Вот уехали бы уже, и не повидались бы со Стефаном. И так он вас здесь застанет уже в последние дни.

Стефан был еще одним родственником, о котором мама и отец часто говорили, когда мы собирались в Польшу. Он был военным, а жил недалеко от Воли Выджины в селе, которое называлось Сульмежицы. Он вот-вот должен был получить отпуск и приехать домой. Иногда вечером мама подходила к изгороди на краю двора и смотрела в поле — не идет ли со стороны Сульмежиц дядя Стефан.

Как-то мы с Кшишеком и Водеком сделали луки-самострелы. Для этого в парке мы срезали тонкие прямые стволы еще маленьких рябин, стесали с них ветки и сделали по краям нарезки для привязывания тетивы. Стреляли мы и на поле, соревнуясь, чья стрела улетит дальше, и в парке, целясь в какое-нибудь дерево. А в этот день, выйдя утром во двор, я взял и пустил стрелу прямо от двери хаты, просто так, ни во что не целясь. Мне даже вспомнилась сказка об Иване-царевиче, вот так же стрельнувшем неизвестно куда из лука и попавшем стрелой во владения царевны-лягушки. Стрела плавно взвилась вверх, а достигнув самой высокой точки своего полета, медленно полетела вниз и воткнулась в соломенную крышу сарая на краю двора. Я побежал к изгороди и, держась за деревянный столб, встал сначала на нижнюю ее жердь, а потом и на верхнюю, чтобы попытаться выдернуть стрелу. И тут я увидел, что по полю прямо на меня идет какой-то человек.

Если бы человек этот был в военной форме, я сразу бы понял, что это дядя Стефан. Но человек был в пиджаке, брюки его были закатаны почти до колен, и в траве мелькали босые ноги. Одну руку он держал в кармане, а второй удерживал палку, которая лежала у него на плече, и с которой свисали за спиной и болтались туда-сюда связанные между собой ярко красные ботинки. Подойдя ко мне, человек внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Что-то я не помню здесь такого хлопца. Ты, случайно, не Леша? А мое имя — Стефан.

Когда потом мы сидели и пили все вместе чай, дядя Стефан рассказывал и о своей службе в армии. Он даже показал фотографию, на которой он стоял на одном колене около небольшой пушки. Кроме самой пушки мне на этой фотографии понравилось еще кое-что.

— Вот это сапоги! — сказал я, тыкая пальцем в фотографию. — Высокие, и доверху на шнурках, да еще вместо дырок вверху — крючки. Наверно, в таких удобнее, чем в сапогах — просто с голенищем.

— Может, и удобнее, да шнуровать приходится, — ответил Стефан.

— А почему, дядя Стефан, вы не в форме?

— А ты к тете Зосе на каникулы, что, в школьной форме приехал? Я и туфли-то с удовольствием по дороге снял, чтобы босиком пройтись. К тому же они мне малы стали, надо новые покупать. Жаль, я их почти и не носил, — и дядя Стефан взглянул на брошенные им у двери полуботинки.

На самом деле полуботинки эти были не красные, как мне показалось сначала, а темно-вишневые. Кожа на них была гладкая-гладкая, без единой морщинки, и ярко блестела.

— Хочешь, подарю их тебе? — спросил Стефан.

— Да они ж ему велики! — воскликнула мама.

— Ничего, подрастет так быстро, что и не заметите, — сказал Стефан. — Да у меня и нога-то не очень большая. Через пару лет уже оденет. Бери-бери. Потом все завидовать будут.

Дядя Стефан остался еще и на обед, а я попросился отпустить меня гулять.

Ни Кшишека, ни Водека дома я не застал. Наверно, они узнали, что к нам пришел дядя Стефан, и умотали куда-нибудь без меня. И я пошел один через поле, в парк.

Ходить по полю одному мне почти не случалось. Всегда я шел или бежал по нему или с Водеком, или с Кшишеком, или со всеми вместе. А в этот раз я почему-то почувствовал, что даже рад, что иду один. И вдруг я увидел, какое оно огромное — это поле, каким небольшим кажется издали парк за ним, как далеко уходят столбы с проводами, делаясь постепенно все меньше и меньше и, наконец, исчезая совсем. И если бы мне тоже понадобилось идти туда, откуда пришел утром дядя Стефан, я тоже бы, наверно, снял ботинки и повесил их за спиной на палке.

Никто мне не встретился ни в аллеях, когда я подходил к дому Хани, ни перед домом. Было так тихо, что даже было слышно, как гудят пчелы и шмели в цветнике перед ее широким крыльцом. Я обошел дом, заглядывая в окна. Но нигде Хани я не увидел. Может, конечно, она убежала куда-нибудь с Кшишеком и Водеком. Но я знал еще одно место, где, может быть, ее можно было найти.

Однажды, бродя все вместе в дальнем конце парка, где даже не было дорожек, мы решили построить шалаш. Мы уже начали втыкать в землю наклоненные друг к другу жерди возле ствола большого клена, как вдруг увидели, что его толстые ветки почти горизонтально расходятся метрах в трех над землей. Мы отыскали несколько досок, уложили их поперек этих веток, настелили сена, а сверху устроили навес, переплетая жерди и отломанные ветки. Получился классный «воздушный» шалаш, совершенно не заметный, когда проходишь мимо.

Ханя и на самом деле сидела в нашем шалаше с книгой в руках. Я залез по стволу и сел рядом.

— Еще не прочитала? — спросил я, заметив, что это та самая книга, с которой я в первый раз увидел Ханю.

— Она же толстая, — ответила Ханя. — А потом, когда было читать-то? Пол-лета целыми днями все бегаем, бегаем.

— Про крестоносцев?

— Про крестоносцев. И про любовь.

— А-а... Знаешь, мы послезавтра уезжаем, — сказал я.

— Хорошо, что ты пришел, — сказала Ханя. — Я тоже уезжаю. С родителями. Дядя Вацек позвал нас погостить у него во Вроцлаве.

— Когда?

— Завтра... Чего молчишь?

А молчал я потому, что впервые в этот момент понял, что наша поездка в Польшу заканчивается.

— Неужели уже прошло полтора месяца? — сказал я.

— Да, прошло... Жаль.

— И мне жаль, — сказал я. — Даже не верится.

И мне на самом деле не верилось, что пройдет всего несколько дней, и, выйдя из дома, я уже не увижу ни Кшишека, ни Водека. И Ханю.

Ханя закрыла книжку. Страницы она заложила небольшим фиолетовым цветком.

— Это ядвига, — сказала Ханя, тронув пальцем тонкие, игольчатые лепестки. — Есть такая легенда. Одна принцесса пошла бродить в полях, и больше ее никто никогда не видел. Только нашли в траве ее платок. Он был вот такого цвета, — и Ханя снова тронула пальцем лепестки. И с тех пор на том месте, где нашли платок, стали расти вот эти цветы. Их так и называли, как звали принцессу.

— Рано уезжаешь? — спросил я.

— Рано. Вы еще будете спать.

— Значит, мы больше не увидимся?

Ханя пожала плечами.

— К нам дядя Стефан приехал, — сказал я. — Он мне ботинки подарил, красивые.

— Знаю. Мы его видели, когда он шел через поле. Пойдем, я тебя провожу.

Мы спустились с дерева, потом подошли к ручью. К тому месту, где через него были перекинуты жердочки. Я пошел уже по ним и тут понял, что Ханя, наверно, дальше не пойдет. Я обернулся. Я стоял на одном краю жердочек, а Ханя — на другом. Под ногами у нас бежала и журчала вода.

— Я приеду, — сказал я вдруг. «Приеду, и тогда приду к тебе в этих красивых темно-вишневых ботинках», — подумал, но не сказал я.

Ханя протянула мне руку. Я пожал ее пальцы, но она не опускала руки, а продолжала ее держать на весу. И я вспомнил, что в Польше так принято — поцеловать руку. И я нагнул голову и ткнулся губами в руку Хани, попав куда-то чуть выше пальцев. Кожа на руке Хани была прохладной и пахла воздухом. Мы так и стояли — по разные стороны жердочек и с протянутыми над ними руками. Я почему-то все не поднимал голову и видел, как под жердочками искрилась, поблескивала вода, пробегая между полошащихся в ней веточек и травинок.

Когда я обернулся потом, Хани уже не было.

Мы тоже уезжали рано-рано — мама вечером поставила будильник на четыре утра. Почти всю ночь шел дождь, и когда мы подошли к месту на шоссе недалеко от Стружи, где останавливался автобус, туман между стволов деревьев был, как молоко. Потом мы долго сидели на вокзале в ожидании поезда, и в окно я видел ту скамейку, на которой сидел в темноте рядом с чемоданом, когда мы только еще приехали, и мама ушла искать машину, которая отвезла бы нас в Волю Выджину. Было так сыро, что уборщица, которая возила туда-сюда по полу тряпку, казалось, не моет пол, а собирает с него влагу, которая покрывала все вокруг — стекла, подоконники, пол, скамейки.

Рядом со мной на скамейке стояла сумка, на которую я опирался локтем, и в боковом кармане которой лежали подарки. Пластмассовый крестносец на лошади, подаренный Ханей. Его можно было снять

с седла, но на ногах он не стоял, а мог только сидеть, и то, чуть что, падал набок, словно умирал после ранения. Форменный нож польского харцера, ну, это, как у нас — пионера, в кожаном чехле с петлей для ношения на ремне от Водека. И еще — сделанная Кшишеком из куска подковы открывашка для бутылок.

Увидев, что мы промокли, уборщица позвала нас в свою в каморку и дала нам горячего чаю. Мне очень хотелось спать, и я сидел за столом, положив на него руки, а на них голову. Когда нам налили чай, мама достала из сумки сделанный из газеты сверток и развернула его. И я увидел круглые-круглые, золотисто обжаренные, обсыпанные сахарной пудрой вкусные-вкусные пончики тети Зоси.

ЮРИЙ ИВАНОВ

Ленинградская область,
г. Сосновый Бор

У всероссийского ларька

На рынке каменных сердец,
Где деньги обретают право,
Скупив все земли, наконец,
Чиновник – взяточник, стервец,
Плюёт налево и направо.

Солдат с ружьём – герой кино.
Преступник – вор – наш современник.
Как по закону домино,
На рынке всё упразднено,
Что раньше было выше денег.

Мораль пустили под каток
Всеобщего телевеселья.
Не удержать мозгов отток.
Осталось совести с глоток
Да правды грамм для опохмеля.

И этих пустят с молотка.
Дорога вниз ныряет круче.
У всероссийского ларька
Споили Ваньку - дурака,
Пропили весь "Союз могучий".

Устав от рыночных плетей,
Когда ж страна расставит знаки,
Что деньги не всего сильнее?..
...Чем больше познаю людей,
Тем слог мрачнее на бумаге.

Живая тишина

Живая тишина – пастушка алой зорьки.
Нальётся светом неба глубина.
Рождается в ней плод
Привычный, сладко-горький,
И словно растворяется луна.

Живая тишина – в ней звуков нет неверных.
В ней лежище покосов и сгустки
звёздных сфер,
И слёзы родников, и жесты дам манерных,
И провиденьем Божиим – туманный Селигер.

Дух творчества

Дух творчества неистребим,
Пока не кончится горенье
В рассвете дня, в костре рябин.
Чтоб это передать другим,
Свои я ставлю ударенья.

Грядущее зовёт – вперёд!
Плечом к плечу – шагаем вместе.
Для молодых пришел черед
Будить сознательный народ
По зову совести и чести.

Горжусь я братством боевым.
И это – больше, чем награда.
И потому шагаю с ним
По петербургским мостовым
В лучах бывшего Ленинграда.

На российской мельнице

На российской мельнице
Ветры дуют – жуть!
Мелется и мелется
Дорогая муть.

Не найти пристанища
Правде никогда.
Бывшие товарищи
Стали господа.

Дмитрии с Иванами
Пишутся в князья.
Выпивать стаканами
Им уже нельзя.

Что трусы с заплатами –
Это ерунда!
С долларами мятыми –
Бабы и еда.

Выйти бы с дружиною
На кулачный бой.
Пусть глядит вражиною
На меня плеябой...

Силою померимся –
Кто есть друг, кто враг?
Нищетою поделимся,
Господин батрак.

Благодарю...

Благодарю меня простивших
И не простивших не корю.
Всех женщин тех, меня любивших,
Я до сих пор боготворю.

Пусть осуждают однолюбы –
Я далеко не ловелас.
В свой час доверчивые губы
Я целовал не напоказ.

Вначале круг очарованья
Был недоступен для меня
И не понятно трепетанье
В душе возникшего огня.

Я жил, как песня без припева,
Не повторяясь никогда,
Не зная сладкого посева
И силы женского стыда.

Но я – не зверь с повадкой стайной,
В чьих чувствах мало глубины.
Я причастился к мукам – тайной
Мужской, нечаянной вины.

Спасибо женщинам, любившим
И ненавидящим меня,
И бескорыстно наградившим
Пыланьем встречного огня.

Качели жизни

Жизни шаткие качели:
Вверх – орлом и камнем – вниз.
Руки, ноги онемели
И язык во рту повис.

По бокам мелькают лица.
Кто они – враги, друзья?
И нельзя остановиться,
И зажмуриться нельзя.

Мы – дети песенной страны

Мы – дети песенной страны –
Среди житейского кошмара
Не любим долгой тишины.
Мы равнодушья лишены,
Пока в руках звенит гитара.

По струнам пальцами скользя,
Всё видим, словно бы впервые.
Зовёт певучая стезя –
Жить без романтики нельзя!
И в пятьдесят мы – молодые!

С живым аккордом – веселей.
С ним легкокрылей станет слово:
То дунет пухом тополей,
То грянет снегом январей,
То души нам поднимет снова.

И мы поём, беде назло,
Без хитроумных переходов
Про город или про село,
Про то, что время не прошло:
Ни Гамлетов, ни Донкихотов.

Забыли про Русь

Когда б вы спросили,
О чем моя грусть,
Сказал бы: "В России
Забыли про Русь.

На запад глаза,
Ударились лбом
Не в двери музея,
А в бар за углом.

А надо бы помнить
О связи времён:
Про Рось и про Полоть,
Где дед погребён.

Для всех, кто не вместе,
Почту я за честь
Хорошие вести
Повсюду пронести".

Родная речь

Родная речь. О, благодать!
Я с молоком впитал те звуки,
Что в детстве напевала мать,
Чьи до сих пор мне снятся руки.
Родной язык. Святая речь!
Мой дух приводит в изумленье,
Что я могу снега зажечь,
Льды растопить в стихотворенье,
Слова возвысить до небес,
Вложить в уста орлу иль лани,
Раскрасить в пурпур чёрный лес
Иль насладиться паром в бане.
Мне дальше жить и сильным быть.
Одно лишь неподвластно дело –
Мне словом мать не воскресить
Вовек из божьего предела...

Бабкин оберег

Бабка сшила оберег.
Нашептала: "Спрячь!
И носи его вовек,
Коли ты горяч.

Остудит тебя в пылу,
Отведёт беду.
Но об этом – никому!
Слышь... имей ввиду".

Спрятал бабкин амулет
Прямо в образок.
Но о нём за сорок лет
Вспомнил лишь разок.

На судьбу свою дивлюсь –
До сих пор живу...
Удивлять способна Русь
Сказкой наяву.

Белый конь

Белый конь благих желаний,
Медленно спеша,
Обойди страну стенаний,
Где болит душа.

Пронесись сквозь непогоду,
Через чёрный век,
Где не видел счастья сроду
Русский человек.

Проскачи поля наветов –
С ясной головой,
Мимо гибельных запретов –
Рысью боевой.

Перед самой страшной бездной
Всё же удержишься,
Чтоб не стала бесполезной
Эта наша жизнь.

Учусь...

Внимая закону земному,
В молитве склоняю чело.
Учусь понимать по-другому
Всё то, что без веры прошло.

Нас много, собравшихся вместе.
Я тоже на время притих...
И – все отступают болезни,
И – сам сочиняю стих.

Бездорожье

Выйду в ухажь в день погожий,
У прогона осмотрюсь:
Тишина стоит – аж гложет
Сердце въедчивая грусть.

Три берёзки на гектаре
Скучно смотрят в пустоту.
Ни коров, ни прочей твари
Здесь не сыщешь за версту.

Запустенье. Бездорожье.
Средь унылых деревень
Люди ходят осторожно,
Словно им проснуться лень.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

В том краю, до нас воспетом,
В той округе не чужой
Не разбудишь даже летом
Души, взятые паршой.

Где-то, что-то не совпало,
Как-то выпало звено,
Что крестьянский дух питало –
Кем потеряно оно?

Деревенские сказанья
Сохранить старалась мать.
Без коровьего мычанья
Мне деревни не признать.

Призадумаясь... Но всё же
От корней не отрекись,
Потому, что так похожа
На деревню, в целом, Русь.

НИЯРА САМКОВА

г. Москва

Ода поэзии

Я вся в тебе, ты дом мой, мой ковчег.
Здесь, только здесь мне дышится легко,
Ты исповедь моя, мой оберег,
Река, которая не знает берегов.
Как долго я бродила в темноте,
Мир познавая, душу берегла.
Тонула в беспроглядной суете,
Но ты была со мною, ты звала.
И по ночам, в безмолвии, в тиши,
Я раскрывалась, как ночной цветок,
Тогда ты говорила мне: «Пиши!»
И звонкой лирой зарождался слог.
О! Как я долго прятала, стыдясь,
Непонимания, насмешек и обид,
Мне вдруг казалось, я теряла связь,
И ту тропинку, что к тебе лежит.
В себя я уходила, лишь во сне,
Шептала, нет, я пела о грозе,
О солнце, о луне, что снились мне,
И о хрустальной утренней росе.
Я припадала к родникам твоим,
Чарующим деревьям и цветам.
Нам было хорошо, всегда двоим,
Я падала, молясь, к твоим ногам,
Но поднимала ты меня, и вновь
Я пела о вселенной и мечтах,
Я пела про разлуку и любовь,
Я умирала на твоих руках.

Но ты – живой родник, живой глоток,
Поила из ладоней, как дитя,
С тобою рядом бился родничок,
«Он твой! Живи!» – шептала ты шутя.
И я вставала с каменных колен,
Пила рассвет и плакала дождём,
Ломалась от коварства и измен,
Но был родник, я оживала в нём.
Я вся в тебе и лишь тобой живу,
Горюю, плачу, радуюсь судьбе.
Во сне с тобой, с тобою наяву,
И благодарно кланяюсь тебе.
Поэзия, ты дом мой, мой ковчег,
Ты исповедь, молитва и судьба.
Ты мой судья, палач, мой оберег,
Прекрасна, вечна и всегда жива!

Лебедь и орёл

Полюбила лебедь гордого орла
За красивые очи и размах крыла.
Голову стыдливо к речке наклонила
И влюблённым взглядом взгляд его ловила.
Но ответить тем же ей орёл не хочет,
Над своей орлицей ласково клокочет.
Лебедь загрустила, взгляд его ловила,
А орлица в небо деток уводила.
Над рекою гордо царь-орёл летает,
От любви несчастной лебедь погибает.

Ничего не сделать, ты хоть и царь-птица,
Ты ведь только лебедь, а она – орлица!

У памятника скорбящей матери

Великой скорбью переполнен взгляд,
В тиши плакучих ив, в тиши берёз,
Над сыновьями, что в земле лежат,
Застывший в камне памятник из слёз.

И скорбен этой вечности покой.
Ветра ведут печальный счет годам.
Ты, проходящий мимо, здесь постой,
Прислушайся, что шепчет мать ветрам.

Всё помнит, собрала ему с утра
Нехитрый, материнский узелок.
Икону Божьей Матери дала.
«Пусть сохранит она тебя, сынок!»

Перекрестив его нелёгкий путь,
Не плакала, на сердце боль храня.
Шептала: «Бей фашиста, не забудь,
Что дома ждут с победою тебя».

И вот война к деревне подошла.
Горело всё: поля, леса, дома.
Средь раненых бойцов его нашла.
Глазам своим не верила сама.

Вот обнялись, но плакать не могли.
Сын вздрогнул и тихо простонал:
«Вот, мама, до тебя мы и дошли.
Я этой встречи очень долго ждал».

Тут он обмяк и снова стал шептать:
«Прости меня и в поле схорони.
Я на родной земле хочу лежать.
Иконку эту, мама, сохрани».

Затих, остался на руках лежать,
Застыло небо в голубых глазах.
Над сыном скорбно наклонилась мать,
Окаменела с сыном на руках.

Великой скорбью переполнен взгляд,
В тиши плакучих ив, в тиши берёз.
Над сыновьями, что в земле лежат,
Застывший в камне памятник из слёз.

Утро

Какая тишина, и девственен покой,
Как воздух чист, заря, уже светает,
Туман ложится сизой пеленой,
И месяц, засыпая, в небе тает.

Святая тишь и для души простор,
Пройдусь по травам утренним холодным.
Прекрасный мир красой ласкает взор,
И исцеляет чудом миротворным.

Седой туман над золотом полей
Окрасится пурпурным златом утра,
Озёра засверкают от лучей,
Искрятся голубизною перламутра.

Хрустальная, чуть с инеем, роса,
Блестит на травах, солнышко встречая,
И золотом покрытые леса
Глядят в озёра, чудо отражая.

Поэт

Поэт – он жрец, войдя в свой храм священный,
Снимает обувь и псалмы поёт.
Он раб своей души, пророк вселенной.
И всё, что будет, знает наперёд.
Он тих, как эта ночь в сиянии небес,
Он шёпот трав и плеск волны лазурный,
Он ангел во плоти и беспокойный бес,
Он светлый, ясный день и в море шторм
безумный.

И многое дано его перу и слогу.
Взамен кладёт он душу на алтарь.
По иглам и огню поэт приходит к Богу.
Пройдя свою нелегкую спираль.

«Мама» на стекле

Я помню детский дом, и как во сне,
Окно с недавно выкрашенной рамой,
На подоконнике мальчишка, на стекле
Старательно выводит слово «МАМА».
Совсем дитя, но взрослый грустный взгляд,
Слезинка по щеке течет упрямо,
Один сидит, а не в кругу ребят,
И пальцем на стекле выводит «МАМА»

И боль, как пуля, сердце мне прожгла,
Зачем весна, что так цветёт упрямо.
Ты не весну у сына отняла,
На детство жизнь укоротила, мама.
Ты зачеркнула ласковый рассвет,
И сон под колыбельную украла.
Ты сына бросила на семь греховных бед,
Ты написала слово без начала.
Я помню этот детско-взрослый взгляд,
Окно с недавно выкрашенной рамой.
А в старости ты бросишь взгляд назад,
И там никто тебе не скажет: «МАМА!»

Прощание с летом

Ах, лето знойное, лучи твои горячие
Огнём прожгут уставшие сердца.
И осень обнажённая, незрячая,
Рыдать о лете будет без конца.
Декабрь зовёт пред небом причаститься,
Очиститься от суеты земной.
Чтоб в белые одежды облачиться
Перед крещением, блистая чистотой.
Но осень плачет о прошедшем лете,
И облака, нахохлившись, висят.
И в этом мрачном сине-сером цвете,
Нам письма-листья на ладонь летят.

У картины художника

Какая грусть! О! Чудное мгновение!
Один мазок, и вот на полотне
Твой нежный образ, светлое видение,
И грусть в глазах. О! Как близка ты мне.
Хвала художнику! Хвала его творенью!
Волшебной кистью остановлен век,
Дарящий всем поэтам вдохновение,
Твой грустный взгляд полуоткрытых век.

Ненаписанное письмо

Какая царственная тишь!
Перекликаются цикады,
И сонно шепчется камыш,
Тончайшая вуаль прохлады.
Божественна, прекрасна ночь!
Царица грёз, любви, признаний.
Уставший день уходит прочь,
Оставив тень воспоминаний.

Ты молча у окна стоишь,
Воспоминания, как реки,
Текут, текут, и ты не спишь,
Хоть тяжелеют твои веки.
Луна струит печальный свет
На чистый лист бумаги белой,
Ты хочешь написать ответ
Любви нечаянной, несмелой.
С чего начать, не знаешь ты,
Как объяснить? Как оправдаться?
Чтоб не гасить тот луч мечты,
Что в сердце начал разгораться.
О, сердце, одинокий свет!
Как страшен первый шаг признания!
Ты хочешь написать ответ,
Туда, в свои воспоминанья.
Туда, где царственная тишь,
Перекликаются цикады.
Но молчаливо ты стоишь,
Под сенью царственной прохлады.

Всё вернётся

Вот и осень, милый, листья пожелтели,
и пожухли травы под моим окном.
Скоро в гости с песней к нам придут метели,
и зима, красавица, постучится в дом.
Листья, словно письма, под ноги ложатся,
не успели письма мы с тобой прочесть.
Но не стоит, милый, сильно огорчаться,
к нам опять вернётся благостная весть,
Что уснёт природа, только ненадолго,
пробуждаясь, снова расцветут сады.
Мы грустить не будем, встретим у порога,
осень, словно гостью, дивной красоты.
Осень, как начало песни колыбельной,
что когда-то тихо напевала мать,
Наклоняясь нежно над твоей постелью,
чтобы ты, уставший, мог спокойно спать.
Также и природа отдохнуть решила,
сбросила устало золотой наряд.
В ожидании чуда тихо загрустила,
не печалься, милый, веселее взгляд.
Эта грусть прекрасна, словно откровение,
время причаститься перед рождеством,
Дух свой успокоить и принять крещение,
чтоб весной – невестой возвратиться в дом.
И в любви бывает грусть с надеждой в чудо,
о котором стоит только помечтать,
Вдруг снега растают, уплывут остуды,
и любовь вернётся солнышком опять.

*О! Как мне хочется
солгать*

О! Как мне хочется солгать,
И крикнуть миру очень хочется,
Что жизнь моя, как благодать,
И мне плевать на одиночество.

Но грусть глазами выдаёт
Судьбы-завистницы пророчество.
И только вечер настаёт,
В мой дом крадётся одиночество.

Вползает тихо, как туман,
И сердце болью кровоточит,
А счастье, как самообман,
Вновь растворится в одиночестве.

Звезда печали

На небе, высоко, горит звезда печали,
Когда-то и на ней заря любви пылала,
Когда-то и на ней влюблённые встречались,
Но одного из них, наверное, не стало.
И замерла звезда, холодное сияние,
Едва-едва касается лучами до земли.
Как-будто бы зовёт кого-то на свидание,
Чтоб загореться вновь сиянием любви.

Единственный

И вновь над пропастью, над бездною,
Иду по лунному лучу.
По тонкой нити, как по лезвию,
Смеюсь сквозь слёзы и шучу.
Ни кем, увы, не достигаема,
Необъяснима боль моя.
И облакам, летящим стаями,
Не до меня, не до меня.
Иду одна, никем не понята,
Чужая среди всех чужих.
И чаша горечи уж допита,
Всех слов обидных и пустых.
Одна, песчинкою пустынною
Перемещаюсь на ветру.
И словно песенка забытая,
Я на устах чужих замру.

Как тень, в толпе пройду невидимой,
В чужие загляну глаза.
Ну чем же вас я так обидела?
И дождь прольётся, как слеза.
И разбушует в неистовстве,
Грозою небо разорвёт
Душа, о милом, о единственном,
Который больше не придёт.
Не назовёт меня любимой,
И не прижмёт к груди своей.
И эту боль неодолимую,
Несу, как крест, в судьбе моей.

Жизнь, как минное поле

Жизнь, как минное поле.
Всё случайно, нелепо.
Божья воля, как доля,
За собой ведёт слепо.
Балансируют руки,
Тонкой нитью дорога
Тетивой от натуги
Растянулась далёко.
И по минному полю
Я иду осторожно.
Ах, судьба, моя доля,
Будь добрей, если можно.
И смеюсь я, и плачу,
Всё несу свою долю.
Всё пытаю удачу
Я по минному полю.

Утро в селе

Какая тишина!
Предутренний покой
Плывёт по небу негой золотой.
Кругом всё спит,
Лишь капелька росы упала,
От такой красоты
Душа, разнежившись,
Тихонько прошептала:
Как чуден мир,
Покинув мир ночной,
Явился в золоте,
Божественный покой...
И я на колени встала,
Устало. А ты стал – ниже.

СТАРИКАН ВЛАДИСЛАВ

г. Санкт-Петербург

Больничное

Покрыты мхом и пылью кирпичи.
Больничный сад. Больничный голубь пёстрый.
Больничные деревья, как врачи.
Больничные берёзы, как медсёстры.

На сцене жизни скучный водевиль.
Больничная палата номер восемь.
И плакальщица речка Оккервиль
встречает полноводьем нынче осень.

По капельницам водосточных труб
с утра течёт целебная микстура.
У неба тридцать семь температура
И слабый пульс, и жар. А ветер груб.

И я пылаю, как огонь в печи.
Я весь насквозь респираторно-острый.
Меня спасут больничные врачи,
и белые берёзоньки-медсёстры.

* * *

В опавшем саду – ни души.
Оплакивать осень не буду.
Звенят водяные гроши –
дождевики. Дождевики повсюду.

Скрипят как дверные замки
тяжёлые чёрные ветки.
Вдруг разом взорвались звонки
на чокнутой лестничной клетке.

Вдруг разом завывли гудки
безвинно забытых заводов.
А ветер хватал за грудки
промокших насквозь пешеходов.

Дрожит на верёвке бельё.
Трепещет на кухне посуда.
Сжимается сердце моё.
Тревога такая откуда?

Мне нервов не надо взаймы.
Я крепкий в воде и на суше.
Как жаль, что с приходом зимы
дождевики всё глуше и глуше.

* * *

Всю ночь колёса снегопада
вращала полная луна.
К утру – по грудь в снегу ограда,
и улицы не видно дна.

Толпа и тополь. Возле сквера
трамваем взрезан птичий гам.
И хмуро из-за туч и серо –
присело солнце к берегам.

Я шёл по городу, как башня,
на ощупь, где не ступишь – грязь,
сквозь волны чёрные – как пашня –
скрипучих крыш. Не наклонясь

над облаком стеклянных окон.
И тень моя то тут, то там,
укутывая город в кокон,
за мной шагала по пятам.

Девочка на шаре

Прогулки по этой земле
не вызывают ровным счётом ничего,
даже простого чувства голода.
Деревенька, или какое село,

сильнее самого большого города.
Сказать спасибо и хлопнуть дверью –
никогда не приходит на ум –
расписаться в собственной слабости.
Всегда на авось – в этот раз наобум
поселиться где-нибудь под Тверью.
На радости,

наломать дров.
Проколоть глаза темноте
жёлтыми иглами фар.
Времена не бывают «не те».
Жаркий полдень. Девочка. Шар.

Домик с мезонином

Молча в путь-дорогу соберусь.
В небеса упали птицы клином.
Осень. И к полям примёрзла Русь.
Покидаю домик с мезонином.

Первый лёд хрустит под каблуком.
Первый снег ложится на дорогу.
Слёзы на глазах, и в горле ком.
– Дверь не запер? – Нет... И слава Богу!
Пусть усталый путник в дом войдёт.
Тлеют, тлеют свечи над камином.
Дням пути уже потерян счёт.
До свиданья, домик с мезонином.

* * *

Луна листву разбудит
в далекой сонной мгле.
А нас уже не будет
с тобою на земле.

За дверью встанет хохот.
С порога ночь слышна.
Трамвая ржавый грохот,
но скоро тишина.

В разгаре дня впервые
меня не встретишь ты.
Пустые мостовые.
Поджарые мосты.

Сюжеты жизни нашей
забудем и уснем,

над недопитой чашей,
как ангелы, вдвоем.

Вспорхнем как две тетери
у неба на краю.
Захлопнем с треском двери
и будем жить в раю.

* * *

И.С.

Мой ангел, когда бы не ты, я б не знал
как звукопись листьев шуршащих прохладна.
Бежит к Монастырке Обводный канал,
но ветер с Невы, и с погодой неладно.

Дракон-листопад с пожелтевшим хвостом...
Как знать, где сейчас полуголое небо
с ромашкой в зубах и пастушьим хлыстом.
А звёздам не надо ни зрелищ, ни хлеба.

Ни камня на камне, мой ангел, – зола.
Кирпич превращается в красную копоть.
Качается тонкая шея узла.
И надпись на русском: «крылами не хлопать».

* * *

На тихих печорских просторах
закат догорал не спеша.
Листва, как серебряный всполох
порхала по веткам, шурша.

Краснел горизонт узколобый
и ровные спины аллей.
А ветер горланил от злобы
протяжные песни полей.

И мне по-осеннему больно.
Тревожно за каждый куплет.
Я плакал от счастья, невольно
тоскуя о пагубе лет.

Но есть ещё, есть ещё порох –
страдает и любит душа.
На тихих печорских просторах
закат догорел, не спеша.

Нева спросонья нараспашку.
По грудь в зелёнке Эрмитаж.
Залив зарёй залив рубашку
брал Петергоф на abordаж.

И фонари ломали выи,
ветра как на дрожжах росли.
А тучи – клячи ломовые
ползли сквозь снега заросли.

Санкт-Петербург, хмельной повеса,
смотрел, гранитный бородач,
как пригород бежит из леса
вдоль запертых на зиму дач.

Пейзаж земли моей уныл, дождлив и прост:
обочины, столбы, ухабы.
На Троицу по грудь в цветах погост.
То чёрный цвет оград, то в пёстрых
платьях бабы.

Покаты рёбра берегов. Течёт песок.
Течёт дорога пыльной лавиной.
А рядом с ней берёзовый мысок
и дуб, и жёлудь с жёлтой пуповиной.
И тишина, и слёзы по щекам текут,
и пятки туч чернее сажи.
И ангелы на небе тихо ткнут
земли российской грустные пейзажи.

НАТАЛЬЯ ПЕСЕНЬКО

Белоруссия,
г. Минск

И слитное – не обоюдное

Слитное – не обоюдное,
Сердце мое бесприютное
С грустью-тоскою братается,
Благодатью не обретается...

Слитное – не обоюдное,
Пустошь кругом многолюдная,
Эхом кричит – отзывается...
Где-то любовь отпевается.

Кричи, душа!

Измученные жаждой бытия,
Шли к миражам, что чудились вдали.
Бездумно лоскутами жизнь края,
Ее бросали в пекло на угли.

Над нею дым клубился каждый раз,
Как только кто-то уходил от нас,
Дым разъедал застывшие глаза,
И жгла лицо горячая слеза.

Горчила онемевшая гортань –
И не дожить, казалось, до утра...
Где боль души – бессильны доктора,
Была так близко роковая грань...

День таял, затерявшийся в ночи...
Кричи душа, воскреснуть чтоб – кричи!

Туман

На рассвете спят туманы,
Над болотом тишина.
Очертания обманны –
Перед взором пелена.

Акварельная размытость,
Недосказанность царит,
Что таинственно сокрыто,
Распознать себя манит.

За туманами трясина,
А тропинка так зыбка!
На болоте властелином
Стал туман наверняка.

Завлечет, потом обманет,
Всем известный интриган.
Выхолаживая, станет
Вязким саваном туман.

Закат рябиновый купается в пруду

Закат рябиновый купается в пруду,
Стоят в лучах заласканные сосны,
Природа замерла сама с собой в ладу,
Туман ложится – утро будет росным.

Снисходит томно благодатью тишина,
Лишь треск цикад да шелест трав
прибрежных,
Взошла над лесом любопытная луна,
Все замерло в дремоте безмятежной.

30.07.2011 г

Нагая суть

Без лжи, без правды и без веры
Уродлива нагая Суть.
Ей недоучки-костюмеры,
Рядили платье как-нибудь.

Прозрачна видимость заботы,
Из слов красивых вилась нить –
С венца слетела позолота
И нечем наготу прикрыть.

Не респектабельна, убога!
Не смеет ее за то винить!
Прощенье за нее у Бога
До смерти нам должно просить.

Порою лучше промолчать!

Порою лучше промолчать
О том, что хочется сказать.
Когда мы людям говорим,
Что неприятно слышать им,
Никто не слышит и поныне
Глас вопиющего в пустыне.
И оттого бывает скверно,
Что глухота закономерна!

Мир одиноких

Верхнюю ноту искренних чувств
Души дуэтом спеть бы могли!
Мир одиноких гулок и пуст,
Дразнится эхо где-то вдали.

Ворох измен и мелочных ссор
Наспех обман прикрыл мишурой.
Казнь любви вершат приговор –
Мир одиноких мечен виной.

В сердце звучавший в прошлом сонет,
Мир одиноких, вспомнил едва,
Микст захлебнулся, вывел фальцет – ?
Слабый вокал, пустые слова...

Не хочу потерять тебя

Не хочу потерять тебя, слышишь?
В переулках пустой суеты.
Не хочу стать в судьбе твоей лишней,
Не хочу, чтобы лишним стал ты!

Не хочу, чтоб терпели друг друга,
Вечеров одиноких страшась.
Не хочу я стать просто супругой,
С безразличием рядом ложась.

Я хочу, чтобы две половинки
В прошлой жизни разбитых сердец
Каждой впадинкой, каждой горбинкой
Мы сложили с тобой, наконец!

Случайная встреча

Мы постарели? Чуть-чуть, не беда!
Просто умчались куда-то года,
Просто с тобой нам на пару – сто лет,
Просто нам юность прислала привет.

Грустно спросил: «Ты меня узнаешь?»
Сед, лысоват, лоб в морщинках... И что ж?
Помню твою чертовщинку в глазах,
Помню, в завидных ходил женихах!

Стройный, высокий, кудрявый брюнет,
Парня, казалось, красивее нет!
Время свои начертило штрихи,
Зерна очистило от шелухи.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Видишь, и я не девчонка уже,
Только, как прежде, с весною в душе.
Рад мне? И я тебе рада! Ну что ж,
Годы ушли, их назад не вернешь...

Тебе, любимый, хочешь, подарю?

Закат рубиновый и нежную зарю,
И звезд ночных таинственное море
Тебе, любимый, хочешь, подарю?
В подарок хочешь утренние зори?

А хочешь, подарю я листопад?
Осенних листьев золото-кружење,
Скажи, любимый, осени ты рад?
А может быть, милее день весенний!

У нас с тобой еще так много дней...
И у любви ночей еще так много,
Мы праздники своих календарей
Отпразднуем без всякого предлога.

Однобокая

Однобокая любовь неуверенно хромала,
Не скулила, не стенала,
как могла себя спасала,
Зря о ней не пустословь!

Ей и так пришлось несладко,
Даже плакала украдкой,
Но ушла вдруг без оглядки,
Не вернется она вновь...

Ценою в жизнь

Вот еще один день мною прожит и что же?
Я не знаю, зачем он дарован Творцом.
Может быть, уходя, затихая на ложе,
Я его оценю, глядя смерти в лицо.

Я былинка всего в бесконечной вселенной,
Но кому-то и я дорога на Земле,
Моя жизнь – только миг, быстротечна и тленна,
И когда-то она растворится во мгле.

Что ценить я должна? От чего отрекаться?
Что есть благо, а что – суета или зло?
В жизнь ценою за все будет плата взиматься,
Кто оплатит легко – знать, тому повезло.

Про козла (басня)

В своем хлеву, в одном из сёл,
Амбициозный жил козел.
Вокруг озера и луга,
Ему б – кусочек пирога,
Была еще большая страсть –
Любил козел без меры власть.
Овец вдаль паслись стада,
Козел направился туда,
Оставил, сделав выбор свой,
Козу соломенной вдовой.
А в стаде был вожак – баран.
Козел мастак был на обман,
Он уговаривал овец:
«Я буду вам родной отец!
Баран вас водит по жнивью!
Врага я в нем распознаю!»
И не была б овца овцой,
Когда б с присущей ей ленцой
Не отдала б козлу всю власть,
Тут покуражился он всласть!
Он стадо быстро разделил:
Одних – кормил, других – морил,
А тех, кто сильно докучал,
Он от кормушки отлучал.
Но стали скудными луга...
«Найти бы нового врага,
Отвлечь внимание овец!» –
Решает без труда шельмец.
И вот опять пошел вразнос,
Словесный обуял понос.
Вокруг все виноваты сплошь,
И в каждом слове – только ложь!
Чтоб в стаде меньше было зла,
Гоните, овцы, прочь козла!

Разбитый баркас

Прибился к берегу родному
Разбитый волнами баркас,
Причала нет, все – по-иному,
Маяк спасительный угас...

Навстречу всем ветрам бродяга
Когда-то неся сгоряча,
Бывал в различных передрягах,
Свой крест безропотно влача.

Растратил он былую удаль,
Висят обрывки парусов,
Добычей не сокровищ груды,
А пыль случайных островов.

ИРИНА БЖИСКАЯ

Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону

РАЗНОЛИКИЕ СЕЗОНЫ

Зима пришла...

Зима пришла со снежными дарами,
накрыла небеса седым плащом,
морозными холодными утрами
не пощадив ни рук, ни ног, ни щёк...
Снега в полях – барханами пустыни.
Позёмку ветер северный несёт,
всё воздух холодит дыханьем стылым,
да путникам согреться не даёт.
И гонит поскорей укрыться в норы
пушистых обитателей полей.
Весна придёт совсем-совсем не скоро.
Под снегом зиму коротать теплей.
Друг к другу тянут ветви в дрёме зимней
деревья, потихонечку ворча.
На них лежит, как белый бархат, иней
одеждой с королевского плеча.
И речка, что среди полей бежала,
как спящая царица под стеклом.
В плену у льда, под снежным одеялом
притихла, пробудиться чтоб потом.
А сон её оберегают стражи –
коричневые шлемы камыша.
Да ветер, прошуршав чрез них, расскажет –
красива как она и хороша...
Зима пришла...

В начале зимы

Взгляд холодный, без обмана,
и от грустного побег
в эти зимние туманы...
Кружит тёплым пухом снег,
на губах игриво тает,
на ресницах, на щеках.
Слёзы горькие глотаю
и обиду – впопыхах.
Правы или виноваты...

Разбираться нет уж сил.
Под пушистой белой ватой
очертания перил,
и дорожка, и ступени,
и навес, что над крыльцом...
Отношения изменит
может быть, в конце концов
эта чудная погода
в первых числах декабря.
...И уходят вдаль невзгоды
в тёплом свете фонаря.

Непогода

Разбилось небо вдруг о гололёд...
Его осколки – скованные лужи,
как мутно-серые творенья стужи,
без блеска... Даже оторопь берёт.
Обледеленых веток разговор...
Летающий ветер – до озноба стылый –
по улицам замёрзшим и унылым,
вокруг всё низвергающий в минор...
И съёжившись, прохожие спешат,
обледеленые штурмующие метры,
проигрывая в споре с сильным ветром,
от холода промозглого дрожа...

* * *

Воздух студёный погреться не прочь
в двери и окна безмолвно стучится,
хочет и он в новогоднюю ночь
около ели нарядной резвиться.
Облаком пара врывается он,
стоит лишь дверь приоткрыть на минуту.
Через мгновение исчез, растворён,
снежным дыханьем прильнувший к кому-то.
И, разомлев от веселья, тепла,
с запахом хвои в обнимку танцуя,
он – у двери. Эх, была – не была! –
вновь возвращается в ночь ледяную.

Преображение

...В московские особняки
врывается весна нахрапом...
Б. Пастернак

Приходит в города весна...
Нахрапом? Может быть. Не спорю.
Ручьи мечтают слиться в море,
дорожки меж сугробов торя
и радуясь теплу сполна.
Свободно дышится земле
газонов, парков и бульваров,
лишь сходит снег с её гектаров.
На солнце вьются струйки пара –
весеннее факсимиле.
А терпкий запах первых гроз?..
Дожди смеются, грязь смывая.
Легко от края и до края
тепло по улицам шагает,
как настоящий управхоз...

* * *

Снег совсем ссутулился, пониц,
неопрятен стал и неухожен...
Он – уже совсем больной старик,
доживающий часы, быть может.
Ход сезонов так неумолим –
зимний век у нас в краях недолог.
Снежная душа от дум болит –
был красавцем снег и был так молод!
Но прошло, что было... Вот беда!
Жизнь – она короткая такая.
И сочтется талая вода –
плачет снег, слезами истекая.

Мартовский каприз

Зима вернулась! Это ли не диво?
Снежинки хаотично, торопливо
неслись вдоль улиц... И порывы ветра
легко мели заснеженные метры
дорог и тротуаров... С крыш летели
кудряшки снега – локоны метели.
Зима резвилась, строила гримасы.
Морозец – стопроцентным ловеласом –
игриво в окна заглянул... Как в сказке,
раскрасил стёкла серебристой краской.
Оделись скверы в нежный бархат белый...
Душа Зимы от ликованья пела.

Просохли все дороги и дорожки.
Вздохнула с облегчением земля.
Рассыпав драгоценности-серёжки,
стоят, весну встречая, тополя.
Примеривая новые одежды,
предпочитают лишь зелёный цвет.
И пусть фасон точь-в-точь похож на прежний,
менять его желанья вовсе нет.
И смотрят с удивлением рассветы
на старо-новый лиственный наряд.
Весна пришла! И в ожиданьи лета
деревья обновлённые стоят.

* * *

Десятый час...
Вечернее затишье...
Жара ушла, как солнце, на покой.
И гладит ветерок макушку вишни
уставшей от дневных трудов рукой.
А дерево, на ласку отзываясь,
всё шепчет благодарности слова...
Щекой ствола остывшего касаясь,
я думаю, что жизни жернова
не пощадили старенькую вишню –
шершавая кора, в стволе – дупло...
Листва ответно шелестит чуть слышно...
Как на душе спокойно и светло...
Вот первая звезда на небосклоне
прохладе загорелась маяком...
И по стволу к высокой пышной кроне
моё «спасибо» движется легко.

Тишина

Кошачьей поступью неслышной
в сад заглянула Тишина.
Скользнула между веток вишни,
решив хозяйничать одна.
Коснулась нежно яблок спелых,
считая сочные плоды,
взглянула быстро, между делом,
в два чистых зеркала воды
в двух полных для полива бочках.
Присела рядом на скамью.
Ткань неба всю в блестящих точках,
считая, видно, за свою,
кроила мысленно на платья
себе и ночи... Ветерок

в сад залетел совсем некстати –
ведь не пустила на порог!
Под сенью сливы задремала –
усталость трудно превозмочь...
Когда забрезжило начало
дня нового, умчалась прочь...

* * *

Туман в низинах расстился,
всё путал веки и следы.
Потом, любя, к реке прижался,
прикрыв всё зеркало воды,
запутался в ветвях у ивы,
размыл границы берегов...
А утром солнечным красиво
раскланялся... и был таков.

Наваждение (акростих)

Н енастье – ветер...пелена дождя...
а льянс грозы с желанием природы
в озвыситься над происком погоды,
а ффектом ливня знойность изводя.
Ж ара поспешно удалилась прочь.
Д ышать легко... по лужам мчатъ
вприпрыжку...
Е два ли это чересчур и слишком!
Н аверное, себя не превозмочь.
И вот по лужам тёплым босиком
единственная шлёпаю легко!

Осени пение (этиюд без глаголов)

Осени пенье...
Печальные звуки...
Все – pianissimo...
Тема минора.
В тихой мелодии –
горечь разлуки,
близость зимы,
наступающей скоро.
В грустных аккордах –
сплошные бемоли...
Радости звуки,
умолкшие где-то...
Столько в мелодии
праведной боли,
что с отголосками
песни неспетой.

* * *

Порыжевший наряд у красавцев каштанов...
Желтизной – седина – в пышных кронах
берёз...

По утрам тонкий тюль ещё тёплых туманов.
Капли влаги на листьях – дрожанием слёз.
Осень, Осень, зачем ты надежду уносишь
вслед теплу, что с собой забирают ветра?
Почему ты меня о желаньях не спросишь?
Может быть, не настала прощанья пора.
Ты прекрасно рисуешь свои акварели,
натюрморты свои и пейзажи свои.
Только нет в них тепла и дыханья апреля,
и ответа в них нет на все чувства мои...

ОСЕННЕЕ

Под напором холодного ветра качели скрипят.
И от холода съёжились и опустели аллеи,
вдоль которых деревья нагие понуро стоят,
воспротивиться участи этой сезонной не смея.
И, как нищенка, Осень по парку устало бредёт,
под бесцветной одеждой ранимую душу
скрывает.

Увядания грим на лицо ей погода кладёт.
И душа не поёт, и надежда на лучшее тает...
Осень, Осень... Я – рядом. Мы об руку
вместе идём.

Как никто, понимаю тебя и сочувствую очень.
Ты поплачь, и печаль утоли ты слезами-
дождём.

Помогает. Сама применяла совет, между
прочим.

Вспомни тёплый сентябрь, что носил ещё
летний наряд,
златокудрый октябрь – жёлто-красных
оттенков смешенье...

Всё проходит, увы... недовольные пусть
помолчат
позабыв, что сезоны находятся в вечном
движение.

Вот присядем с тобой на скамью – все
свободны сейчас.

Помолчим... Скрип качелей нам думать
совсем не мешает.

Мы – такие, как есть. Принимают пусть
нас без прикрас..

И найдётся всегда тот, кто к жизни других
воскрешает.

Ева Талая

ДОЧЬ ЭЛИТЫ

(роман)

(окончание, начало в предыдущем номере)

Иннеса сидела в кабинете у Юрия с неприятным чувством, что он ей чего-то не договаривает. Подумать только, вчера был так многословен и внимателен, сейчас сидит через стол от нее и тянет время, словно подыскивает слова...

— Ты передумал? — спросила его девушка. — Вчера ты любезно предлагал мне помощь и всяческое содействие, что изменилось сегодня?

— Вчера, дорогая моя, ты мне не сказала, что твой отец категорически против твоего участия в конкурсе.

— А что это меняет? — почти срываясь на крик, спросила Инна.

— Это все меняет! — вставая из-за стола и подходя к ней, сказал Юрий. — Вот ты, такая хорошенькая, сидишь здесь и мучаешь меня своими капризами, а я, между прочим, должен еще и о шкуре своей думать!

— Что, мой отец отлучит от кормушки? — дерзко не подбирая слов, бросила в глаза Иннес.

Юрий сдержанно промолчал, глядя в глаза девушки в упор. Он настолько близко приблизился к Иннесе, что она ощущала его дыхание.

— На кой тебе сдался этот конкурс?

— Я должна стать моделью!

— Моделью не там становятся, глупенькая, и тебе лучше не знать где именно становятся моделью. Имя победительницы уже известно.

— Как это, — растерялась девушка, — еще же не все участники известны!

— Поверь мне, дорогая моя, в этом бизнесе большие деньги и большие личные интересы. И такой наивной девочке, как ты, совсем там не место!

Иннеса резко встала, собираясь уйти сию минуту. Но Юрий тут же усадил ее на место.

— Я все равно буду участвовать в этом конкурсе, хотите вы этого или нет! — со злостью прошипела она.

— Нет, не будешь! — ехидно ухмыляясь, сказал он. — Я обещал твоему отцу, что не позволю этому случиться.

Девушка молча встала и направилась к двери, гордо держа голову.

— Да подожди ты! — остановил ее Юрий.

Инна остановилась у двери, даже не глядя на собеседника, ждала, что он ей скажет. Но и он тоже выжидал, ему хотелось усмирить нрав этой

девушки, и он понимал, что сейчас все зависит от него. Его раздражал тот факт, что она была дочерью человека, который многое значил в его деловой судьбе. И он не мог никакими другими методами заставить ее делать то, что ему хочется, только уговорами и своим обаянием. На это, конечно, уйдет больше времени, и сил, но оно того стоит!

— Я помогу тебе прийти туда, куда все остальные попадут только после конкурса, минуя всю эту ненужную канитель. В конце концов, тебе же важен финал, а не процесс!

Юрий ждал. Иннеса думала. Это молчание затягивалось. Девушка не понимала, почему в ее жизни все должны решать мужчины, и неужели ради достижения желаемого всегда нужно вот так вот унижаться.

— И что же ты скажешь моему отцу?

— Как что? — нарочно удивляясь, сыграл Юрий. — Ты будешь зачислена ученицей в приватную школу, одну из лучших, кстати, после французских студий, к мэтру, к нашему французскому гению подиумов — Андре.

— Без конкурса и всяких условий?

— Ну, почему же, условие будет одно единственное, — Юрий неприятно улыбнулся, — мы все будем счастливы! Ты будешь моделью, твой папочка не увидит тебя в плебейском конкурсе, а я буду наслаждаться твоим счастьем! И для этого тебе придется часто быть рядышком со мной.

Иннеса посмотрела на этого мужчину: уверен в себе, бескомпромиссный, всегда у руля, всегда на вершине, всегда и везде все держит в кулаке. Ей вдруг стало интересно, а что если его всего этого лишить, что тогда с ним станет? И ей стало ясно то, почему все и всегда этот человек хочет сделать таким образом, чтобы ни на шаг не отстать — видимо потому, что он и сам не знает ответа на этот вопрос, и не хочет знать и узнать, ибо он без всех своих привилегий не видит своей жизни. Любой ценой, любыми путями....

— Хорошо, — холодно сказала Иннеса.

— И не забывай, дорогая моя, мы завтра на презентации нового альбома Алекса будем знакомиться с очень полезными и нужными нам людьми.

Иннес молча, ничего не ответив, вышла прочь из кабинета, у нее кружилась голова, сказывалось нервное напряжение, она не могла сдерживать свои эмоции, слезы наворачивались на глаза. Секретарь Юрия Федотовича взяла ее под руку и усадила на стул, ничего не спрашивая, налила стакан воды. Девушка, едва сдерживая рыдания, трясущимися руками поднесла его к губам, большие серые, полные слез глаза выражали нечеловеческую грусть. Слова комком застряли в горле. За дверью кабинета послышались шаги, и девушка, за секунду до того, как открылась дверь, и Юрий появился на пороге, превратилась в совершенно спокойную, с холодным блеском в глазах королеву, и уж точно снежную, ибо душа не подавала признаков жизни, лишая весь облик девушки тепла и жизнерадостности. Чекая шаг, Иннес ушла, а Юрий почувствовал, как по спине пробежал холодок от взгляда ее серых глаз.

Вернувшись поздним вечером домой, Иннес застала родителей сидящими по разным комнатам. Она поднялась к себе и долго прислу-

шивалась к шагам у двери, но ни мама, ни отец к ней не зашли и не позвали. И она еще раз убедилась в том, что ее решение, стало быть, правильное, и назад пути нет.

Проспав почти до часу дня, Иннес удивилась, что и сегодня никто из родителей не пришел к ней. В доме было тихо, на кухне мама пила чай.

— Выспалась? — спросила ее мать.

— Да, мам, спасибо. И привет, — Иннес наливая себе чашку кофе, не знала с чего начать разговор, — как папа?

— Как папа? Ты еще спрашиваешь? Он просто в бешенстве!

— Угу, я заметила, — сказала дочь, смакуя напиток.

— Неужели все, что мы вкладывали в тебя и на что надеялись, ты променяешь на подиумную ерунду?

— Мам, я тебя прошу, не начинай, ты же знаешь, что вы с папой уже и так победили меня. Я не буду участвовать в конкурсе! Но я не сдалась, и все равно стану моделью!

— Не смей перечить родителям! — предупредила ее мать.

— А то что? Вы лишите меня карманных денег? Я не позволю вам ломать мою жизнь!

— Вот именно, ты ломаешь свою жизнь, своими необдуманными поступками портишь себе репутацию и компрометируешь своего отца. Ты сегодня же попросишь прощения у отца и выбросишь всю эту дурь из головы!

В ответ дочь посмотрела матери в глаза полным протеста взглядом, и холодным тоном сказала:

— Никогда! Я ни в чем не виновата, чтобы просить прощения!

Вечером Иннеса, обнимая крестную, уверенная и смелая, красивая и воодушевленная, успокаивала свою вторую маму:

— Мама Тамила, я сильная, ты же знаешь, если я что задумала, так оно и будет! Спасибо, что ты не отвернулась от меня и я докажу тебе, что ты не ошиблась во мне, я стану самой знаменитой моделью. И прославлю все твои салоны красоты на весь мир.

— Хорошо, моя родная, удачи тебе. Я поговорю со Светой, все, что в моих силах, я все сделаю для тебя, моя девочка.

У входа стоял автомобиль Юрия, и его водитель уже ожидал Иннесу, открыв дверь. Девушка грациозно села в авто и отправилась покорять бомонд.

Вся молодежная тусовка собралась в элитном ночном клубе города. Для первых лиц была отведена вип-зона, и Юрий Федотович поспешил провести Иннесу из общей толпы приглашенных за невидимую грань вип-зоны, и на нее тут же уставились полсотни завистливых глаз. Девушка, к своему удивлению, вдруг поймала себя на мысли, что все это ей нравится. Настроение немного испортилось, когда она увидела свою подругу Алину в окружении нескольких мужчин. Станислав, продюсер Алекса, явно показывал своё безразличие к ней. Алекс пренебрежительно слушал, что она ему рассказывала, остальные же, кому она еще не успела надоесть, с интересом наблюдали за ней. При появлении Иннесы Станислав тут же направился к вновь прибывшей, и галантно поцеловал ей руку.

— Здравствуйте, дорогая Иннес.

— Добрый вечер, — ответила девушка, ловя на себе ревнивый взгляд подружки и своего спутника.

Алекс тем временем, наблюдая за всем этим, подошел к корзине с цветами и, вынув оттуда самую красивую розу, тоже направился к Иннесе.

Когда он вручил ей цветок, и поцеловал руку, Алина уже не могла скрыть своей злости. Когда мужчины, немного отвлеклись, ее подруга тут же оказалась рядом с ней:

— Ну надо же, феерическое появление королевы! Почему тебе все так легко удается в жизни?

— Ты это о чем? — не скрывая укорительных нот, спросила Иннес.

— А вот так! Тебе все по статусу, не успела прийти, все мужики уже у ног твоих.

— Наверное, им уже надоел твой статус!

В этот момент стало ясно, что ее подруга, теперь относилась к ней, как к сопернице.

— Ты смотри, пару раз надела платье и уже королева бала!

— Я королева бала даже в джинсах, вот в этом все и дело! Во что тебя не одень, дешевка!

— Ах ты... — Алина не могла подобрать слов.

— Боже, какая мерзость... — Иннеса поспешила прочь от той, что еще вчера была ее подругой. И тут же была встречена Алексом, который в присутствии всех пригласил ее подняться с ним на импровизированную сцену и начал петь свой новый хит.

Иннеса рассматривала его, пока он пел и смотрел ей в глаза — азиатские черты лица, приятный голос, софиты придавали его коже особый цвет, его ладони были теплыми и нежными. В свете софитов Иннеса тоже была просто богиней, старания Тамилы делали ее лицо, и без того безупречное, сияющим, волосы светились, глаза девушки сверкали. Она словно купалась в море эмоций и внимания к ней со стороны Алекса, самого главного мужчины вечера, ради которого все здесь собрались. После песни, у сцены, из рук Алекса ее принял Юрий, и, заглядывая в глаза, прошептал:

— Как благоприятно действует на тебя сцена, ты вся сияешь!

Он провел ее к группе мужчин, Станислав тоже был там:

— Имею честь представить, очаровательная Иннес, — представил ее очень импозантному и очень обаятельному мужчине.

— Бонжур, — ответил он девушке, и низко наклонив голову, прильнул теплыми губами к ее запястью. Его прикосновения обожгли девушку! В его взгляде, бархатном и теплом, уютном как объятия, было что-то ошеломляющее и обезоруживающее. Иннес поняла, что этот мужчина затронул в ее сердце особенные струны, которые звенели сейчас в ее ушах музыкой волшебной арфы, и душа уносилась в рай! — Андре, — наконец-то сказал он, оставив руку девушки в покое.

— Очень приятно, — смущаясь и краснея до корней волос, произнесла Иннеса.

Светская тусовка была в самом разгаре, от впечатлений и эмоций кружилась голова. Иннес, словно подхваченная потоком, забыв обо всем, кружилась в этом сверкающем, блестящем вихре. И очень скоро

поняла, что уже не может отличить искренних взглядов от неискренних. Все были словно в масках, и блестяще исполняли свою роль.

«Какая роль моя?» — задавалась вопросом девушка. Она вылавливала взглядом лица из толпы и не могла понять, что за ними... На нее смотрели, многие люди улыбались, что-то говорили, восхищались. Трое мужчин друг перед другом пытались показать свое превосходство. Хотя Андре не нужно было сильно стараться, весь вечер она не отводила от него взгляд. Конечно же, ее роль — быть первой!

В этот поздний вечер Иннеса вернулась домой в сопровождении Юрия. Отец с матерью явно ожидали ее в гостинной, но в присутствии гостя не стали выяснять отношений. Демонстративно уйдя к себе в комнату, девушка не проявила гостеприимства и не осталась со всеми, сославшись на усталость. Машина Юрия долго не отъезжала от парадных ворот, а значит, он говорил с ее отцом. Очевидно, сейчас решается ее судьба.

Иннес после душа, обнявшись с подушкой, уснула с улыбкой на устах. Ей снился сон — повсюду лица, улыбающиеся лица, но только ей было не весело, она не могла найти выхода, и в результате, потеряв надежду, она вышла на сцену, и почувствовала невероятную легкость, словно крылья выросли за ее спиной.

Сон был прерван голосом отца:

— Иннес! Просыпайся, я больше не могу ждать, пока ты выспишься, у меня совещание.

Иннеса, сонная, села на кровати и попыталась сконцентрировать свои мысли на том, что хотел ей сказать отец. Ее любимый папочка был сам на себя не похож. Посерел, осунулся, стал какой-то сутулый. Видно, что она огорчила его очень сильно. Было заметно, как он старается подобрать слова, как-то смягчить ситуацию, и что впервые за всю его карьеру в политике он не может найти правильных слов.

— Я достаточно долго ждал, — начал дрожащим голосом отец, — что ты сама поймешь свою ошибку, но, как я вижу, ты даже не пытаешься. И более того, продолжаешь вытворять Бог знает что! Пока ты живешь в моем доме, ты не будешь манекенщицей!

Дочь молчала, Анатолий ждал, но Иннес не могла ничего сказать в ответ, ибо все, что она решила для себя, разобьет сердце отцу. А путь, избранный для нее ее же родителями, был абсолютно не приемлем для нее!

— И если ты надеешься на Юрия, то он тебе тоже не поможет. Я вчера поговорил с ним, и он дал мне слово, что не станет способствовать тебе в твоих бредовых идеях.

Дочка с обидой посмотрела в глаза отцу:

— Почему же бредовые? Разве не ты хотел видеть меня с Юрием в близких отношениях? Разве не ты хотел, чтобы я стала человеком? Найми своих головорезов, пусть они и меня изувечат, научат уму-разуму! Убей, в конце концов!

— Значит так! Я восстановил тебя на факультете, в сентябре будешь забивать голову социологией, а пока я позабочусь о том, чтобы мы нашли с тобой общий язык.

— Пойдешь звать своего Тимофея? Это он главный у тебя, по внушениям?

— Скажи спасибо матери, что она уговорила меня на такие мягкие для тебя условия. Я повторяю еще раз, пока ты в моем доме, никаких конкурсов и школ манекенщиц не будет.

— Хорошо, как скажешь!

Отец ушел, наверное, подумав, что уговорил дочь свою быть послушной. Но когда на смену ему в комнату дочери вошла мать, то застала Иннесу за сборами чемодана. Светлана понимала, что это значит:

— Даже не думай! — попыталась она остановить дочку от необдуманного поступка. — Назад дороги не будет! Ты же знаешь отца, он не простит.

Дочка смотрела на нее со слезами на глазах, и не могла спокойно ничего сказать.

— Мама, ты знаешь, что он сделал с Андреем?

— Знаю, — сухо ответила она, — но это для твоего же блага.

— Боже! Ты хоть слышишь сама себя, что ты говоришь? Думаешь, я могу это простить? Отец, человек которому я пыталась подражать, которого обожала, он был святым для меня! Он же мог Андрея просто уволить, поговорить, но не калечить! Бесчеловечно, хладнокровно распоряжается даже мной. Я не могу находиться в этом доме! Я уйду, чтобы сохранить хоть какое-то уважение к вам.

— Дочка, подумай, что ты творишь! Ты молодая, спесивая, потом пожалеешь!

— Я пожалею, если не сделаю это, и больше того, я буду ненавидеть вас при этом!

Мать не стала ее долго отговаривать, она знала, что дочка в отца, если что-то вобьет себе в голову, то уже ничто ее не остановит.

И Иннеса ушла.

Перешагнула порог отеческого дома, не оглядываясь. Но сердце болело, слезы душили, и решимость едва не покинула ее, но обида и протест не позволяли принять все, как есть, и смириться.

Впереди ее ждет подиум, блестящая карьера, миллионные гонорары, и, конечно, известность, она ни на минуту не сомневалась в этом.

За въездными воротами своего дома Иннеса села на чемодан, собранный на скорую руку, и задумалась. Раз уж ее мечта должна исполниться, то нужно идти к ней маленькими шагами и достижениями. Первое, о чем следовало подумать — это план!

И по плану, придуманному ею, она должна решить, где проживать, убедить Юрия все же помочь ей, и, конечно же, стать первой в школе Андре!

Когда на абсолютно гладкой поверхности ее жизни, которая отражала беззаботность детства, появились круги как от брошенного камня? Теперь все пришло в движение, и невозмутимая гладь заискрилась и засверкала, внесла в жизнь беспокойство и трудности. Но это и должно было произойти, рано или поздно судьба роняет камешек, и гладкая поверхность жизни приходит в движение...

Самой близкой и родной после родителей, конечно же, была Тамилла, и Иннес явилась к ней, даже не задумываясь, что она сможет отказать ей в помощи. К кому же, как ни к ней, она могла обратиться!

Крестная встретила ее объятьями, но ни о чем не стала спрашивать. Светлана уже несколько дней изливала ей душу, и она знала все, что происходило в семье ее лучшей подруги и любимой крестницы. В очередной раз выслушивая Светлану, Тамила сказала ей:

— Бог не дал мне ни дочери, ни сына, и если бы у меня был ребенок, я бы ни на миг не стала ставить перед собой выбор, и в любом случае избрала бы свое дитя. Ни муж, ни общество, никто не стоит счастья твоего ребенка.

— Ты не понимаешь, что Иннеса калечит свою жизнь! Вот если бы это была твоя дочь, ты бы так легкомысленно не рассуждала!

— Если бы, — грустно ответила она, вспоминая свою роковую ошибку, когда чтобы не огорчить маму с папой, она перечеркнула свое счастье и любовь, но больше так и не встретила в жизни этих двух попутчиц — ни счастья, ни любви...

Сейчас чужой ребенок плакал у нее на плече, но она любила ее, как любила бы свою родную дочь.

— Ничего, мое солнышко, не плачь, все образуется. С тобой твоя крестная мама, я обещала перед Богом помогать тебе, и я помогу! — успокаивала Иннесу Тамила. — Поживешь у меня в загородном доме, там сейчас так хорошо, а Светлане я не буду говорить, что ты живешь у меня, а то она ни тебе, ни мне жизни не даст.

Вещи тут же были перевезены в загородный дом. В этот день, расстроившись, Иннеса проспала весь день, и только вечером, когда приехала Тамила, и они сидели на веранде, позвонил Юрий:

— Здравствуй, моя хорошая!

— Привет!

— Ты где пропала?

— А что? Ты так переживаешь! Смотри, мой папа тебя отрывает! — с вызовом ответила ему девушка.

— Ладно, ладно, не горячись. Ты же понимаешь, что с родителями нужно считаться. В конце концов, они же хотят тебе добра!

— Здорово же тебе Анатолий Викторович мозги промыл!

— Ты где, я хочу тебя видеть.

— Нигде!

— В каком смысле? Я сейчас заеду за тобой.

— У меня нет желания сегодня никого видеть.

— Напрасно, компания без тебя скучает, нам всем не хватает солнышка, то есть тебя! Так, даю тебе минут десять на сборы, и я уверяю, что твое настроение станет лучше.

— Сомневаюсь, — предположила Иннеса.

— Ну, так я уже еду, собирайся!

— Окей! — спокойно ответила Иннеса, и с легким сердцем вернулась к чаепитию. Сегодня она точно не хочет никого видеть, и пусть в этот вечер мир скучает по ней.

— Что-то не так? — спросила Тамила, глядя на загадочно улыбающуюся девушку.

— Все прекрасно, Юрий едет за мной, и будет мне поднимать настроение, он и не подозревает, что действует на меня как рвотное средство!

— Сюда едет? — недоумевала Тамилла.
— Нет, конечно, мы же договорились, что ни одна душа не знает, где я!

— Так куда же он едет?

— А я знаю! Ему надо, вот он и едет куда-то! Да ты не переживай, он наверняка все знает, это была разведка, чтобы выведать, куда я делась. Думаю, мой папа его завербовал, и мне не стоит некоторое время с ним видеться. Может, у него команда связать меня и вернуть в родные пенаты!

— Какая ты подозрительная!

— Я никогда не прощу родителям то, что они сделали с Андреем!

А тем временем Юрий сидел в своем кабинете и улыбался, размышляя, что же ему делать с этой строптивой и такой удивительной Иннес. Он набрал номер телефона, абонент тут же взял трубку:

— Анатолий Викторович, я не могу вам сказать, где Иннеса. Она не сообщила адрес, по которому я мог бы найти ее. Может, завтра я ее все же уговорю, и смогу что-то разведать.

— Хорошо, Юра, я надеюсь на тебя, и думаю, наша договоренность остается в силе.

— Я сделаю все от меня зависящее, Анатолий Викторович. Всего доброго, доброй ночи.

В офисе было пусто, все уже давно ушли, он не впервой задерживался допоздна, чтобы в тишине обдумать важные планы, и сегодня он обдумывал важный план двойной игры. Виталий Викторович, Иннеса и он — действующие лица. Персонажи других ролей должны быть расставлены таким образом, чтобы никто не догадался, что во всем действии играют в его интересах. Это не первый раз ему разыгрывать сложную партию, и, естественно, выигрывать.

Вечер тихо спустился и улегся в кустах малины, а ночь опустила покрывало, расшитое звездами. Две женщины, погасив свет, любовались звездным небом, каждая думала о чем-то своем. У одной из них полжизни уже пройдено, и теперь, вспоминая о прошлом, многое бы хотелось изменить. Но неумолимо дни прошли чередой, забрав и возможность что-либо исправить. Вторая же, окрыленно рвалась в будущее к розовым своим мечтам, не боясь и не страшась преград. И там, в прошлом, и здесь в настоящем, и потом в будущем будут светить все те же звезды, освещающая путь и не давая оценок — все так, как есть, как было, или как будет...

Несколько дней Иннеса провела в раздумьях, расставляя приоритеты и цели, лето подходило к финалу, осеннее настроение нагоняло печаль и хандру, и девушке стоило большого труда не поддаваться им.

И вновь, без предупреждения, девушка пришла в приемную человека, который, казалось, был ее другом, и таким хотел казаться. Секретарь Юрия преградила ей дорогу:

— Нельзя! Юрий Федотович ведет совещание с директорами.

— Сообщите ему, что я пришла.

— Конечно, как только можно будет его отвлекать.

Иннеса осталась ожидать не в приемной, а в комнате секретаря, и задумчиво изучала вид улицы из окна этого кабинета.

Все как-то складывалось не очень хорошо, родители догадывались, что она живет у крестной, все время передавали Тамиле какие-то угрозы и требования для неё. И сегодня нужно было определиться, что же делать дальше.

Совещание закончилось, из кабинета вышли важные гости, и Иннеса ждала, когда ее пригласят. Юрий вышел встретить ее лично, и попросил секретаря не беспокоить их.

— Здравствуй, солнышко! Что ж ты так мучаешь меня, на звонки не отвечаешь, спряталась от всех, я не могу найти тебя, скучаю. Беспокоюсь.

— Здравствуй, — девушка натянуто улыбалась, — я пришла, чтобы поговорить с тобой!

— Это хорошо, могла бы предупредить.

— Зачем? Чтобы ты смог предупредить моего отца?

— Нет, — Юрий закурил сигарету, — что ж ты такая недобрая ко мне! За это время, между прочим, я с твоим отцом провел большую работу по поводу твоего помилования.

— С ума сойти, в чем же мой проступок?

— Вот ты мне скажи, зачем тебе так рисковать? Все ведь можно решить политическим путем.

— Политика моего отца не дала мне другого выхода.

— Это ты так из-за того паренька на отца злишься?

Иннеса гневно посмотрела на Юрия.

— Хорошо, хорошо, не объясняй ничего, но сначала послушай мой совет, — поспешил успокоить ее Юрий, — я думаю, что тебе стоит вернуться домой, и уговорить родителей мирным путем.

— Я знаю своего отца, он так же тверд в своих решениях, как и я!

— Ты понимаешь, что тебе нельзя иметь своего отца врагом? Он не станет тебя жалеть, тебе будет очень трудно.

— Ты мне pomoжешь? — прямо спросила девушка.

— Понимаешь, — начал было говорить что-то в оправдание Юрий, но Иннес перебила его.

— Я поняла, ты против отца моего не пойдешь!

Юрий молча положил сигарету и взял Инну за руку:

— Я предлагаю тебе лучший вариант. Выходи за меня замуж, и я создам для тебя твою собственную студию, в которой ты можешь проявить все свои возможности, но не выходя на подиум сама. Таким образом, и с отцом останетесь друзьями, и реализуешь свою мечту!

— И устрою складненько твою жизнь... — продолжила за него Иннес.

Юрий откинулся на спинку кресла, и, улыбаясь, смотрел в глаза девушки:

— Это не худший вариант! — заметил он.

— Ты же не любишь меня, — вдруг сказала Иннес, отвечая ему стойким взглядом.

— Люблю, не люблю, — но спохватившись, продолжил, — конечно, люблю! Ты милая, очаровательная девушка, тебя легко любить. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ты была счастлива.

— Зная, что я не люблю тебя?

— Инночка, солнце мое, полюбишь. Я уверен, что полюбишь!

Иннеса молчала, думая: «Как бы ни так! Как тебя полюбить, если мне даже сидеть рядом не хочется! Лицемер, хитрый плут, мутная личность».

— На медовый месяц поедем на Кипр, а хочешь в Марокко, Малайзию, Индию, куда твоя душа пожелает.

— Я еще не дала согласия!

— Ну, не привередничай.

— Значит, ты не станешь содействовать мне в поступлении в школу Андре, и не станешь против отца моего?

— Я предлагаю тебе лучший вариант!

— Лучший вариант для тебя, но не для меня!

Иннеса встала и направилась прочь от этого неприятного разговора, неприятного ей человека, и вообще прочь от всего.

Несколькими часами позже красивая и уверенная девушка поджидала в фойе гостиницы одного из вип-персон. И когда он, красавец француз, богатый и знаменитый, появился, улыбаясь, в сопровождении своей свиты, девушка сделала несколько шагов ему навстречу.

Андре, конечно же, узнал, красавицу брюнетку Иннес, и даже не удивился, ибо знал, что обязательно встретится с ней еще. А здесь — такое везение, девушка сама к нему пришла. Он поприветствовал ее, поцеловал ей ручку, и они поднялись к нему в номер.

ЗАМЕРЗАЮЩАЯ ГРУСТЬ...

Настал долгожданный день, Иннеса упаковала чемодан, и с грустью посмотрела по сторонам. «Ну, вот, — думала она, — меняю временное место пребывания на место еще более непостоянное».

Крестная ждала ее на выходе:

— Присядем на дорожку?

— Да, мама Тома, присядем.

Женщины молча сидели, Тамила не улыбалась и не плакала, Иннес рассеянно смотрела впереди себя. Вот, сбывается ее мечта, но ей не весело почему-то. Месяц назад, когда Юрий отказал ей в помощи, ей удалось уговорить самого мэтра Андре принять ее в его студию, без конкурсов и условий. Андре, знаменитый французский дизайнер, на двадцать лет старше Иннесы, сумел полностью покорить сердце девушки. Она молода, талантлива, а на таланты у Андре было необычное чутье, он никогда не ошибался с выбором. Когда к нему пришел Юрий, и потребовал отказать ей, Андре, попросил не путать дружеские чувства и работу, и уверил его, что не собирается отказываться от удачного капиталовложения, ибо считал Иннесу одной из лучших среди всех претенденток. Андре, помимо всего прочего, профессионального интереса, испытывал к девушке неопределенные чувства.словно скульптор перед мрамором, видя в ней идеальное творение, он наслаждался, ожидая момент, когда сумеет сотворить шедевр и обладать ею. Будучи довольно опытным в общении с женщинами, он прекрасно понимал, что во вторую их встречу он обольстил и покорила Иннесу. И теперь она всецело поддается его творческому порыву, а он всегда творил с любо-

вью, не отделяя это понятие от физического, духовного и творческого смыслов.

Обнимая крестную, Иннеса расцеловала свою вторую маму:

— Ну, пора, я пойду, не провожай, а то я точно разрыдаюсь.

— Давай, моя родная, с Богом, скоро увидимся, — сказала Тамила и перекрестила свою дочку.

У дома Иннесу ожидал Станислав, он вышел открыть ей двери, взял чемодан, уложил его в багажник, и сел тоже на заднее сиденье, рядом с девушкой.

— Что ж ты такая грустная? — заглядывая в глаза девушки, спросил Станислав.

Иннеса через силу улыбнулась.

— Не грусти, все же прекрасно! Сам продюсер проекта приехал, чтобы отвезти Золушку на бал, а она грустит! Андре ведь только тебе оказывает такие привилегии, ты знаешь об этом?

— Спасибо ему огромное, — поблагодарила искренне девушка.

— Спасибо! Этого не достаточно! Ты должна доказать ему, что он не ошибся в тебе, что ты лучшая. И я должен сказать тебе, что у тебя сильные конкурентки. Они уже сплочены конкурсом, и не предоставят тебе легкой победы. Но я верю в тебя! И главное, что Андре тебе отдает предпочтение.

— Я постараюсь быть на высоте! — заверила его Иннес.

— Но ты не переживай, если что, я сделаю из тебя звезду шоу-бизнеса в любом случае, уж если мне из Алекса удалось сотворить звезду, ты затмишь любую!

— Я благодарю вас, Станислав, вы мне очень помогли в трудное для меня время, спасибо за простую человеческую поддержку, я очень в этом нуждаюсь.

— Ты мне должна пообещать, — потребовал продюсер.

— Что?

— Что ты всегда будешь веселая, потому что я очарован твоей улыбкой, и перестанешь называть меня Станислав, а будешь говорить — Стас и — ты.

— О, я постараюсь, но не обещаю, — смущаясь, ответила девушка.

Иннеса сосредоточилась на созерцании пейзажа за окном автомобиля. Выехали на окружную дорогу, суетливые улицы города остались позади. Осеннее солнце расточало свои последние лучи, чтобы хоть как-нибудь обогреть сбросившие листву деревья. Пестрый ковер из листьев уже успел потускнеть, горевали луга, потерявшие свои зеленые покрывала, чернели в дали вспаханные поля, и стаи ворон кружили в небе. Водитель включил легкую музыку, разговаривать не хотелось, на душе играли скрипки, и фортепиано звучало музыкой дождя. Стасу ничего не оставалось как сидеть и наблюдать молча за девушкой. Она вздыхала, ее ресницы на фоне окна, симпатичный профиль, и чувственные губы, изгиб шеи, Стас перевел взгляд на дорогу, чтобы отвлечь себя от созерцания прекрасной картины. Конечно, она ему нравилась, и как любому мужчине, ее общество было ему приятно. Но не все так просто с этой девушкой. Юрий постоянно расспрашивал о ней, ее отец просто не унимался с угрозами. Будто он мог что-то с этим поделать! Все

решил Андре, а Андре угрозы отца не пугали, Юрия он вообще не воспринимал. Вот Станиславу и приходилось быть между двух огней, все сглаживать и устраивать, ибо финансирование проекта было со стороны Андре, а городские власти, в лице отца Иннес и самого Юрия Федотовича, тоже имели большие возможности с этого проекта, и скрытые схемы тоже проводились через него. Так что ему только и оставалось, что наблюдать и мечтать о ней — всеобщей любимице.

Подъезжали к месту. Это было старинное помещичье имение в окрестностях города. Большую часть дома и жилых построек отремонтировали, но сад и приусадебная территория еще пребывала в забвении. Великолепный белоснежный дом с двумя сторожевыми башенками был похож на крепость, и удивительно было наблюдать контраст этого дома с наполовину разрушенной террасой перед ним. Лестницы, ведущие в сад, и фонтаны еще хранили былую красоту, даже теперь, едва держа форму, они были великолепны.

— Вот, дворец для Золушки! — пошутил Станислав.

— Какой красивый дом! — восторженно заметила Иннес.

Среди такого запустения и полуразвалившихся ступеней он казался призрачным.

— Наверняка этот дом помнит много старинных историй, и в нем, возможно, есть призраки.

Иннеса улыбнулась, она сейчас сама себе напоминала призрака, без души и тела. Не все укладывалось в ее понимании, и было больно от разлуки с родителями, и будущее манило ее с неимоверной силой. И, чтобы не сойти с ума от мыслей, ей поскорее хотелось найти утешение в работе и постижении мастерства тонкостей профессии модели.

— Наверное, летом здесь особенно очаровательно?

— Да, ты права, сейчас сад роняет свою красоту, оголяет стены дома, и замок кажется одиноким. Но ты будешь удивлена, как только попадешь внутрь! — пообещал Стас, — я до сих пор не могу привыкнуть к этому контрасту, да и к самому дому тоже.

Они въехали в открытые ворота. Старый дворник сметал с дороги листья, и прибытие девушки его никак не отвлекло от его обязанностей. Иннеса почувствовала, как ком подкатывал к горлу, какое-то нехорошее предчувствие пугало ее, и в этот момент над ними пролетала стая воронья. Они громко каркали и все стремились к одному только им известному месту. Неуютно было возле этого неправдоподобно белого здания на фоне серого неба в опустевшем саду под сопровождение крика воронья и недоброго взгляда дворника.

— Добро пожаловать! — сказал, улыбаясь, дворецкий, открывая дверь.

— Здравствуйте, — ответила Иннеса и подумала, что лицо этого человека в темно-сером костюме выглядело как маска.

Они вошли в шикарную гостиную, центральная лестница расходилась в стороны на два крыла здания. Две красивейшие бронзовые люстры висели по углам, на лестничном пролете красовались бра в виде статуэток каких-то сказочных нимф. Перила из светлого дерева были отполированы до блеска. Бирюзовое с синим — была отделка стен и потолка. Мебель, как и перила, тоже была из светлого дерева, картинные

рамы и элементы декора имели позолоту. Из гостиной направо вела дверь в помещение, очевидно столовую, потому как посреди этой комнаты стоял огромный овальный стол. Светлая обивка стульев и гобелены удачно дополняли столовую на фоне большой каминной печи в углу, декорированной плиткой ручной работы. Все это убранство имело декоративные мотивы из сцен охотничьей жизни. Огромная люстра посреди этой комнаты была видна даже с порога. Слева была такая же большая комната, переделанная под салон, посреди которого рабочие соорудили импровизированный подиум, настраивали свет и расставляли оборудование, стараясь минимально не навредить естественному убранству этой комнаты. Бордовые стены, темное дерево, натертые до блеска бронзовые светильники, раритетные конторки и серванты, стеллажи для книг. В углу стоял современный рояль, он был абсолютно инороден в этой комнате. Рабочие сновали из угла в угол, и казалось, они не строят, а рушат гармонию этой комнаты.

В гостиной сидели два охранника с наушниками в ушах, как в голливудских фильмах, в черных костюмах, и своим внушительным видом нагоняли страх. Иннес почему-то улыбнулась, ей было смешно наблюдать за всем этим. Один из охранников подошел и взял чемоданы вновь прибывшей гостьи, и получил от Станислава указание нести их в зеленую комнату. На что тот, в свою очередь, как-то странно посмотрел на девушку, и она это заметила.

— Я покажу тебе сейчас, что тут у нас и где находится, а потом проведу в твою комнату. У тебя будет пара часов подготовиться к ужину. Сегодня ознакомительный день, многие девочки уже знают друг друга по другим конкурсам и рейтингам, я так понимаю, что тебе придется знакомиться с ними всеми сразу. Предупреждаю, будет видеосъемка, форма одежды — нарядная.

Станислав провел девушку через левый салон в комнату за студией, переоборудованную под гримерную комнату. Дальше была комната для отдыха, оборудованная современной техникой и мебелью, потом бытовые помещения и кабинеты, и вторая, менее парадная лестница к спальням. На втором этаже Станислав провел девушку вдоль нескольких комнат, откуда доносились голоса других обитательниц этого дома. Двери ее комнаты были дальше всех и немного в стороне от всех спален.

Когда Станислав открыл дверь и провел ее внутрь, Иннеса невольно вскрикнула:

— О, какая красота! Боже, я даже не мечтала о таком.

Станислав загадочно улыбался, уж он-то знал, что ее комната самая большая и красивая, и по убранству и по удобствам намного превосходила комнаты других девушек. В этой комнате находились все удобства, телевизор, телефон, кондиционер, чего в других комнатах не было предусмотрено.

— Отдыхай, располагайся. Леонид, наш дворецкий, за 15 минут придет сообщить тебе, что нужно спуститься к ужину.

— Спасибо Станислав. Здесь так классно! Мне очень нравится!

В ответ Станислав только улыбнулся, еще бы ей не понравилось, ведь с самого начала Андре предоставил ей лучшие условия, чем остальным, хотя Иннес об этом еще не знала.

Но недолго Иннеса оставалась в неведении...

На столе стоял букет розовых роз и лежал буклет. Иннеса взяла небольшую книжицу и улеглась на кровати, чтобы прочитать, что там написано. Приветствие, устав, правила, обязанности, режим дня, и список всех проживающих. Инна стала внимательно его читать, сразу за списком всех участниц этого проекта прочла имя и фамилию своей подруги Алины — управляющей женским крылом поместья.

— Вот дает! Как она умудрилась сюда попасть! — скорее удивилась, а не спросила сама у себя девушка. И тут же в дверь настойчиво постучали.

— Открыто, входите.

На пороге комнаты появилась, ну, конечно, Алина!

— Ну, привет наша вип-персона.

— Привет. И почему я совсем не удивлена тебя здесь встретить?

— Не всем же так везет, как тебе. Мы здесь уже все наслышаны о твоей персоне. Ты же у нас особенная.

— Я тебя не понимаю, — перебила ее Иннеса.

— Вот я всегда думала, — начала издалека Алина, прогуливаясь по комнате своей бывшей подруги, — почему некоторым везет всегда и постоянно, а другим приходится вылезать из собственной шкуры, чтобы хоть что-то успеть.

Иннеса пыталась не поддаваться на провокации и не портить отношения сразу, едва перешагнув порог школы.

— Я вижу, ты не обижена, ты же управляющая! — заметила Иннес.

— Помощник продюсера, если точнее.

— Чего же тогда тебе не хватает?

— Спасибо твоему Юре, что уговорил Станислава взять меня в проект. А то он, как и Алекс, и Андре, да и как Юрий, только тобой и бредят.

— Молодец, уговорила Юрия, могу себе представить, чего тебе это стоило. Хотя, я так думаю, не так уж дорого тебе это обошлось! — ухмыльнулась Инна.

Алина всем своим видом показывала неприязнь и раздражительность к своей когда-то близкой подруге.

— Рано радуешься! Я посмотрю на тебя через пару недель.

— Если бы ты здесь что-то решала, ты бы сейчас не стояла здесь, передо мной, а я не потешалась бы над твоими жалкими попытками превознести себя в моих глазах.

Алина гневно посмотрела на Иннесу, довольную собой и улыбающуюся. Да, конечно, комната Иннесы была лучше даже ее комнаты. И помпезность приезда Иннесы ей и не снилась. Все девушки, в том числе и она, добирались сюда самостоятельно. Ее же привез на личном авто Андре сам Станислав, продюсер.

— А знаешь, ты все же дура! — вдруг сказала Алина. — Юрий не так уж плох, и он влиятельный человек, напрасно ты отказалась от него.

— Ну, так почему же ты возмущена, свято место пусто не бывает. Или он, кроме должности управляющей, ничего другого тебе не предложил?

Алина вышла прочь из комнаты, громко хлопнув дверью!

Иннеса заставила себя не думать сейчас о плохом и спокойно подготовиться к ужину, ведь первое впечатление всегда по внешности, а уже потом все остальное. Но на душе было грустно и тоскливо, почему-то осень всегда действовала на нее угнетающе. И в эту осень, похоже, ей придется справляться с холодами одной, рядом не осталось близких людей, способных согреть её своей любовью и душевным теплом.

Пришел дворецкий, как и обещал Станислав. Иннеса в его сопровождении спустилась в столовую. Все девушки уже были там. Было очевидно по взглядам присутствующих, что ей никто не рад. Иннеса заняла место возле одного из пустующих стульев, Станислав сел с другой стороны. За столом, среди девушек, уже сидел Алекс, который очень явно старался обратить на себя внимание Иннесы. Два кинооператора были в полной готовности к съемке, все были напряжены до предела. Наконец-то в зал вошел Андре!

Поприветствовав присутствующих, Андре, стоя за спинкой стула, возле которого сидела Иннес, стал рассказывать цели и задачи пребывания всех в этом доме. И поздравив всех с началом проекта, дал слово Станиславу, занимая свое место возле Иннесы.

— Здравствуйте Иннес, — тихонько поприветствовал ее Андре, пока Станислав зачитывал имена и представлял присутствующих друг другу.

— Я очень рад, что Вы с нами!

— Для меня это тоже большая честь! Хочу Вам выразить свою благодарность за особый прием и заботу касательно моей персоны.

Прозвучало имя Иннесы, она слегка привстала, улыбаясь присутствующим. Стали подавать первое блюдо и через некоторое время, когда видеосъемка была остановлена, все заметно расслабились и повеселели.

Это нельзя было назвать непринужденной обстановкой, каждый из присутствующих знал хоть кого-то из участников, Иннеса же чувствовала себя здесь лишней. Единственная ее подруга теперь была в оппозиции, и от нее кроме неприятностей невозможно было ожидать ничего иного. Станислав почти весь ужин уделял внимание Андре. Они перешептывались, обсуждая почти каждую девушку за столом. Андре часто говорил по-французски. Иннесе кусок в горло не лез, она ловила на себе недоброжелательные взгляды, и от этого ей было не по себе. К концу ужина Иннесе все же удалось возобладать над своими эмоциями и принять совершенно невозмутимый вид.

— Иннес, как вам нравится этот дворец? — спросил Андре.

— Очень нравится, здесь чувствуется роскошь былых времен, все на высшем уровне.

— Вам нравятся ваши апартаменты?

— Конечно, прекрасная комната!

— Я распорядился устроить вас с повышенным комфортом, потому как считаю вас самой талантливой.

Иннеса посмотрела в глаза этому мужчине и поняла, что вслух он произносит дежурные фразы, в то время как его глаза говорили о большем и без слов. По спине пробежал холодок, в груди комком сжалась душа. Это все происходило как на арене, под пристальными взглядами всех присутствующих, и казалось, все теперь видят то, что прочла во

взгляде Андре Иннес. Алина сидела в поле зрения и, наблюдая за этой сценой, зеленела от зависти, ревности и злости. Иннесе хотелось убежать! Но впереди ждала нелегкая битва за право существования под светом софитов мира красоты и вычурного лоска, тогда как сама жизнь под всем этим могла терять последний вздох.

* * *

Просыпаясь каждое утро, Иннеса напоминала себе, кто она и зачем здесь, чтобы не потеряться в водовороте поддельных эмоций и страстей. Всего несколько утренних минут девушка позволяла себе быть самой собой, и, надевая маску безразличия, кольчугу уверенности, облачаясь в них, словно в доспехи, выходила в свет чуждого ей мира, но только там она могла реализовать себя!

Вокруг нее сгустились страсти, почти все девочки из группы были настроены к ней недоброжелательно. Алина всячески старалась подпортить ее репутацию и подорвать авторитет. Интриги бушевали с невероятной силой, но на подиуме равной Иннесе в успехе не было!

Андре был полностью очарован этой необычной девушкой! Станислав едва сдерживал от бунта все население женской части дома. Иннеса не беспокоилась о том, что все в этом роскошном доме были против нее. Кроме того Андре все чаще и чаще оказывал ей повышенные знаки внимания на глазах у всей и без того раздраженной публики! Ею были недовольны хореографы, стилисты и визажисты, потому что она все делала по-своему. Никаким шаблоном невозможно было покорить ее особый нрав. Хореографы уже давно не могли руководить ее движениями. Стилисты были бессильны что-либо изменить в ее ошеломляющей способности перевоплощаться в любой образ. Стив с Алексом записывали для нее особенную музыку и песни. Даже мастер по освещению был в полной власти девушки. Иннеса настойчиво доказывала, что на подиуме можно быть не манекеном, а образом. Поэтому не позволяла собой руководить. И очень скоро ей удалось действительно стать не просто лучшей, не просто первой, а неподражаемой, уникальной, неповторимой и особенной.

В очередной раз просматривая выступления воспитанниц, Андре был восхищен демонстрацией Иннесы. Он даже не пытался скрывать своего восторга, зачастую работая лично с ней, без всей команды.

— Андре, Иннеса — это лучшая находка в этой дыре! — сказал Станислав, видя восторг на лице мэтра после выхода девушки на подиум.

— Она превосходна! Она может принести немалый доход. Подобных ей манекенщиц в мире единицы. Я просто поражаюсь тем, как ей с легкостью удалось заставить всех нас работать только на нее!

— Думаю, потом она поработает на тебя! — недвусмысленно заявил Стас. — Ты увезешь ее в Париж?

— Непременно! Ее нужно показать миру! Гонорары превысят миллионы! Уж я-то постараюсь!

— Ты не боишься, что птичка выпорхнет из гнездышка?

— Я заставляю ее подписать такой контракт, по которому она дажедохнуть не сможет без моего разрешения. Для нее Париж будет золотой клеткой, а она будет питаться из моих рук! — самодовольно сказал Андре.

— Смотри, как бы не наоборот! — улыбаясь, заметил Стас.

— У меня есть опыт, как заставить женщину быть послушной и полезной.

Станислав удивленно приподнял бровь, глядя на самодовольного собеседника, который уже не проявлял никакого интереса к тому, что происходило на подиуме. Выступления других девушек Андре не интересовали.

— Все очень просто, друг мой! Нужно просто заставить женщину влюбиться в тебя, и она в твоих руках!

Станислав рассмеялся:

— Пока что даже тыходишь к ней в комнату со стуком!

— Поверь мне, — уверенно сказал Андре, — важно входить без стука в сердце женщины, и тогда все двери, за которыми она прячется, будут перед тобой открыты! Я могу войти в любую дверь в этом доме безпреград, но это скучно. За всеми остальными дверьми нет интереса для меня. И очень скоро у меня будет ключ от заветной двери.

— Браво! Хорошо сказано, да только подействует ли это правило с Иннесой?

— Подействует или не подействует, ясно одно — или я ее приручу, или она приручит меня. Кто-то из нас обязательно изменит своим принципам. И спорю, что это буду не я!

— Поживем, увидим! Я не могу себе представить Иннесу послушной и воркующей возле тебя.

— А тебе не нужно видеть ее возле меня. Ты разве когда-нибудь видел возле меня женщину? Все они — дорогие украшения в моей жизни, а я люблю украшения, и всегда знаю им цену! И мне необходимо владеть лучшими из них. А ты, мой дорогой друг, поменьше засматривайся на нашу приму, а то твоя Алина тебе этого не простит! — то ли в шутку, то ли в серьез сказал Стасу Андре.

— Да что мне Алина!? Если бы не покровительство Федотовича, я бы уже давно от нее избавился!

— О, друг мой, ты ошибаешься, Алина также не нужна Юрию, как и тебе. Она с вами обоими только ради своей выгоды. На самом же деле она связующее звено между Юрием и Иннесой. Разве ты забыл, что он предлагал ей руку и сердце?

— Но все это в прошлом! — возразил Стас.

— Как бы не так! — засмеялся Андре, — Этот старый лис понимает, что Иннеса ему золотой билет в структуру, к верхушке. Из простого хозяйственника, благодаря удачному браку, он станет перспективным властидержателем.

Станислав задумался, конечно, правда была в словах расчетливого Андре, но неужели никто, кроме него, не видел истинной ценности Иннесы, ее ранимую душу, ее талант, ее красоту. Чудовищно было предположить, что она сможет полюбить Андре! Но, по правде сказать, у Андре было больше преимуществ быть ею любимым, чем у него. По

мастерству обольщения он явно уступал врожденному французскому шарму Андре.

— Смотрю я на тебя, и мне тебя жалко, дорогой Станислав! Маешься с Алиной, томишься по Иннесе, а тебя-то кто полюбит... — с усмешкой продолжил Андре, — твоя Алина поливает грязью фаворитку, не имея твоей поддержки, на что она надеется, и зачем ты все это терпишь?

— Черт их знает, этих женщин! А что понять можно в поведении Иннесы? — заговорил о своем Стас. — И прекрати Алину называть моей! Она вообще, по-моему, общая, и к тебе тоже не ровно дышит, между прочим.

Андре громко рассмеялся:

— Не смейся меня! Алина — это не мой интерес, даже если она останется единственная в мире! А вот Иннес, — Андре вдруг очень серьезно посмотрел на собеседника, — у меня планы насчет этой девушки, — словно предупреждая не влезать не в свое дело, добавил он.

Иннес, сойдя с подиума, тут же начала давать рекомендации, по свету. Механики и светооператоры, не пререкаясь, начали все исполнять. Пока другие девочки выходили на помост, Иннеса снова и снова прокручивала у себя в голове свой выход, и хотела продумать все до мельчайших подробностей.

Вот так иногда, прокручивая в своих мыслях все, что мы желаем воплотить в жизнь, сами того не подозревая, строим новый мир, и новый образ. Иннеса так преуспела в этом, что ее мысленное воплощение совпадало с реальными событиями. И это происходило каждый раз, когда она выходила на подиум.

В этот раз за ней пристально наблюдали не только горячо ее обсуждающие мужчины, но и Тамила. Она вошла в зал в момент выхода Иннесы на подиум. То, что она увидела, поразило ее! Она никогда не видела свою крестницу в образе, и та была великолепна!

Иннес скрылась за ширмой, Андре выкрикивал «браво», Тамила не смогла сдержать аплодисменты, Станислав радовался молча, но в душе был очень горд за эту удивительную девушку. Иннес вышла в зал, и с радостью бросилась в объятия крестной. Женщины обнимались, словно не виделись годы.

— О, девочка моя, ты прекрасна! — не могла сдержать восторга Тамила. — Твой образ на подиуме просто непревзойден.

— Спасибо тебе! Я так рада, что ты приехала навестить меня! Я быстренько переоденусь, и мы с тобой поговорим в моей комнате.

— Конечно, моя родная. — Тамила с гордостью смотрела в след своей крестной дочери.

Тамилу проводили в комнату Иннесы. Обстановка в комнате приятно удивила женщину, она понимала толк в хороших вещах и эти апартаменты были достойны принцессы. Внимание привлекал красивый букет роз, Тамила улыбнулась, вспоминая свои такие годы. «Дарите женщинам цветы...» — сказала она вслух, и потрогала нежные лепестки, вдохнула аромат.

Почему память старается подарить самые сокровенные воспоминания, едва в жизни появляется намек на былое? Звуки музыки, запах

цветов, нежные слова... Наверное, чтобы эти мгновения стали нам еще более ценными.

В дверь вошла Иннес, и они снова обнялись. И Тамиле хватило времени при этом жесте вернуть себе ощущение реальности, возвращаясь из страны воспоминаний, она принялась расспрашивать обо всем свою крестную дочь.

Иннеса восторженно рассказывала крестной маме о жизни в этом доме, о ее полном увлечении подиумом, но от чутких глаз Тамилы не возможно было скрыть ничего. Впервые за долгое время у Иннесы выдалась возможность выговориться, и она не могла остановиться. То плача, то восторженно смеясь, она рассказывала о тайнах ее девичьей жизни, а Тамилла вспоминала себя, свои тайны бытия, тоже плакала и смеялась... то плакала, то смеялась...

Уставшая Иннес уснула. Время было далеко за полночь. А Тамилла долго не могла отдать свой покой снам. И сон ходил в неведомых краях, не решаясь снова напомнить о былом.

Наутро было трудно прощаться, Иннеса старалась не расстраивать свою крестную и притворялась счастливой, а крестная притворялась, что верит этому.

Вот так мы привыкаем притворяться, и притворяемся до тех пор, пока сами не начинаем верить в это. И больше не слушаем голоса своего сердца. И Иннеса сейчас понимала, что ей неимоверно сильно хочется сесть в машину вместе с Тамиллой и вернуться в родной дом, к маме и отцу. Как же сильно она по ним скучала!

Тамилла словно слышала ее мысли:

— Я была у Светланы недавно, на выставке. Мы с ней поговорили. Ее сердце болит, она скучает по тебе. Анатолий не желает меня видеть в вашем доме. Они так сильно изменились.

Иннеса в ответ не могла ничего сказать, комок в груди не давал ей вдохнуть.

— Передай маме, что я люблю ее, — едва выдавила из себя Иннеса.

Женщины молча прошли к автомобилю. Осень заставила их запахнуть пальто покрепче и хранить тепло своих сердец.

— Береги себя в этом логове! — попросила Тамилла.

Иннес улыбнулась, вот уж правдивое сравнение. Со второго этажа на них уставились несколько пар глаз. Как в старом голливудском фильме — момент прощания, и взгляды завистников. Не хватало музыкального сопровождения за кадром. В реальности же только гадкий звук вороньей стаи озвучивал эту сцену.

— Спасибо, что ты со мной! — поблагодарила Иннес.

Когда автомобиль увез Тамиллу, Иннес осталась одна на холодном ветру в чужом дворе чужого дома. Девушке не хотелось возвращаться, и она решила пойти погулять в лесопосадку.

Солнце уже было холодным, его лучи скользили по озябшей земле и не могли согреть. Листья давно утратили свой пестрый цвет, и, недавно такой пестрый, ковер стал блеклым и неприглядным. Угнетающе доносилось с неба карканье воронья, неутомимая стая не хотела улетать прочь от только что вспаханного поля за посадкой. Природа ждала очищающего снега, но видно, снегу и самому не хотелось задерживаться в этом неприглядном краю.

Неторопливо покидая территорию поместья, Иннес с удовольствием вдыхала прохладный воздух. И кутаясь в пальто, улыбалась солнечным лучам, которые неожиданно выглянули сквозь пелену облаков и вот-вот должны были пропасть за большой серой тучей в полнеба. Как только она добралась до опушки леса, солнышко, блеснув, скрылось за тучей, и вороны, казалось, закричали еще громче. Среди деревьев ей стало теплее. Она оглянулась, сквозь ветки было видно всю усадьбу, как нечто нереальное. Усадьба белела посреди вычернившей земли, и не верилось, что там была ее уютная комната с розами на столе, и теплый свет софитов, освещающих святое святых этого дома — подиум. А природа тем временем погружалась в полную меланхолию. Черные вспаханные поля на горизонте, серое холодное небо, вороны, кружащие между небом и землей, шорох ветра между деревьев и беспредельная тоска.

Инна вглядывалась в гущу деревьев, направилась в небольшой круглой поляне, посреди которой был почти сказочный пенёк. Основание пеня облюбовала семейка опят, она сняла перчатку и коснулась сруба, он был мокрым и холодным. Жизнь давно покинула этот старый пенёк, но теперь он давал приют другим лесным созданиям. Он был похож на алтарь лесного храма. «Наверное, это было красивое дерево, — подумала Иннеса. — Деревья как люди...»

Рядом хрустнула ветка, и Иннеса испугалась.

— Испугал? Прости! — сказал Станислав, пробираясь к ней через ветки лещины. — Я видел, что ты пошла в лес, и подумал, что тебе будет холодно.

Он укутал девушку в принесенное им шерстяное одеяло. Ему было приятно согреть ее, обнять, и почувствовать ее так близко.

— Спасибо, — поблагодарила она, заглядывая в глаза своего неслучайного спутника в этом лесу.

Похоже, что Стас был очень доволен своим присутствием здесь, глаза сияли, улыбка была на устах. Его белая куртка выглядела недоразумением в этой обстановке. Он явно был не из этого мира, и, думая об этом, Иннес улыбалась.

— Спасибо, что позаботился. Я недолго здесь буду, — оправдывалась Иннес, — не нужно было так переживать.

— Ну, как я могу нашу приму оставить одну в лесу. А вдруг ты встречаешь диких и злых зверей!

— Маловероятно, все злые сейчас в столовой в поместье завтракают, — пошутила Иннес. — Так что мне здесь ничего не угрожает. Если только ты не пришел сюда, как волк к Красной Шапочке.

— Неужели ты меня воспринимаешь так негативно.

Девушка с вызовом посмотрела ему в глаза. Как ей было знать о его намерениях, если его Алина просто со света пыталась ее сжить.

— Поверь, что в этом доме, да и во всем свете ты не найдешь более преданного друга, чем я.

Иннес ничего не ответила, молча пошла дальше в лес.

— Может, стоит вернуться? — предложил ей Станислав.

— А мне теперь ничто не страшно с таким защитником, как ты!

Станислав поспешил за ней. Помогая девушке перебраться через поваленное дерево, он поймал ее в объятия, когда она чуть не упала.

Взгляды снова встретились, и он не захотел выпускать ее из объятий. Ее лицо было так близко к его лицу, что он почувствовал даже запах ее помады и не сдержался, чтобы не поцеловать ее, девушку, которую так нежно прижимал к груди.

Иннес не сопротивлялась, но и не отвечала взаимностью. Станислав осторожно разжал руки, и Иннес, спокойно высвободившись, не сказав и слова, пошла дальше.

— Иннес, стой! — Станислав не знал, какие слова ему говорить.

Он вновь догнал девушку и взял ее за руку. Ее рука была теплая и приятная на ощупь. Пытаясь заглянуть в глаза собеседнице, Станислав постоянно спотыкался и натыкался на пеньки и ветки. Иннеса улыбалась, но шаг не сбрасывала.

— Стой, — Станислав удержал ее у большого дерева и, прислонив спиной к стволу, ограничил ее движения руками, упершись в ствол дерева ладонями. — Я хочу поговорить с тобой.

— Странные у тебя разговоры, без слов.

— Инночка, солнышко, — начал Станислав, — то, что я тебе скажу, возможно, не понравится тебе, но я в самом деле хочу спасти тебя от неблагоприятной ситуации.

— Что ты хочешь от меня?

— Я от тебя ничего не хочу. Но не все так беспристрастны к тебе! Вернее, конечно, страсть к тебе у меня есть, только я ничего плохого не хочу тебе сделать. Ты понимаешь, что очень нравишься мне, и я только поэтому не хочу, чтобы тебя использовали, сломали и погубили.

Иннеса ничего не понимала, поэтому просто молча слушала и старалась хоть что-то понять из несвязной речи этого человека.

— Прошу тебя, подумай, зачем тебе все это? Ты занимаешь не последнее место в обществе, твои родители сделали огромные инвестиции в твою жизнь. То, что теперь происходит вокруг тебя, не достойно тебя, все интриги и склоки, Андре использует тебя. А что потом? Сможешь ли ты выстоять в этом волчьем урочище? Вернись домой, оставь эту затею! Ты талантлива, но ты очень ценный подарок для этого общества!

— Это что, ревность?

— Нет, ты меня не поняла.

Иннеса попыталась вернуть себе возможность двигаться, но Станислав не позволил ей. Взяв ее за плечи, глядя ей в глаза, вдруг сказал:

— Я люблю тебя!

Иннеса избегала прямого взгляда, и понятно, что не могла найти слов в ответ.

— Прошу, не надо!

Он отпустил ее, и девушка не торопясь направилась в обратную сторону, к поместью.

— Хочешь, я сниму тебя во всех клипах Алекса, и во всех клипах которые снимаю. Я сделаю тебя знаменитой, только брось эту затею с Андре.

— Я не люблю тебя! — прямо сказала ему Иннеса.

Эти слова Станислав мужественно вынес, но не стал отказываться от своей затеи убедить ее бросить школу Андре. Иннес слушала все, что он говорил, и ничего не говорила в ответ, и не позволила ему снова взять

себя за руку. Они вместе вошли в дом через задний двор поместья, Иннеса стремительно направилась в свою комнату, а Станислав в отчаянии остался на первом этаже перед лестницей. В растерянности он не знал, что делать дальше.

— Как погуляли? — услышал он голос Андре.

Андре стоял, опершись плечом в дверной косяк, в руке у него был бокал коньяка. В глазах неприятный блеск подозрения.

— Хорошо погуляли, — Станислав с вызовом смотрел в глаза сопернику, а именно таковым он его считал.

Андре в уме строил планы и не мог допустить, чтобы Станислав вмешивался в его гениальные планы. С этого момента он понимал, что необходимо действовать. И как только он увидел, что Станислав последовал за Иннесой в лес, принял контрмеры, позвонил Юрию Федотовичу и попросил подольше задержать Стаса в городе, когда тот придет к нему.

— У входа уже ждет машина, ты съезди в контору, реши проблему с арендой клуба, и о наших финансовых вопросах не забудь. Ну, ты знаешь что делать.

Станислав с тяжелым сердцем покинул поместье, с тоской оглядываясь, он пытался представить, что сейчас делает Иннеса. Он еще не знал, что больше недели ее не увидит, и что в этот момент Андре с бутылкой коньяка стучался в комнату Иннесы.

Иннеса открыла дверь на настойчивый стук. На пороге с двумя бокалами стоял Андре, из кармана его сюртука торчало горлышко бутылки, в зубах он держал алую розу.

Иннеса закрыла за ним дверь. На ней был лишь халат, потому как она только что вышла из теплой ванны. Андре взглядом буквально прожигал легкую ткань ее одежды. Приблизившись вплотную к девушке, коснувшись грудью ее груди, он предложил ей розу из уст в уста. Немного поколебавшись, девушка приняла ее, коснувшись щекой его лица. Андре освободил руки от бокалов, выставил на столик бутылку, снял свой сюртук, шарф с шеи. Иннеса как замороженная смотрела на него. Снова его дыхание обожгло ее шею. Андре обнял девушку, по ее телу пробежала дрожь, и почти теряя равновесие, девушка легко позволила взять себя на руки...

Станислав торопился, в цветочном магазине к мастеру флористу была целая очередь. Он почти терял терпение, пока флорист заканчивал его букет. В сложной конструкции букета герберы и лилии были возмутительно прекрасны!

Только автомобиль пересек главные ворота поместья, Станислав уже держался за ручку двери, чтобы поскорее добраться к заветной цели. Окрыленный, почти в полете преодолев два пролета лестницы, Станислав постучался в дверь к Иннесе. Дверь открыла улыбающаяся Иннеса, но тут же ее улыбка сменилась замешательством. Очевидно, что она ждала не его. В сердце кольнуло сомнение, и плохое предчувствие почти неминуемо отвратило весь момент встречи, который так тщательно представлял в уме Станислав. Иннеса сконфуженно предложила войти в комнату. Приняла букет, и старалась не смотреть в глаза. Стас заметил присутствие в комнате следов еще одного мужчины; два бокала, пепельница, прекрасный букет роз в вазе, шейный платок, владелец которого был очень хорошо знаком Станиславу.

— Я опоздал, — с горечью сказал Станислав.

Иннеса молчала.

— Девочка моя, неужели ты... — слова застряли на устах.

— Я не понимаю о чем ты, — солгала Иннес, — как там в городе?

— Да все ты понимаешь! Я же предупреждал тебя быть осторожной с Андре, а ты!.. — почти обвиняющим тоном сказал Станислав.

— Что я? — возмутилась девушка. — Я люблю его!

— О Господи! — сокрушенно простонал Станислав, и, швырнув букет в угол комнаты, вышел громко хлопнув дверью.

Иннеса осталась одна, она даже не могла понять, какие чувства сейчас испытывает. Поднимая разбитый букет, душе было очень больно, и сомнения терзали ее. Умываясь слезами, она старалась вернуть цветам былую красоту, но они были попорчены и выглядели жалко, так же, как и она — жалко и безжизненно.

Станислав ворвался в кабинет к Андре:

— Если ты ее обидишь, я тебя сживу с этого света, ты понял меня?! — не здороваясь, на повышенных тонах заявил Стас.

Андре наслаждался моментом, казалось, и не реагировал вовсе на слова влетевшего в его кабинет Станислава. Он улыбался самой неприятной улыбкой, на которую только был способен. Было явно видно, что он был доволен его реакцией и именно на это и рассчитывал.

— О чем это ты, дорогой мой друг?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем!

— Иннес подписала контракт, — смакуя каждое произнесенное слово, сказал Андре. — После показа, я забираю ее в Париж. На год ее жизнь расписана по секундам, и она полностью принадлежит мне. Потом, если она мне успеет надоесть, я верну ее тебе, конечно, если она захочет тебя!

— Что же ты за человек такой!?

— Я? Я всегда добиваюсь желаемого, особенно если мне это приносит прибыль и удовольствие. А тебе не советую вставать на моем пути, ибо ко всему, с чем у меня возникают проблемы, я быстро охлаждаюсь, и... — он с издевкой посмотрел в глаза Станиславу, — и избавляюсь, — добавил он!

Станислав вышел со двора поместья и побрел в глубь леса. Когда дошел до опушки, пошел снег. Тяжелые облака, казалось, уже не могли удерживать в себе эти легкие снежинки... Снежинки падали на лицо и таяли, неприятно оставляя после себя холодное прикосновение. Станислав запахнул полы пальто и, не обращая внимания на то, что снежинки ложились на его непокрытую голову, побрел к поваленному дереву, у которого впервые поцеловал свою Иннес.

Снег. Первый снег довольно быстро справлялся со своей задачей, покрывая все вокруг белоснежным покрывалом. Вот бы так прикрыть всю мерзость человеческой подлости и нечестивости! Через полчаса уже не было заметно следов Станислава, он сидел посреди леса, как изваяние, неведь откуда взявшееся, и снежинки оставляли мокрые следы на его лице... А может, это были слезы...

Вокруг сосредоточилась замерзающая грусть, которая сковывала и умиротворяла огонь в сердце. Наверное, то же самое чувствовал Кай, в санях у Снежной Королевы — безграничную замерзающую грусть...

В кабинете неприятно пахло сигаретным дымом, и Анатолий Викторович открыл окно. Поток холодного воздуха дохнул в лицо. Он интуитивно, защищаясь от холода, застегнул пиджак. Эта зима выдалась исключительно холодной, как руководитель города он ощущал на себе все невзгоды погоды. Кабинет стал почти родным домом, и проблемы города полностью съедали его личное время.

«Нужно будет поехать домой и сменить рубашку», — подумал чиновник, и ощутил неприятный осадок в душе, при слове «домой». Его дом, его крепость, превратится в склеп. Его жена, Светлана, ушла месяц назад, оставив его в огромном доме в полном одиночестве. Она не смогла пережить отъезд своей дочери за границу, и постоянный запрет на свидание с дочерью истощил нервы матери. Светлана сейчас находилась на лечении в санатории, и два дня назад он официально подписал бумаги о разводе. На работе не ладилось, предвыборная программа трещала по швам, личная жизнь разрушена, с дочерью никаких отношений, и перспектива не оставляла надежду на улучшение этого положения.

«Уйду на заслуженный отдых, куплю дачу на берегу реки, и буду рыбачить! — устало подумал Анатолий. — Вот бы Светланиных котлет, да пирог с яблоками...» Подобные мысли не доставляли облегчения, а наоборот, усугубляли и без того депрессивное настроение. Он пытался вспомнить что-то особенно теплое из прошлого, но вся жизнь, казалось, погружена в туман. Вспомнить, а что, собственно, вспоминать?

Любил ли? Наверное, любил, да только не было времени лишней раз сказать об этом, подарить любимой женщине лишнюю минуту своего внимания, своей любви.

Мечтал ли? В детстве мечтал... потом разучился. Реальные потребности заменили скрытые возможности, и мечты погибли. Сейчас даже не вспомнить, о чем мечталось.

Дружил ли? Друзья остались в памяти и на фотографиях юности. Как так вышло, что полезные связи вытеснили из жизненного пространства друзей? Почему перестал узнавать друзей при встрече?

Работал, стремился, не выходил из колеи даже на мгновение, чтобы не отстать, чтобы быть первым, или хотя бы в числе первых. Ради чего? Ради семьи! Но разве семья от этого выиграла? Очевидно, еще ради дочери! Но... собственными руками закрыл дверь перед своим ребенком. И теперь зачем ему все, чего он достиг? Ведь у него теперь нет того, ради чего он к этому стремился!

«Минута слабости... — подумал Анатолий и попытался взять себя в руки. — Я должен идти до конца!» И как бывает с сильными личностями, он сумел себя успокоить сознанием того, что он всегда всё делал ради благополучия жены и дочери, а они не сумели его понять. Теперь ему ничего не остается, как доказать им и себе, что он не ошибся, что от него зависело благополучие, и что теперь им без него не прожить.

Не закрывая окно, он вышел в приемную. Секретари что-то оживленно обсуждали, собравшись за одним столом, и при его появлении поспешили заняться каждая своим делом. Карина торопливо пыталась убрать в ящик журнал. Анатолий Викторович знал, что они рассматри-

вали глянцевого журнал мод, в котором было фото его дочери, и от этого немного разозлился.

— Карина, бросьте заниматься ерундой, зайдите ко мне. Нужно подкорректировать мое расписание на следующую неделю. Во вторник меня не будет, нужно пересмотреть график приема и командировок. И пожалуйста, сделайте мне кофе покрепче.

Пока секретарь готовила кофе, он закрыл окно, и расслабился, сидя в кресле. Его мысли уже умчались в будущее, а точнее в предстоящий вторник — он проводит Светлану. Конечно, он сделал так, как она просила, подписал бумаги о разводе, но намерен был снова просить ее не горячиться и найти компромисс в сложившейся ситуации. Но в глубине души понимал, что в душе этой женщины умерла любовь. Он собственными руками убил любовь в любимой женщине, ведь он так много требовал от нее — забыть своего ребенка.

При этой мысли сердце сжалось в комок, как котенок, что требует ласки. Анатолий уронил голову на руки и потер ладонями виски, человеческая усталость сковала его мысли, ему необходимо было сосредоточиться, взять себя в руки, и решить проблемы своей жизни. Но решения этих проблем лежали в иной плоскости его возможностей, ибо жить по-другому он не представлял возможности. С некоторых пор его принципиальность стала всеобъемлющей и абсолютно лишала его гибкости мышления и поведения. И даже понимая это, осознавая, что задыхается в своем коконе принципов и устоев, он не мог позволить себе «слабость» — стать другим!

Вошла Карина, поставила перед ним чашку кофе, два пирожных, и с готовностью открыла блокнот. Анатолий пригубил ароматный напиток и постарался сосредоточиться.

— Ты не стой, присядь, — обратился он к секретарю. — Смотрю я на тебя и думаю, как ты весь день на каблучках выхаживаешь?

Карина только улыбнулась, и послушно заняла ближайший к начальнику стул, напротив него. Девушка подумала: «Что это наш Папа, — так они его называли за спиной, — сегодня такой добренький?», и с превеликим удовольствием потихоньку вынула ноги из туфель, радуясь такой возможности.

После всех поправок и рекомендаций Анатолий велел всем идти домой и поблагодарил за работу всех сотрудников. Он сидел в своем кабинете и прислушивался к шуму за дверью. Когда в приемной воцарилась тишина, и ничего не было слышно, он не торопясь оделся и, взяв ключи, погасив свет в кабинете, вышел. Закрывая дверь, он смотрел на стол своего секретаря и пытался справиться с соблазном взять из ящика этого стола журнал и посмотреть на фото своей дочери. В комнате никого же не было, никто и не узнает. Он сел на место Карины и потихоньку отодвинул ящик стола. Глянцевая обложка приветливо засверкала, появившись на свет. Анатолий осторожно начал перелистывать страницы, сердце стучало в груди, словно он делал что-то нехорошее. Фото своей дочери он заметил сразу — красивая девушка в очень красивом наряде, такая хрупкая и нежная, уверенно смотрела в объектив. Его поразило выражение ее глаз, они были уже не детскими, взгляд взрослой женщины, глубокий, печальный и такой родной... Он с жадностью рас-

сматривал каждую фотографию, даже не заметил, как открылась дверь, и потом так же тихонько закрылась.

Карина забыла свою косметичку, и вернувшись увидела начальника сидящего на ее месте с журналом в руках. У него был такой жалкий вид, что ей на самом деле стало жалко этого, казалось, «не пробиваемого» человека. Тихонько затворив дверь, Карина не знала, что ей делать. «Ну, надо же, — подумала она, — ничто человеческое нам не чуждо!» Видимо придется пораньше прийти завтра, и она ушла.

Анатолий почти со слезами на глазах рассматривал фото в журнале, трепетно погладив холодную на ощупь бумагу. Положил журнал на место и подумал, где есть ближайший газетный киоск. Он вышел из здания администрации и направился вверх по улице к газетному киоску. Его водитель недоуменно остался стоять возле машины. Купив журнал, Анатолий вернулся к автомобилю, на его лице была улыбка. Водитель ни о чем не стал спрашивать, и Анатолий поблагодарил случай, что ничего не нужно объяснять.

* * *

Светлана накинула на плечи теплую вязаную шаль и подошла к окну. На улице шел снег. В комнате пахло апельсинами, которые ей вчера привезла Тамила, и ей совсем не хотелось спускаться к завтраку в столовую санатория. Не хотелось и апельсинов, и вообще ничего не хотелось. Немного понаблюдав за падающим снегом, Светлана обратила свой взор к горизонту. Верхушки сосен не позволяли ей видеть линию горизонта, но она знала, что где-то там далеко, за этими деревьями, за этим лесом, за этим городом, за тысячу километров, есть ее Иннеса, ее родной ребенок, по которому она так сильно скучала.

Во двор санатория въехала машина, Светлана узнала служебный автомобиль мужа и подумала: «О, неужели уже вторник? Как быстро проходят дни!» Она без энтузиазма стала надевать свой лыжный костюм, мимо воли вспоминая, как они покупали этот костюм с Анатолием в Альпах. И от этой мысли стало еще хуже на душе.

В дверь постучали. Светлана открыла дверь. Это был водитель ее мужа, он держал в руках огромную корзину фруктов. Светлана указала где ее поставить:

— Скажите Анатолию Викторовичу, что я через пять минут к нему спущусь.

— Хорошо, Светлана Игоревна. Вы хорошо выглядите, — сказал ей из вежливости молодой человек.

— Спасибо, Игоречек, спасибо, дорогой, мне на пользу видно это место, здесь тихо как в гробу, и только мысли не дают покоя.

— Ну, что вы так печально, ведь красивейшее место! В эту пору здесь просто рай.

Женщина устало улыбнулась в ответ. Когда водитель ушел, Светлана надела куртку, взяла варежки и вышла из комнаты.

Анатолий наблюдал, как его жена вышла из двери санатория и направилась к нему, он пошел ей навстречу. Встретившись, поцеловал ее в

щеку. Ее щека была еще теплая, он обнял свою уже бывшую жену. Она прикоснулась к его прохладной щеке своей щекой и не ответила ни на поцелуй, ни на объятия.

— Здравствуй, Света.
— Здравствуй, Толя.
— Прогуляемся?
— Давай. Ты не замерзнешь в своем пальто? — позаботилась Светлана, скорее по привычке, чем из соучастия. — Ты хоть свитер одел?
— Одел, одел. Пойдем в лес.
— Ты же в туфлях, какой лес?
— Да, я не подумал, ну, тогда где здесь у вас можно прогуляться?
— Пойдем, на заднем дворе есть сквер и лестница к реке, там очень мило. Мужчина послушно шел за своей женой. И как в юности, неуверенно предложил ей свою руку. Светлана взяла его под руку и шла молча.
— На той неделе я подписал документы. Как ты просила, — начал Анатолий.

Светлана, казалось, даже не слышала его слов, на ее лице была умиротворенная улыбка, и взгляд, устремленный под ноги.

— Спасибо за фрукты, — вдруг сказала она.
— Да не за что, что ты. Это малое что я могу. Может, ты хочешь вернуться домой? Давай забудем все, что произошло. Свет, я прошу тебя, не мучь меня.

Светлана улыбалась. Анатолию стало не по себе.

— Вот смотри, что я привез тебе. — Анатолий из внутреннего кармана пальто достал глянцевого журнала.

Его жена не стала даже в руки брать его.

— Спасибо, у меня уже есть. Мне вчера Тамилы привезла этот журнал.

Анатолий виновато вернул журнал на место и, застегивая пуговицы, смотрел в глаза своей Светланы. Она, видя мольбу в его глазах, жалилась над ним:

— Тамилы говорит, что у нее там все хорошо, — стала рассказывать о дочери Светлана, увлекая мужа, бывшего мужа, по очищенной от снега дорожке в сквер. Она покоряет Францию. На Неделе мод произвела фурор. Ее отметили как лучшую модель. Ей предлагают блестящую карьеру.

— Это, наверное, хорошо, — неуместно сказал Анатолий.
— Но я не верю! — вдруг сказала мать. — Ты видел ее глаза?
— Видел, — сказал Анатолий, и в его душе зарождалось беспокойство — повзрослела наша девочка.

То, как на него посмотрела после этих слов Светлана, на некоторое время просто оглушило его. В ее взгляде было столько укора, злости и ненависти!

— Я чувствую, что она страдает, ей там нехорошо.

— Света, я тебя умоляю, не нужно придумывать. Не мучай себя. У Инны все хорошо, ты же сама говоришь, ее заметили, ее отметили, ведь она стремилась именно к этому.

Снежинки садились на волосы Светланы, и Анатолий подумал, что он и шапку забыл одеть. Словно читая его мысли, Светлана смахнула с его волос снег и, уткнувшись лицом к нему в плечо, тихо заплакала.

Стоя под снегопадом, Анатолий понимал, что его мир сейчас ограничен только вот этим пространством, в этом квадратном метре сейчас находилось все, что было ему необходимо для жизни. Но все это он сумел потерять. Зачем ему теперь все остальное?

— Света, давай я увезу тебя домой? Зачем тебе мерзнуть здесь в одиночестве?

— Толя, я не хочу домой. Я не хочу домой с тобой. Прости.

Анатолий понимал, что настаивать сейчас бессмысленно. Пройдет немного времени, и, возможно, все изменится. Возможно, все станет по-другому. Возможно, все будет хорошо. Вот только пройдет зима, и все будет, как было прежде. Он тешил себя надеждами, которым не суждено было сбыться, но он не позволял себе поверить в это. Да и как поверить в то, что в прошлом осталась твоя жизнь, и теперь нужно жить только этим днем. Но и в этом дне у него ничего не осталось.

Разрушая свой мир, нужно помнить, что сил на создание нового может и не хватить. Так же, как и все силы, потраченные для создания мира своей мечты, могут быть потрачены впустую, потому как самое важное в твоём мире, возможно, останется не с тобой!

Анатолий уезжал с тяжелым сердцем из санатория. Оставляя Светлану, он еще долго не мог прийти в себя от ее холодного и потерянно-го взгляда. В ее глазах грусть, холод души и лед непонимания сводили с ума и заставляли сердце сжаться. А ведь все было так хорошо, что же с ними стало, когда все стало рушиться? И неужели во всем этом виноват только он?

Когда Анатолий уехал, Светлане стало нестерпимо и невыносимо грустно. Ее депрессивное состояние усугубилось еще сильнее. Она стояла на опушке соснового леса и всматривалась вглубь деревьев, там было тихо, спокойно, и белым-бело. Женщина шагнула вперед, под ногами хрустели ветки, которые засыпало снегом, несколько раз ей пришлось споткнуться и почти упасть. Подняв голову и устремив взгляд к верхушкам деревьев, она наблюдала, как снег медленно спускался с неба, большие серые комочки падали на нее сверху, и только внизу под ногами они превращались в белое пушистое покрывало. Светлана села на снег, слезы смешались с растаявшими снежинками у нее на лице. «Мне нужно идти, я должна быть с ней», — подумала женщина и направилась в сторону шоссе.

Анатолий Викторович, как и планировал, в этот день не стал возвращаться на работу, и приехал в свой пустой дом, развел камин. Пришла кухарка, готовить ему обед, он сел в гостиной, чтобы согреться у камина и выпить аперитив. Звонил телефон, Анатолий не стал поднимать трубку. Телефон никак не хотел утомиться, в конце концов, трубку взяли на кухне, и кухарка пришла к нему, сообщив, что его срочно требуют к телефону.

— Але, — недовольно сказал в трубку Анатолий, — я слушаю.

— Здравствуйте Анатолий Викторович, — он узнал голос Карины, — вы простите, что я вас беспокою, но звонят из санатория, там что-то случилось со Светланой Игоревной.

Анатолий, ничего не говоря, сбросил звонок и стал по памяти набирать номер санатория, но память его подвела, он не помнил номер, стал

искать телефонную записную книжку, там тоже не было номера, вспомнил, что записывал в блокнот, он бросился к пиджаку, в это момент снова звонил телефон...

— Да, — дрожащим голосом ответил Анатолий.

На том конце провода кто-то таким же дрожащим голосом сообщил, что Светлана погибла, ее на большой скорости сбил на шоссе автомобиль, она выскочила на дорогу при плохой видимости. Ему нужно было срочно приехать, чтобы уладить все формальности.

Леденящий холод, и тысячи километров пространства покрывало снегом, которому вероятно не суждено было растаять. И падал снег, и падал снег... Большие серые комочки, это последнее, на что смотрела Светлана, умирая на дороге, в тысячу километров расстояния от своей дочери, к которой так стремилась ее душа. Ну уж теперь не было никаких преград... Крылья, большие белые крылья, увлекали ее, и снежинки стали белыми и теплыми...

* * *

Иннеса с трудом открыла глаза. От усталости болела каждая клеточка ее тела. Казалось, даже волосы болели!

— Кого это в такую рань? — сонным голосом возмутилась девушка, — Алле!

— Ты что, моя дорогая, все еще спишь? — услышала она, по-французски, голосом Андре.

— Сплю, — призналась она, — у меня нет сил, чтобы встать, дай мне еще часок.

— Сколько раз говорить, разговаривай со мной на французском, тебе нужно тренироваться. Как ты будешь общаться с прессой? Я уже устал отбиваться от интервью.

— Хорошо, только не кричи.

— Я приеду через полчаса, чтобы ты была готова!

— Зачем так рано, показ только вечером, дай мне хоть подня отдохнуть.

— Никакого отдыха, я договорился о фотосессии, у нас час на все про все.

Разговор был закончен. Иннеса едва заставила себя встать с постели и отправиться в ванную. После душа, шлепая босиком по полу, она пришла на кухню сделать себе фреш сок. Ноги болели, не хотелось одевать даже банные тапочки!

«Нет, без кофе я не проснусь», — подумала девушка и принялась готовить себе к соку еще и кофе.

Уже два месяца она как белка в колесе бежит без передышки, с одного показа на другой, с одной фотосессии на другую. Нет времени даже сесть и подумать. Девушка старалась вспомнить, когда они в последний раз разговаривали с Андре по душам. И почему пока его нет, она так сильно по нему скучает, но стоит ему появиться и он словно нарочно делает все, чтобы она на него злилась. Потом вечер при свечах, любовь, слова и поцелуи, и все по новому кругу...

Приехав во Францию, Иннеса заметила сильные перемены в поведении Андре. Он бесцеремонно относился к ней и игнорировал все ее просьбы, да и саму ее часто оставлял в полном изолированном одиночестве. Она не имела права выходить хоть куда-то без него, могла разговаривать с репортерами только в его присутствии, подобные ограничения просто сводили ее с ума. На любую ее просьбу он отвечал, что в контракте это не указано. Но и сам контракт Иннеса в глаза не видела, а то, что она подписывала, было на французском языке. В голову закрадывалась злая мысль, что он просто ее обманул.

Через час они с Андре уже мчались за город, на фотосессию в какой-то замок. Иннеса спросила:

- Андре, я могу прочитать наш контракт на русском языке?
- Зачем это тебе?

Иннеса заметила, как напрягся его администратор, который всегда и везде был с ним рядом.

- Я хочу знать, что там.
- Что тебе следует знать, ты все знаешь! — грубо ответил ей Андре.
- Что тебе не нравится? Ты живешь в лучшем районе города, из твоего окна видно Эйфелеву башню, питаешься в лучших ресторанах Парижа, выходишь на самые именитые подиумы, печатаешься во всех эксклюзивных журналах. Что тебе еще не хватает?

— Мне всего хватает! — обиженным тоном ответила Иннеса. — Мне не хватает простого человеческого отношения.

— А что ты хочешь, у нас с тобой деловые отношения! И это прежде всего, все остальное потом.

— Значит, деловые? — возмутилась Иннеса. — Просто деловые отношения! — с яростью добавила девушка.

— Ну, ну, не горячись, девочка моя. Ты устала, я обещаю тебе пару дней отдыха. Ты же понимаешь — пока ты на виду, к тебе идет удача, модельный бизнес такая вещь, чуть зазеваешься и ты уже у подножия подмоستков, и никто о тебе и не вспомнит.

— Почему ты больше не приходишь ко мне? — спросила его девушка.

— Солнце мое, сама говоришь, что тебе нужно отдыхать. Я же не могу рисковать тобой.

Иннеса поняла, что он юлит, и от этого еще больше стала злиться. Но злилась она по большей части сама на себя. Полюбить такого бесчувственного человека, вот угораздило же ее на это! Печально было осознавать, но Андре любил только деньги и красивые декорации своего существования.

— Кто оплачивает квартиру, и все остальное?

Этим вопросом она просто вывела Андре из себя, он, не подбирая слов, стал говорить ей, что ей не следовало бы вообще задавать такие вопросы, и благодарить его за то, что он и так вытащил ее из захолустья, привез в столицу моды, и что не ей ставить условия пребывания здесь. И стало понятно, что за всё, и все удовольствия жизни Андре, деньги идут из ее гонораров. Спорить и доказывать не было смысла. Теперь все постепенно становилось на свои места.

— Скорее бы прошел год! Я не хочу больше никаких деловых отношений с тобой!

— В контракте сказано, что если за первый год у меня к тебе не будет никаких претензий, то ты получишь свои гонорары в полном объеме, за вычетом расходов на содержание, стилистов, и оплаты мероприятий по раскрутке, то есть рекламу!

— Я так понимаю, что с таким подходом тыпустишь меня по миру до того как нужно будет со мной расплачиваться!?

Андре ехидно улыбался, и Иннес готова была впиться ему в лицо!

— Тихо, тихо, — успокоил ее Андре, — при нарушении тобой контракта с тебя взыскивается неустойка.

В этот вечер Иннеса была особенной на снимках, ее образ был безупречен, потому как всю злость и досаду она направила на работу, и этой энергии хватило бы перевернуть горы.

И вернувшись поздно ночью домой, захлопнула дверь перед носом Андре. И ни на какие его уговоры не поддавалась, прислонившись спиной к двери, безмолвно плакала. Отчаянье и безнадега душили, а в окне мерцала мечта всех романтиков и влюбленных людей — Эйфелева башня. О Париж, Париж, город любви и романтики!

Поздней ночью Иннеса, немного успокоившись, накинув плед на плечи, с чашкой кофе вышла на балкон. Откуда-то издали доносилась музыка. Были слышны клаксоны автомобилей и шум шин. Рядом, на соседнем балконе ворковали голубки. Инна, пригубив теплый кофе, наслаждалась ароматом и видом ночного Парижа. Башня, как новогодняя елка, сияла в полгоризонта. Подумать только — полмира стремились побывать в этом городе! Но романтика быстро улечивается, и остается привкус обыденности, когда в один прекрасный день, проезжая мимо Эйфелевой башни, ты даже не смотришь в ее сторону.

Так бывает, когда долгожданная мечта сбывается, и ты, заполучив то, к чему так долго стремился, вдруг понимаешь, что не знаешь, что со всем этим делать дальше. Просыпаешься следующим утром, и словно мир осиротел — твоя мечта сбылась, она рядом, но ты чувствуешь неимоверную пустоту в душе, которую не знаешь, чем заполнить. И в этот момент твоя долгожданная мечта, которая сбылась, теряет всю свою привлекательность, и в новом свете, в новом, сегодняшнем, мире кажется не такой уж удивительной. Чувство неимоверной усталости делает тебя невосприимчивым к собственной радости, и волшебство рассеивается...

Иннеса вспомнила, как сияли звезды на ночном небе над дачей Тамилы, привкус чая с мелиссой и запах цветов... И душу наполнило отчаяние. Её мечта сбылась, но заплачена слишком большая цена, ее обманули, использовали.

Слез уже не было, и сил злиться тоже — Иннеса наблюдала за жизнью внизу, а Париж, казалось, вовсе не ложился спать, и понимала, что это чужой ей мир. Покорив подиумы столицы моды, Иннеса не сумела покорить сердце Андре. Он, как и прежде, сохранил верность единственному человеку достойному его любви — себе самому! В конце концов, в шоу-бизнесе каждый отстаивает только свои интересы, и Иннеса понимала, что сейчас подписаны десятки контрактов, и если она не выполнит обязательства, то Андре будет уничтожен. Конечно, ей нужно будет выплачивать неустойку и он все сделает, чтобы стереть ее с

лица Земли. Нужно было искать выход из плена и стяжательства, но хватит ли сил...

Светало, и Иннеса не расстилая постель, уснула в гостиной под пледом. Ей снился сон, тяжелый и мрачный, во сне она тяжело дышала и вздрагивала. И только открыла глаза, зазвонил телефон.

На том конце провода была Тамила, и Иннеса обрадовалась, услышав родной голос, но то, что она услышала потом, шокировало ее. Тамила рыдала в трубку, ее слова сливались со слезами, эмоции не давали ей ничего толком рассказать, да и Иннесе уже все было понятно — ее мамы больше нет.

Словно ночь и не кончалась! Иннеса как в крошечной тьме натыкалась на мебель и не могла ничего понять и разглядеть в реальности, боль в груди была такой сильной, что невозможно было дышать, и думать, и... жить.

Мир стал таким микроскопическим, что Иннесе, казалось, некуда даже шагу ступить. Вот если бы исчезнуть вовсе, наверное, тогда бы стало легче. В один момент расстояние стало невыносимым, и само пребывание в этом месте стало нелепым. «Что я здесь делаю?» — задавала себе вопрос Иннеса, и не могла уже дать себе ответа.

Когда в дверь постучали, Иннеса открыла с видом человека, которого лишили жизни и воли. Андре не на шутку испугался. Он суетливо проследовал за девушкой в комнату:

— Ты что творишь? Ты посмотри на себя? До чего ты себя довела!

Инна молчала, он тряс ее за плечи, а она ничего не могла ему сказать.

— Сумасшедшая, у тебя вечером показ, ты что, хочешь все испортить своей истерикой!?

— Ненавижу! — со злостью произнесла девушка, — Ненавижу тебя!!!

— Не понял! — рассердился Андре.

Иннеса теряла самообладание, начала бить Андре по лицу и кричать на него, рыча и брыкаясь. Он не мог удержать ее силой, в конце концов ударил ее по лицу. И Иннеса в мгновение успокоилась и, прислонившись к стене спиной, опустилась на пол.

— Уходи!

— Я не уйду! Не уйду, пока ты не возьмешь себя в руки!

Иннеса вскочила на ноги и, схватив вазу, швырнула ею в Андре! Он уклонился, и ваза пролетела мимо его головы, попала в огромное стекло, которое высыпалось из рамы миллионом осколков.

В этот день Андре понимал, что потерял Иннесу навсегда, его миллионные планы рухнули в один момент вместе с разбитым стеклом. Он пытался удержать ее, не отпустить на родину, но ничто не могло удержать Иннесу. Он лично купил ей билет домой, и знал, что она больше не вернется. Как и знал, что его карьера уже никогда не будет на такой высоте. Все доходы от проектов были направлены только в его пользу. Иннеса осталась в стороне, и ничего не требовала. Из этого предприятия уже невозможно было получить прибыли, поэтому он даже обрадовался, что проблема так легко решилась и Иннеса просто исчезнет из его жизни.

В день отъезда Андре приехал проводить Иннес в аэропорт, девушка послушно вышла к машине, но, не обращая внимания на него, села

в такси и уехала. Провожать ее дальше он не стал, понимая, что этим шагом девушка стерла его из своей жизни и памяти.

В самолете у Иннесы при взлете началась истерика. Дрожащими руками она пыталась пристегнуть ремень безопасности, слезы катились из глаз, она пыталась не обращать на себя внимания, но тщетно. Некоторые пассажиры стали ее узнавать, у многих в руках были модные издания журналов. Наконец-то ремень безопасности поддался и щелкнул, Иннеса перевела дух, и прошептала:

— Боже, как я хочу, чтобы этот чертов самолет упал!

Сидящая рядом женщина, услышав такое выражение, с испугом и возмущением уставилась на странную соседку. Видя, что девушка не в себе, она стала торопясь креститься, про себя бормоча молитву.

Шасси оторвалось от взлетной полосы, Иннеса почувствовала этот разрыв, теперь они все были в Божьих руках, а ей, собственно, уже было все равно...

Прищулив веки, Иннеса всматривалась в бесконечный горизонт над облаками, в самолете был слышен приглушенный гул голосов, по телевизору показывали рекламу, за бортом солнце и пелена облаков. Странно было наблюдать, как солнце искрилось над облачным фронтом. «А люди внизу не видят солнца... — подумала девушка. — Но ведь от этого оно никуда не делось, и небо все такое же голубое, и даже между небом и землей жизнь продолжается».

Но она не могла найти себя во всем этом, ни на земле, ни в облаках, и с этой мыслью девушка погрузилась в сон.

* * *

Был прекрасный солнечный день, весенние улицы были полны луж, и серыми кучами виднелись горки снега на газонах. Город просыпался от зимней спячки и прихорашивался. В воздухе пахло весной, щебетали воробьи и даже пробки на дорогах не портили настроения. Иннеса чуть приоткрыла окно в автомобиле и вдохнула воздух, пахло гарью и выхлопными газами, но зато громко стало слышно гомон птиц. Даже городской шум не мог заглушить этот голос весны. Сквозь стекло приятно грело солнышко.

Четверть часа спустя машина, в которой находилась Иннеса, въехала на знакомую улицу, и сердце девушки учащенно забилося. У ворот родительского дома Иннеса вышла и направилась к двери. Не колеблясь, позвонила, дверь открыл молодой парень. И Иннеса беспрепятственно вошла во двор дома. Все было как всегда, все на своем месте, садовник возился в саду и поздоровался с ней кивком головы. Входная дверь была не заперта и Иннеса вошла в дом.

Когда-то ее встречали здесь мама и папа, дом был родным и теплым, теперь он казался каким-то неестественно натуральным, словно копия с оригинала ее памяти, вот как будто все на своих местах, но все не родное, и нет ощущения того, что ты вернулся домой.

Поднимаясь по лестнице в комнату отца, Иннеса не торопливо ступала по ступеням, словно пытаясь пропустить впереди себя свои вос-

поминания, для того чтобы дом ожил. У двери в комнату отца она чуть задержалась, собравшись с духом — переступила порог.

Отец сидел напротив окна в кресле, его ноги были укрыты теплым пледом, после инсульта он почти не ходил, его лицо выражало грусть и печаль. Кто знает, о чем он сейчас думал, и вообще, какие мысли посещали его голову... Дочь, глядя на беспомощного отца, испытывала глубокое чувство жалости.

— Пап, привет, — поздоровалась она, присаживаясь возле него на корточки, — папочка, я пришла сказать тебе до свидания. Мы сегодня уезжаем в Москву. Станислав будет продюсером в реалитишоу, где мне предложили работу ведущей. Представляешь, он купил под Москвой нам дом, я смогу работать до самых родов, а потом наслаждаться материнством в собственном доме. Он сказал, что детская комната почти готова, все ждет нашего приезда.

Иннеса взяла руку отца, он слегка сжал ее в своей ладони. Отец пытался улыбаться. Она поднесла его руку к своей щеке, и прижалась к теплой руке отца. Иннеса испытывала болезненные чувства, ей было больно видеть отца в таком состоянии. С того самого дня, как она вернулась из Парижа и на похоронах матери во всем обвинила своего отца, прошло почти два месяца, в течение которых она не видела своего отца, и не проводывала его в больнице, но уехать не попрощавшись она не могла.

— Пап, ты прости меня, — Иннеса едва сдерживала слезы, — на самом деле это моя вина. Все изменилось, теперь нужно жить дальше. Если сможешь, прости.

Руки отца дрожали, он пытался удержать руки дочери, но сил у него не хватало. Иннеса, не в состоянии сдержать слез, плакала и понимала, что сильно расстраивает отца.

— Не переживай, все будет хорошо, Тамила присмотрит за тобой, я буду приезжать к тебе. Если ты, конечно, захочешь.

Отец с трудом кивнул головой в знак согласия. Иннеса поцеловала отца и, оставив его в комнате одного, ушла.

Было не трудно покидать этот дом. В нем ничего не осталось, что было так дорого сердцу. Видеть страдания отца было невыносимо, но и оставаться с ним было нелегко! Принимая решение начать жизнь с чистого листа, все равно же в уме остаются продуманные ранее шаги и пережитые ситуации, подарившие опыт. Ведь прошлое никогда не обнуляется до исходного значения. Всегда есть шанс, пусть даже мысленно, пережить событие прошлого еще раз и посмотреть на все по-другому. Переживая прошлое еще раз, есть всегда возможность изменить свое отношение к этому. Переживая как бы заново то, что так сильно нас омрачило, мы приобщаемся к важному опыту и меняем ход судьбы. Вот это и есть шанс!

Иннеса хотела попробовать еще один шанс стать счастливой. Конечно, прошлого было не изменить, но и будущего никак не предугадать. Остается лишь настоящее! А настоящее было прекрасным — идет весна, она молода и красива, ее ждет любящий человек, она скоро родит ребенка, будет жить в красивом доме...

Ну, вот! Видите, как легко потерять чувство настоящего момента! Умейте наслаждаться не тем, что будет и к чему стремитесь, а тем,

что есть, и что уже случилось с вами, и придавайте этому самую большую ценность, ибо никто не знает, что будет с Вами в следующую минуту времени. И Иннеса уверенно покинула дом, она еще вернется сюда, когда-нибудь, когда-нибудь... А сейчас она ушла, что бы измениться, и изменить ход своей судьбы. Чтобы сполна насладиться весной, чтобы сполна насладиться любовью, чтобы сполна насладиться жизнью. И уж поверьте, все, что будет в днях настоящих печальным и трагическим, никак не повлияет на свет, который ждет нас за поворотом. Нужно только продолжать идти своей дорогой, чтобы там, за поворотом, твоя судьба снова тебе улыбалась!

Никогда не стоит терять ощущения жизни, даже ради самых близких людей не рискуйте оставить свой шанс неиспользованным, ибо счастье свершения и востребованности в этой жизни — это великое приобретение человека. Жить во имя и ради кого-то очень похвально, но при этом важно использовать все свое полномочие вправе прожить собственную жизнь. И гордиться каждым днем, прожитым в счастливом мгновении или печальном волнении, ибо только так в следующем дне мы понимаем истинную цену жизни!

Иннеса во дворе родительского дома, подставив лицо солнцу, улыбалась. Солнце высушивало ее слезы, а память дарила прекрасные моменты прошлого, мамин голос... папины объятия... все это было в ее жизни... она была счастлива. Была и будет, ибо счастье всегда с нами, только помнить нужно в каком уголке сердца оно притаилось. Она была дочерью, такой, какой смогла быть, проживая свою жизнь, и видит Бог, ее любовь к родителям не стала меньшей ни на секунду.

«Жаль, мама этого не видит!» — подумала Иннеса, и улыбнулась встречающему ее у машины Стасу.

А в комнате на втором этаже, в одиночестве, сидел немолодой человек, и по лицу его катились крупные слезы. Он смотрел вслед своей дочери и молил Бога, чтобы у нее все было хорошо. Из всей силы своей родительской любви молился, и Мир внимал его мольбе, даруя успокоение его израненному сердцу!

Вадим Петров

ДОКТРИНА 77 ИВАНА ОХЛОБЫСТИНА. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Зря нас душит горечь или смех,
если учат власть интеллигенты:
в сексе понимают больше всех
евнухи, скопцы и импотенты.
*И. Губерман. Из сборника
«В любви все возрасты проворны».
(Приводится в редакции оригинала)*

А еще я, в сортире, ночами,
Перечитывал Горького «Мать».
И клозет испоганил бычками,
Не умея с собой совладать.
Из песни времен Перестройки

Самые острые ножи прячутся под
самыми мягкими подушками.
Из телевизионного сериала «Тюдоры»

Недавно жизнь страны ознаменовалась появлением нового кандидата в видные политики. Ранее И. Охлобыстин был известен знатокам киноискусства в качестве исполнителя роли Г. Е. Распутина. Гораздо более он прославился ролями шута Ивана Грозного и руководителя практики молодых врачей в телевизионном сериале «Интерны». Многим запомнилась его оригинальная реклама этого сериала. А его слоган «После того, как милиция стала полицией, я хочу, чтобы врачи стали лекарями», явно был создан с претензией на то, чтобы стать крылатым. И вот произошло событие, которое вряд ли кто-то, кроме его непосредственных организаторов, мог предвидеть. 10 сентября 2011 года И. Охлобыстин появился перед многочисленными зрителями на крупнейшем стадионе Москвы «Лужники» с выступлением

о необходимости переустройства нашей страны. Данное выступление заслуживает его подробного разбора. Но сначала необходимо сделать одно предварительное замечание. Выступление И. Охлобыстина по своему содержанию достаточно многогранно и в данной статье будет осуществлена попытка осмысления только некоторых из его многочисленных аспектов.

В начале своей речи И. Охлобыстин сказал: «...мне выпала величайшая честь — озвучить то, о чем думает каждый русский человек, ... кто не боится признавать свои ошибки, чтобы с учетом оных вступить в светлое возрождение своей родины. Я не первый, кто понял эту тему» (с. 1)¹. Судя

¹ Здесь и в дальнейшем, в круглых скобках без ссылок приводятся номера страниц распечатки из Интернета выступления И. Охлобыстина на стадионе «Лужники»

по дальнейшему тексту выступления, здесь, очевидно, вместо слова «понял» должно было быть слово «поднял».

Чуть ниже И. Охлобыстин указывает на то, что по заявленной им теме уже были написаны многие работы: в 2007 году коллективом авторов под руководством Виталия Аверьянова; работы Севастьянова, Холмогорова, Савельева, Петро Грицко, Алимова и много других (с. 1). И. Охлобыстин сказал: «Много еще было заслуживающих упоминания работ по этой теме, но ни один из них [именно так в распечатке. — В. Петров] не услышан. Нет, причина отнюдь не в ошибках, допущенных авторами, **причина заключалась в несостоятельности самой русской общест-венности — услышать эти преданные России голоса**» (с. 1) [выделено мной. — В. Петров]. Такое построение речи предполагает постановку вопроса о том, почему же автор считает, что в настоящее время его могут услышать. И ответ дается. «Духовно-информационный вакуум поглотил эти голоса, и надо быть благодарным Богу и времени, что сейчас этот вопрос, наконец, заинтересовал людей. И я вдвойне благодарен Господу, что он предоставил мне эту возможность, что здесь, на самом большом стадионе самой большой страны в мире можно открыто говорить об этом» (с. 1).

Выступление явно направлено не только на умы, но, и в гораздо большей степени, на души присутствующих. Выступающий использует поэтический образ. «Но наступает время, когда правда, словно нежный росток, взламывает метровые стены из бетона стремясь к небу» (с. 1). Говоря о «метровых стенах из бетона» автор явно имеет в виду завалы лжи на пути правды, хотя прямо их и не называет. Далее И. Охлобыстин продолжает: «И сейчас не время учеников, сейчас время учителей. Хотите вы этого или нет, своим присутствием сегодня здесь

вы получили это право — быть учителями. Всю оставшуюся жизнь вы не простите себе, если отрините эту великую честь, эту великую ответственность» (с. 1). Здесь автор, обращаясь к присутствующим, призывает их всех, во-первых, стать его адептами, а, во-вторых, преодолеть сомнения, которые у них могут возникнуть по ходу его выступления. Насколько присутствовавшие на выступлении И. Охлобыстина готовы стать его последователями и, одновременно, «учителями», покажет только время.

Во вводной части своей речи докладчик приводит следующие положения, в которых формулирует задачи своих последователей. «Всю свою жизнь со своими последователями вы будете искать способы утверждения этой истины, страдать за нее и диктовать миру, нести свету мир, побеждать на полях сражений, возглавлять государство и отдавать последний кусок хлеба нуждающимся в нем. Это и есть настоящая участь настоящих учителей» (с. 1). Завершает И. Охлобыстин вводную часть обоснованием своего права ставить перед слушателями сформулированные им задачи: «Ценой спасения собственной души я утверждаю это, потому что верю в это, а значит, знаю это, а значит, имею право говорить это» (с. 1).

В своем выступлении И. Охлобыстин приводит определение империи. В его исполнении оно звучит так: «Империя — образ мысли, освобожденный от временных и социальных условий, в пользу утверждений при построении империи, как единственной органичной формы государственного устройства России. Чистая логика человека, мыслящего категориями тысячелетий, чувствующего на себе ответственность за весь мир» (с. 2). В таком своем понимании автор несколько отходит от строго академического значения этого термина. Согласно энциклопедии, понятие им-

перия произошло от латинского слова «империум», обозначающего высшую военную власть. По носителю этой власти, императору, власть которого объединила в себе все другие высшие власти, государство древнего Рима со времени Августа, то есть, с 30 года до нашей эры, стало называться империей. (См.: Большая Советская Энциклопедия. 1 издание. Т. 28. — М.: ОГИЗ РСФСР, Государственный институт «Советская Энциклопедия», 1937, ст. 17). Далее, И. Охлобыстин формулирует задачу логики империума и ее понятие. «Задача этой логики империума — помочь человеку вернуть утраченные мечты и продолжить свое эволюционное развитие. Логика империума — логика строителей идеального общества, по предначертанному создателем плану, смысл которого не сложно угадывается в событиях предшествующей истории» (с. 2).

Дальнейший раздел выступления обозначен как «Имперская педагогика» (с. 2-3). В этом разделе автор пользуется интересными сравнениями: «Если женщина видит в глазах своего мужчины собачью преданность...» и «... политических программ, серых как штаны пожарного» (с. 3). «Собачья преданность» в глазах любящего мужчины — это, конечно, сильное сравнение. Что касается политических программ, то, не касаясь вопроса об их «серости», предлагаем нашим читателям по памяти указать принципиальные отличия между программами, например, ЛДПР и КПРФ. Далее дается совет, каким образом лучше всего воспитывать детей. «Подарите своим детям сказку о прекрасном будущем, о великой империи, которую мы, русские, обязаны построить, которую мы должны созидать на пепле прошлого» (с. 2). Но тут же автор уточняет: «И наши дети будут пересказывать сказку своим детям, а те — своим, пока сама сказка не станет былью. А она ею станет» (с. 2). Отсюда явствует, что ав-

тор надеется сделать сказку былью, в самом лучшем случае, не раньше, чем через 75-100 лет, то есть, через время, необходимое для смены трех — четырех поколений. Завершает этот раздел автор положением о том, что «...для большего эффекта эта формула требует полной семьи, потому что прототипом императора из сказки должен быть отец. Тогда все свяжется» (с. 2). И это положение бесспорно. Ведь в абсолютном большинстве случаев полная семья, в которой есть и мать, и отец, лучше, чем неполная, без отца.

«К нашему величайшему сожалению, то, что мы называем реальностью — не более чем имитация такой [так в распечатке, очевидно, должно быть «таковой». — В. Петров], во всяком случае, для русского человека... Мы бродим во сне своей стыдливой инертности, мы прикрываем свое нежелание думать комфортными шаблонами общечеловеческих ценностей. Именно шаблонами, поскольку вышеупомянутые ценности все-таки существуют» (с. 5). Думается, что автор здесь путает «нежелание» с «неумением». И тогда о состоянии общества можно было бы сказать и жестче. Но и из такого текста вытекает довольно грустная картина.

«Мы созданы для войны. И нам нет места в обычной мирной жизни» (с. 6). Но тогда не нужны все вопросы строительства жизни, а требуется лишь резко перейти к военной подготовке.

«Мы по-прежнему — единственная сила, сдерживающая Запад и Восток от столкновения» (с. 7). Это сказано сильно. Но вряд ли только одни мы сдерживаем Запад и Восток от столкновения. Скорее всего, группы стран, называемых автором «Восток» и «Запад», сдерживают от столкновения между собой понимание следующего простого обстоятельства. Ни «Запад» не может гарантированно уничтожить «Восток». Ни «Восток»,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

при всей своей риторике, не может уничтожить «Запад». По каким причинам сложилось хрупкое, неустойчивое положение в мире? «Что самое удивительное? Нам ничего ведь не придется инициировать. И Запад, и Восток судорожно ищут повод к конфликту. Скоро они найдут его» (с. 7). «Ищут повод к конфликту — скоро найдут его. Горе нам, если мы будем бессильны помешать им уничтожить друг друга» (с. 7). Здесь идеи И. Охлобыстина явно перекликаются с китайским образом обезьяны, сидящей на горе и наблюдающей за схваткой двух тигров внизу. Видимо, также стоит вспомнить слова, сказанные в 2011 году М.С. Горбачевым о том, что наша страна является уникальной ядерной сырьевой державой. Но тут необходимо заметить следующее. Ракетно-ядерный щит не заслуга нашего поколения. Мы получили его в наследство от СССР. Понял же необходимость существования ракетно-ядерного щита и начал его интенсивное строительство И.В. Сталин. А вот превращение страны в сырьевую державу — это полностью заслуга СССР периода, начавшегося с конца 1970-х годов и России с 1992 года.

«Я удивляюсь, кто может голосовать за коммунистов? Какая в этом логика?» (с. 8). Логика, возможно, никакой нет. А вот существующие итоги голосований на выборах различных уровней говорят о том, что за коммунистов, «пока» или «уже», вопрос другой, голосует значительное число избирателей. Но если имеется такое явление, то ссылаться на отсутствие логики в нем, причем, логики внешней, видимой снаружи, далеко не лучший способ объявить его малозначимым.

Автор доктрины дает прогноз будущего, причем, по его утверждению, уже ближайшего: «...в Европе вторым государственным языком станет арабский. И в нескольких европейских странах, доступ к заветной ядерной

кнопке получают не склонные к подростковой рефлексии представители ирано-тюркской группы. Люди целеустремленные и способные к жертвенному поступку» (с. 9). В качестве меры рационализации существования человека И. Охлобыстин предлагает интересные новшества в деятельности школ. Он говорит о необходимости введения курса прикладной информатики в виде углубленного изучения основ программирования (см. с. 9). Тут же он предлагает «провести набор учителей физкультуры из числа ветеранов спецназа» (с. 9). Также он выдвигает идею «преподавания русским детям в старших классах основ нейролингвистического программирования и гипнотерапии того же Милтона Эриксона» (с. 9). Насколько данный предмет может быть допущен к преподаванию для всех учащихся старших классов — вопрос, очевидно, предназначенный для рассмотрения сугубо узкими специалистами.

Раздел «Национальный вопрос: проблема национального самосознания» (с. 10), против ожиданий, очень мал по объему. Этот раздел занимает всего около половины страницы распечатки. Автор сообщает: «Надо бы с некоторыми народами договариваться заново. Причем они сами были бы рады. Да не с кем!» (с. 10). Автор говорит о том, что по национальному вопросу мы, похоже, во многом уже опоздали. «Поздно! Поздно, потому что уже об этом говорю. Значит понимаю, что у большинства решение-то в головах уже принято. **Ножи заточены!** [Выделено мною. — В. Петров] Я ведь только транслирую, что все понимают» (с. 10). То есть, надо понимать автора таким образом, что он ожидает крупных беспорядков на межнациональной почве. Представляется, что вопрос национального самосознания и вытекающие из него проблемы сосуществования с другими национальностями в рамках единого государства,

на самом деле, требуют значительно большего внимания.

Далее следует раздел «Нужно свое начальство» (см. с. 10-11). Это положение автора следует понимать таким образом, что начальство у нас «чужое»? И. Охлобыстин дает формулу успеха, прямо ее не называя. «Поэтому начальство свое нужно — бесхитростное и идеалистическое. Мы в своей простоте эффективнее успеха добьемся» (с. 10); «...рыночная логика современного мира нас лишает разума» (с. 11); «...нам нужна не просто логика. А некий логический империум. Царство настоящих истин, не обремененных этими педерастическими оговорочками. И внутри этого логического кристалла ставить базовые, наиболее актуальные на данный момент добродетели. Без них нас дьявол запутает» (с. 11). Хорошо было бы понять, чем простая логика отличается от «логического империума» и «логического кристалла».

Далее идет раздел «Добродетели Империума» (см. с. 11-13). Довольно большой раздел. Автор формулирует четыре добродетели Империума. Первая: «милосердие к людям» (с. 11). Вторая: «смирение перед очевидным» (с. 11). Третья: «мужество перед неизбежным» (с. 11). Четвертая, по утверждению автора, венчающая первые три добродетели: «готовность к жертве» (с. 12). «Нет давно коренных москвичей в береточках! Южане с северянами большей частью нас ненавидят и презирают! И есть за что, есть! Потому что нет идеи! Без нее мы для всего мира — пустое место. Без идеи. Без гордости за свой народ. Без принципа, по которому мы чужих от своих отличаем» (с. 12). По этому вопросу автор видит такой выход. «Прими, Россия единственный вариант! Мы заново соберем нацию, ту, которой здесь все принадлежит! Мы создадим новое национальное общество, большую семью, Империю, в конце концов! Это предсказывали

старцы! Это единственный способ выжить русскому человеку! Все остальные варианты развития национальной интриги задержат нас, а вора́м дадут возможность утопить бухгалтерию» (с. 12). В данном положении прослеживается необходимость не просто «собрать нацию», а сделать это быстро. Но каким же образом собрать нацию так, чтобы не произошло задержки? Автор не приводит быстрого способа «собрать нацию». Затем И. Охлобыстин открыто сообщает о своих убеждениях: «Вот что я, законченный национал-патриот, хочу сказать вам» (с. 12). И далее он продолжает: «У меня противоречивое реноме. Я поп-заштатник. Но что это меняет? Я по-прежнему русский! Если не у кого, кроме такого чудовища, как я, поставить этот вопрос смелости не хватает?» (с. 12). Явно имея в виду себя, он также говорит: «Проглядел дьявол Арлекино! И так бывает!» (с. 13). И опять дает рецепт выхода на светлый путь. «А если решить в России национальный вопрос, все остальные решатся сами. Русский народ богат на экономистов и политологов. Но у него нет сейчас человека, способного сказать: “Моему народу нужно...” — ну, вы понимаете далее» (с. 13).

После высказанных мыслей следует раздел «Зов крови» (с. 13). Довольно короткий раздел, всего на половину страницы распечатки. В нем можно обнаружить, на наш взгляд, весьма важное положение: «...я невольно задаюсь вопросом: а что есть мой народ? Подбор группы особей по генетическим показателям? Или список людей, за которых я мог бы пожертвовать жизнью? Наверное, все-таки второе! ... Руководствуясь какими признаками я буду определяться с вопросом принадлежности к русскому народу? Или нужен некий допуск? Смогу ли я себе его позволить?» (с. 13). Автор отвечает себе коротко и недвусмысленно: «Нет на это допуска! Нет!» (с. 13).

Далее следует раздел «Нет монарха — нет народа?» (с. 13-14). Автор выступления задает слушателям вопрос: «Значит ли это, что для определения того, что есть русский народ, нужен монарх? Получается так. Получается, нет монарха — нет народа. Пока эта неясность существует, единственный признак — территориальный. Иначе — никак не получится» (с. 14). Здесь мы видим явную приверженность И. Охлобыстина идее монархии. Правда, он прямо не указывает, универсальная ли это идея или распространяется только на русский народ. Из контекста выступления в целом можно обоснованно предположить, что автор более склонен считать ее необходимой прежде всего для русского народа. В выступлении констатируется: «Десятки лет нас отучали быть русскими. ...Короче говоря, активно добивались сегодняшней ситуации, когда национальный вопрос, словно натянутая струна и вот-вот гарантированно она лопнет» (с. 14). Далее следует объяснение, почему это, по мнению автора, произойдет в ближайшее «вот-вот» время. «Потому что нельзя скрыть рассвет, находящийся в поле. Нельзя лишать титульную нацию способов своей самоидентификации, кроме объединения на почве ненависти к представителям других, часто далеко не дружелюбных и не скромных народов, живущих на моей земле» (с. 14). И. Охлобыстин приводит интересную мысль относительно быстрого и, что очень важно, бескровного способа выхода из создавшегося положения. «Стоит попробовать сплотить свой народ для решения этого вопроса хоть и на первый взгляд сказочным, но мирным путем. ...Восстановить сакральную связь посредством избрания монарха» (с. 14).

Вполне понятно, что пост монарха невозможен без существования королевства или империи. Поэтому в выступлении осуществляется логичный

переход к следующему разделу «Гигант из бездны забвения» (с. 14-15).

В этом разделе дается мощный посыл, в котором с непрекращаемой уверенностью говорится: «Я верю, что наступит момент, когда Российская империя поднимется, как древний гигант из бездны забвения. Когда на российском престоле сядет не временщик, а помазанник Божий — император. Когда его воля направит мой народ по единственному правильному пути. Я понимаю, это звучит как безумие. Но это не может быть иначе» (с. 14). Далее в выступлении следует положение, которое можно оценить в качестве завуалированной критики «снизу», а, возможно, отражения взглядов каких-то «средне-верхних» слоев общества. «Механизм избрания достойного лидера не возникнет, пока общество не создаст условия для появления ученых-мудрецов, кто предложит этому обществу вариант создания этого механизма» (с. 14). Выступающий приводит, с его точки зрения, вероятный для ближайшего будущего вариант развития событий: «...вот-вот общество разорвет на части!» (с. 14). Для нейтрализации угрозы предлагается следующее: «Куда лучше проводить мирное обсуждение накопившихся недопониманий... ох, недопониманий! — чем резаться на улицах. В столице, может быть, все удастся уладить — опять же, — но вся остальная Россия вспыхнет, как костер. А, между тем, армии значительно меньше, чем полиции, что, кстати, наводит на грустные выводы — с кем, собственно говоря, власть намеревается воевать» (с. 14). Автор не дает ответа на последнее положение. Но ответ представляется достаточно понятным. Существующие «внешние» угрозы представляются пока, подчеркнем, пока, менее значимыми, чем угрозы «внутренние».

Раздел «Империя без геноцида». Здесь автор внятно формулирует свои

политические взгляды. «Наконец, мне удалось сформулировать свое политическое кредо. Аристократический национал-патриотизм. Почему аристократический? В этом нет экзальтации. Потому что в моем понимании высшей добродетелью аристократа является его честь, его право идти в первых рядах в сабельную атаку насмерть, а не жрать шампанское в Баден-Бадене» (с. 15). В этом разделе автор, очевидно, позволяет себе в завуалированной форме высказаться против руководства министерства обороны: «Стыдно ведь смотреть на парад Победы по нынешним временам. Ждешь ведь Жукова, а не чиновника» (с. 16). Далее автор вводит несколько расплывчатое понятие «область интересов». Он так его формулирует: «Область интересов аристократов — контроль чистоты намерений, [тех? — В. Петров] кто принимает решения на уровне исполнительной и законодательной власти. Это вдохновители и контролеры. Это совесть нации» (с. 16). Способов, которыми можно было бы контролировать степень «чистоты намерений» лиц из состава исполнительной и законодательной власти, автор не приводит.

Раздел «Я слишком на виду». Автор предполагает свою дальнейшую судьбу. И она, по его словам, не очень завидная. «Со мной пока сложно бороться — слишком на виду. Потом — понятно, много вариантов. От закрытия в местах не столь отдаленных до подброшенных улик несовершенного преступления, а то и физического устранения. О моей карьере и речи быть не может. Так что есть смысл, дорогие зрители, попрощаться уже сейчас. Хотя — на все воля Божья. А понять мы ее можем только из воли народа. Моей нации. Русских людей» (с. 16).

Раздел «Образ врага», большой по объему, на страницах 17–19. В его начале изложена критика в адрес сторонников либерализма, равно как

и ставится важный вопрос:

«...позволю вам напомнить, не будь у нас ядерного щита, нас бы давно стерли с лица земли сторонники западных либеральных ценностей, которые, кстати, отнюдь не столь уж либеральны и уж совсем не ценности. ... Отчего мы должны корректировать свои взгляды на жизнь в соответствии с их биржевыми сводками?!» (с. 17). Далее снова следует критика, но направленная уже в адрес представителей власти: «...ныне власть держащие не имеют к нашим **очевидным врагам** [выделено мною — В. Петров] претензий. У них счета в западных банках. Их дети не обречены на безграмотность — ведь я так правильно понимаю, в скором времени высшее образование станет для нас окончательно платным? Так же, как и медицина? Старики будут обречены на вымирание — на валидоле долго не протянешь. Человеческий организм не прет на дизеле» (с. 18). Потом следуют критические положения, имеющие форму явно вполне понятной слушателям иронии: «Никогда соотношение богатых и бедных в нашей стране не было столь непропорциональным. Оно и понятно: хлеб не растим, газом торгуем. Правда, навар от народных ресурсов на всех не делим — чай, не в Кувейте. В армию с медицинской не вкладываемся — футбольные команды покупаем для подъема национального самосознания полуголодных бабок в костромских деревнях» (с. 18). И опять следует рецепт выхода из положения, по мнению автора выступления, создавшегося в стране. «Ну и какая другая политическая модель, кроме этой радикальной, способна противостоять всей этой сатанинской кабале?» (с. 18). Весьма возможное, по мнению автора, дальнейшее негативное развитие истории России объединяется с прогнозируемым способом нейтрализации. «Только спичку поднеси — вспыхнет Россия как сухая

травя! Кто может унять, кроме этих самых упоминаемых мною порядочных людей, не стесняющихся декларировать, что они русские люди?» (с. 18). И еще важные для автора положения. «Помяну еще одну из главных добродетелей Империи. Нельзя быть первым за счет второго. Ты либо первый, либо никто. Всем сердцем я убежден, что империя неизбежна и ничто не способно воспрепятствовать этому. Но вера без дел мертва» (с. 19).

Завершает выступление «Глава 5. Сердце доктрины». Эта глава небольшая по объему, меньше, чем на половину страницы. Автор повествует: «Когда я писал эти строки, одна добрая женщина попросила меня: “Пусть в твоих размышлениях будет больше любви”» (с. 19). Отсюда можно сделать вывод о том, что автор во время написания выступления кому-то его предварительно показывал. А сердцем доктрины, по его утверждениям, является именно любовь (см. с. 19). В самом конце следует эффектное завершение выступления. «Потому что любовь и есть смысл нашей жизни. Это и есть Доктрина 77!» (с. 19). Но можно ли строить спасение Отечества, базируясь только на любви или ставя любовь во главу угла всех практических действий — это положение представляется крайне спорным.

ВЫВОДЫ

Выступление состоит из крупных, щедрых мазков. Но без той степени детализации, которая представляется необходимой. А ведь любой из нас должен знать, что дьявол-то как раз и прячется именно в деталях. Поэтому крайне желательна со стороны автора подробная детализация задуманного им, а также описание способов достижения целей на этом весьма нелегком и продолжительном пути.

Можно предполагать, что данная доктрина отражает собой серьезную озабоченность серьезно мыслящих людей современным состоянием России и ее населения, прежде всего, русских, православных.

Автор показывает необходимость построения российского имперского государства и приводит некоторые пути этого. С его стороны отмечается попытка поставить во главу процесса Русскую православную церковь.

Автор указывает на необходимость духовного возрождения России, а также иных аспектов кардинального изменения в нашем государстве.

Данную доктрину можно оценивать также в качестве попытки в доступном виде сформулировать как существующие, так и потенциальные угрозы России как государству, как русскому православному этносу, так и нашему обществу в целом.

Та сторона выступления, которая содержит имеющиеся, по мнению автора, угрозы России, представляется более сильной, чем та, которая содержит рекомендации по дальнейшему образу действий народа.

Это выступление можно рассматривать также в качестве попытки, с позиций сегодняшних реалий, сделать заявку на осмысление некоторых положений национальной идеи России.

В заключении статьи хочется привести некоторые сопутствующие материалы (вариант: дополнения).

Материал в газете «Известия»: Религиозная монокультура. Чему учит школьников курс по основам религии: терпимости или шовинизму? // Известия. 24 декабря 2010 г. № 242 (28257). С. 4-4. «О разнообразии в религиозном образовании. “Известия” спросили отцов из различных конфессий». В этом материале, в частности, имеется и мнение Ивана Охлобыстина под названием «Другие или свои?» Он, в частности, сказал: «В регионах,

где везде церкви стоят, естественно выбрать православие: это способствует систематизации человека внутри церкви и семьи. В местах, где живут представители разных народностей и конфессий, логично изучать несколько религий параллельно. А в больших городах — хотя бы этику...

Толерантность и интеллигентность нельзя внедрить повсеместно с помощью учебного курса, как нельзя объявить: «С сего числа по указу президента вы аристократ и умеете пользоваться фруктовым ножом». Что касается разногласий между коренным населением и приезжими вроде тех, что привели к недавней акции на Манежной площади, конфликт тут не в религии, а в некорректном поведении «гостей», с одной стороны, и ошибках русского населения, с другой. Надо решать этот вопрос публично, провести широкий референдум, чтобы все осознали серьезность проблемы и могли по ней высказаться. Иначе подспудное недовольство будет расти и затронет уже не молодежь, а более зрелые слои населения. И тогда настанет время русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Так что в данной общественной ситуации обсуждение вопросов систематизации религиозного обучения приведет скорее к отрицательному результату. Потому что оно говорит не о том, что рядом есть другие, а о том, что рядом есть чужие».

В программе «Познер» на первом общероссийском канале телевидения вечером 10 октября 2011 г. выступал Иван Охлобыстин. Общее впечатление. На вялые, довольно пресные во-

просы Познера, герой передачи отвечал не более остро (вариант: давал не более острые ответы; давал ответы не большей степени остроты). Возможно, что И. Охлобыстин хочет создать общественное движение, которое заняло бы нишу «не правительственное, не проправящее, но и не оппозиционное». Как можно предполагать, перспектива такого движения направлена на то, чтобы в случае его успешности оперативно превратить в непарламентскую, а, возможно, в парламентскую партию. То есть пойти по некоему третьему пути «аристократического национал-патриотизма», контуры которого он в самом общем виде и приводит в «Доктрине 77».

Не беремся судить, пел или нет, уходя со стадиона «Лужники», кто-либо известную в свое время песню:

Ну а я, из дерьма возродившись,
Устремленный к сиянью небес,
Оду пел, о ниспосланных свыше,
Сизокрылых архангелах ДЭЗ.

Даже если и пел, то это не страшно.

И совсем уже напоследок. По поводу же эпиграфов, вынесенных в начало статьи, необходимо сказать следующее. Они приведены для того, чтобы в определенной степени отразить те или иные колебания настроений «людей толпы» по отношению к автору «Доктрины 77». Но, как представляется, мы еще услышим Ивана Охлобыстина. И услышим, как можно предполагать, снова в неожиданном разрезе.

*Е. С. Роговер***БУЛАТ ОКУДЖАВА***(Литературный портрет)*

В отечественной культуре второй половины XX века Булат Окуджава оставил глубокий и необыкновенно яркий след, хотя он сам менее всего стремился к яркости и блеску. Он был редкостно многогранным в творчестве, проявляя себя как поэт, прозаик, кинодраматург, редактор, композитор и музыкант-исполнитель, кроме того, он обладал исключительным талантом человечности, был носителем высокого благородства, добра и отзывчивости.

Булат Шалвович Окуджава родился 9 мая 1924 года в Москве. Будучи сыном грузина и армянки, он говорил и писал свои произведения на русском языке, отчего и стал достойным представителем русской культуры.

Он вырос в интеллигентной семье крупного партийного работника, который стал жертвой сталинских репрессий. Первый секретарь Тагильского горкома ВКП(б) Шалва Окуджава был арестован в 1937 году и в следующем году расстрелян. Мать будущего поэта была выслана из Москвы и долгие годы находилась в концентрационном лагере, а затем на спецпоселении. Только в 1956 году поэт смог воссоединиться с матерью и впервые упомянуть в своих стихах отца. Ответ этой трагедии появится позже в поэзии и прозе Окуджавы: "Убили моего отца/ни за понюшку табака./Всего лишь капля свинца -/зато как рана глубока!". Среди погибших в кровавой "мясорубке" (конца тридцатых годов)

родственников Булата оказалась и Ольга Окуджава, жена великого поэта Грузии Галактиона Табидзе.

Оставшийся без родителей юный Булат учился в 69-й московской школе, работал в мастерской по ремонту пишущих машинок. Воспитывался бабушкой, русской няней Акулиной Ивановной и атмосферой арбатского двора, проявлял обострённый интерес к Политехническому музею, который положил начало увлечению историей отошедшего быта, особенно XVIII века, времени рождения его будущих героев [1].

В самую страшную пору войны, в 1942 году, Булат Окуджава – с девятого класса – ушёл добровольцем на фронт. Был миномётчиком, потом связистом. Под Моздоком был ранен, мотался по госпиталям, затем вновь попал на передовую Северо-Кавказского фронта, служил радистом тяжёлой артиллерии. Был ещё и запевалой в строю. Написал стихи и придумал мелодию песни "Нам в холодных теплушках не спалось", впервые использовав оксюморон "холодные теплушки". Так появилась первая песня поэта. С этой поры тема войны станет одной из ведущих в его творчестве, будет постоянно с ним, сделав его поэтом фронтового поколения.

После завершения войны Б. Окуджава экстерном окончил среднюю школу и поступил на филологический факультет Тбилисского университета. Затем с 1950 года пять лет работал учи-

телем в школе, преподавал в деревне Шамордино Калужской области, позже был переведён в город.

Начал печататься в 1953 году, публикуя стихи о войне, сотрудничал в областной газете "Знамя". Здесь, в Калуге, вышел первый поэтический сборник Окуджавы "Лирика" (1956), куда наряду со стихами вошла поэма о К. Э. Циолковском "Весна в октябре". Стихи, по признанию самого автора, были ещё слабыми и написаны человеком, "страдающим калужской провинциальной самонадеянностью" [2]. Однако целый ряд стихотворений этого сборника представляет безусловный интерес: "Гейне", "Здравствуй, жизни!", "Апрель", "За Чёрной речкой". Они исполнены молодого жизнелюбия, пытливого интереса к судьбам любимых поэтов, чуткого восприятия природы. Памятным событием в жизни молодого автора была встреча с Борисом Пастернаком, когда Окуджава пришёл к великому поэту в гостиницу со стихами и он на всю жизнь ободрил юношу и остался для него одним из самых замечательных учителей.

В 1956 году Окуджава приезжает в столицу, и начинается московский период жизни и творчества поэта. Он работает редактором в издательстве "Молодая гвардия", заведующим отделом поэзии в "Литературной газете". В своём маленьком кабинете он временами напевает друзьям свои стихи, сопровождая их игрой на гитаре. Рождаются первые "песенки" на слова Окуджавы с его музыкой, тут же подхватываемые слушателями. Интерес тогдашнего общества к искусству, обращённому к интимным переживаниям личности и к частному человеку, стал той основой, на которой эти произведения получили самую благодатную почву. "Мои настроения совпали с настроениями эпохи... И поэтому мои песни, — делился их автор с читателями, — считали откровениями. Я не преувеличиваю свою роль" [3].

К молодому поэту пришла широкая известность. Вышедший в 1959 году второй сборник Окуджавы — "Острова" — эту известность закрепил. В новую книгу стихов вошли такие произведения, как "Подмосковье" с его характерными для Окуджавы повторами, доминированием синего и голубого цветов; "Вобла" с её пронзительными воспоминаниями о военном голоде и суровом аскетизме; "В музее Революции", отмеченным непосредственным влиянием блоковской поэмы "Двенадцать"; "Сентиментальный романс", позже ставший "маршем" и исполненный в кинофильме "Мне двадцать лет". По словам Г. Красухина, первые стихи Б. Окуджавы можно сравнить с камнем, брошенным в пруд. "Или лучше — с кругами по воде от брошенного камня, они и расходились, как эти круги, захватывая всё более широкое пространство, — расходились, разбегались, разносились, переписывались с плёнки на плёнку, подхваченные другими" [4].

Усилиями Окуджавы, а также А. Галича, Н. Матвеевой, Ю. Кима, В. Высоцкого, М. Анчарова складывается особый жанр "авторской песни", причём Окуджаве принадлежит честь считаться её родоначальником. Правда, говоря о ней, иногда вспоминают Вертинского, который создавал своеобразные сцены-спектакли, исполняя песни. Но у Окуджавы заметны существенные отличия от певца предшествовавшей эпохи: он сам сопровождает музыкой свои стихи, он исполняет только свои вещи, он не прибегает к "маске", а рассказывает о жизни своей и современников.

Авторская песня конца пятидесятых — начала шестидесятых годов отличается доступностью, передачей пульса времени, отзывчивостью на всё значительное в жизни, слиянием профессионального и самодеятельного творчества. Авторская песня Б. Окуджавы характерна ясностью мышле-

ния, глубоким психологизмом, яркой образностью. Поэт Б. Слуцкий как-то рассказывал, что он шёл мимо студенческого общежития, и с трёх подоконников разных квартир одновременно звучали три разные песни Окуджавы. Действительно, юные строители и пожилые пенсионеры, лирики и физики припали к песням Окуджавы как к целебной живой воде. В то же время исполнение поэта опиралось на традиции русской культуры. Музыковед Г. Троицкая свидетельствует, что "песни Булата Окуджавы прямо выросли из сферы бытового музицирования. Они уходят своими корнями в традиции тех времён художественной культуры, когда негромкое пение под гитару перемежали на вечеринках русской демократической интеллигенции споры до бесконечности о судьбе России и проблемах человечества" [5].

Трудно забыть красивый, но негромкий голос поэта, едва слышный гитарный его аккомпанемент, чуть меланхолическую манеру исполнения. Можно представить себе, насколько необычным, но нужным, отрадным казалось слушателям шестидесятых годов такое выступление. А поэт и певец робел, боялся публики, был некоторое время напряжённым, стеснялся оттого, что не обладает виртуозностью и знает лишь считанное количество аккордов. К тому же в московском Доме кино перед выступлением Окуджавы кто-то, словно намеренно, показал фильм "Осторожно, пошлость!" Да только ли это!

Первые выступления поэта в Москве и Ленинграде сопровождались или завершались скандалом. Так было на его концерте в ленинградском Дворце искусств имени К.С. Станиславского в ноябре 1961 года, куда стали пускать только по предъявлению служебных удостоверений, что спровоцировало давку, крики и стоны у дверей Дворца. И. Лисочкин сооб-

щал, что тут "рвали пуговицы, мяли рёбра, и метался чей-то задавленный крик: «Ой, мамочка!»"

В довершение всего сам Лисочкин разразился омерзительной рецензией, в которой писал о нетребовательности к себе поэта, о "сюсюканье" в духе салонных авторов, о "рублёном ритме раннего футуризма", "тоске кабацкой", якобы перемешавшихся в стихах Окуджавы. "Добавьте к этому добрую толику любви, портянок и пшённой каши... метания туда и обратно, "правды-матки" — и рецепт стихов готов". И заканчивал свой опус так: "Вызывает поэт Булат Окуджава "в целом" искреннее возмущение" [6]. При этом юркий Лисочкин умудрился поместить эту же рецензию ещё и в "Комсомольской правде" от 5 декабря того же года.

Песни Окуджавы подверглись жесточайшей критике Саратовским обкомом партии, хотя билеты на 17 вечеров с участием поэта были раскуплены моментально. Ульяновский обком КПСС доводил до сведения ЦК КПСС, что содержание концерта Окуджавы и его друзей вызвало "чувство возмущения и негодования", а выступление Б. Окуджавы "носило скандальный характер". Утвердительный ответ поэта в Кишинёве о справедливом получении Солженицыным Нобелевской премии вызвал донос в Москву работника идеологического отдела Кишинёвского ЦК КП, хотя весь зал аплодировал Окуджаве. В 1962 году стихи поэта обсуждались в Московской писательской организации, где Окуджаву исключили из партии (но ЦК КПСС это решение не утвердил), а его имя оказалось под негласным запретом. Поэту пришлось покинуть редакцию "Литературной газеты". Подготовленная к выходу в свет грампластинка с пятью песнями Окуджавы была запрещена. На таможне (на станции Чоп) его стали пристрасно и жестоко обыскивать. И это в то время,

когда на концерты поэта в Лужниках, в Иваново, Шуе, Палехе, Воркуте молодёжь шумно ломилась и неистово хлопала своему кумиру. Об этой печальной поре и участии своих предшественников поэт скажет в стихах:

Поэтов травили, ловили
на слове, им сети плели,
куражась, корнали им крылья,
бывало, и к стенке вели.

И тем не менее поэзия преодолела зло и торжествовала. Так всегда было в России.

Мужественно возглавив плеяду представителей "авторской песни", Булат Окуджава одновременно объединился с группой молодых поэтов, активно вступивших на эстрадные подмостки. Будучи по возрасту одним из творцов военного поколения, Окуджава по присущему ему духу молодости и мироощущению стал "шестидесятником", сблизившись с такими поэтами, как Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина. Недаром так много у него стихов, посвящённых этим художникам слова. Но среди этих эстрадников Окуджава отличался песенностью, тяготением к "тихой" лирике, синтезом музыкальности и разговорности.

Последующие сборники поэта, вышедшие в 60-е годы, — "Весёлый барабанщик" (1964), "По дороге к Тинатин" (1965), "Март великодушный" (1967) выявили другие особенности, ему присущие. Это удивительная лирическая интимность, так ярко сказавшаяся в "Новом утре"; приверженность городской теме, примером которой является стихотворение "Над синей улицей портовой..."; манифестация дружбы ("Песенка о Сокольниках", "Фотографии друзей"); всегдашняя верность военной тематике ("Чёрный мессер", "Песенка о пехоте"); обращённость к сказке и иным фольклорным жанрам ("Сказка", "Оловянный солдатик мое-

го сына"); разработка особого жанра "песенки" ("Песенка о комсомольской богине", "Песенка о московском муравье", "Песенка о Моцарте"); "символизм с его аллегорическим просвечиванием", отмеченный А. Жолковским ("Голубой человек", "Замок надежды"); фантастичность образов ("Дорожная фантазия", "В барабанном переулке"); утончённые диссонансы рифм ("Чаепитье").

На фоне широкого тематического разнообразия поэзии Б. Окуджавы заметно выделяется военная тема, нами упомянутая. Ей посвящены очень многие лирические песни поэта. Они рождены незабываемым личным опытом, впечатлениями военных лет. В одном из своих выступлений в печати поэт заметил, что "грустью и иронией, то есть моей творческой зрелостью, я обязан главным образом войне. На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей близких мне людей" [7].

Щемящей грустью пронизано стихотворение "До свидания, мальчики" (1958). В нём можно заметить двухчастное построение, при котором в первых двух скорбных строфах произведено прощание с мальчиками, уходящими из московских дворов на фронт, а в трёх последующих строфах передаётся прощание с девочками, которые тоже, сменив белые платья на зелёные одежды, тоже отправляются в гущу сражений. В то же время текст стихотворения трижды пересекается сдержанным призывом-мольбой: "постарайтесь вернуться назад". Благодаря этим композиционным особенностям в стихотворении-песне рождается поразительный ритм, усиливающий музыкальность звучания целого. В качестве песни стихотворение вошло в структуру фильмов "Горизонт" (1962) и "Не самый удачный день" (1966), а также в спектакль "Зримая песня", поставленный в Ленинграде (1964). С согласия автора писатель

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Б. Балтер назвал свою повесть "Трое из одного города" по-новому: "До свидания, мальчики". Так скорбный мотив стихотворения обрёл свою новую жизнь.

Другой шедевр Окуджавы, относящийся к военной теме, — "Король" (1957). Он посвящён одному из этих мальчиков, ушедших в кромешный ад "подлой" войны. Самый обыкновенный обитатель московского двора — Лёнька Королёв — получает от автора высокое имя "Король" не столько из-за семантической его схожести с фамилией парня, сколько по причине высокого подвига юноши.

Он исполнил свой долг воина, и оттого обрёл не только высокое имя, но и бессмертие. И автору грезится, что Лёнька покажется ныне за ближайшим поворотом. Ведь нельзя саму Москву представить "без такого, как он, короля".

Получив от поэта высокое звание, герой стихотворения нарисован в окружении соответствующих атрибутов: простая кепчонка, одетая даже "набекрень", сравнивается с короной, рука у этого Лёньки "царственная", возможности у него "всемогущие", у него есть "двор", вот только "королевой" не успел обзавестись. Счастливый замысел, неожиданно возникший у поэта, определил очень быстрое ("за пять минут") написание этого стихотворения и музыки к нему, а также широкое обобщение, объединившее и дворовых ребят-заводил, и конкретно Лёньку Гаврилова, совсем "не вожака", в один собирательный образ. Поэт активно сопротивляется известию и гибели Короля, вступает в решительную борьбу со смертью и одолевает её. Это жизнеутверждение определило широкую популярность песни и крылатость её строк.

Впрочем, и сам поэт, чудом выживший на войне, чувствует себя крылатым. В стихотворении "Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок..." он

замечает, что одновременно с выживанием "вырастают вместо крыльев тревог/за моей человеческой спиной надежды крылья".

Мы упоминали уже об устойчивой городской теме в лирике Б. Окуджавы. Ныне скажем о ней подробно и отметим, что из неё выделился особый арбатский цикл, посвящённый одной из артерий Москвы. Поэт посвятил этой московской улице и отдельную книгу, вышедшую в 1976 году — "Арбат, мой Арбат", дав теме лирико-мелодическое решение. В основе этих стихов — звучание самобытного городского романа, в котором вновь "тихая" поэзия удивительно соединилась с разговорностью и музыкальной напевностью. Арбат предстаёт здесь очень простым, с его уютными дворами и сыроватыми подъездами, тупичками и "маленькими двориками", тёплым асфальтом и полуночными троллейбусами. Но эта будничность и простота обретают черты истинной поэзии.

Б. Окуджава отказывается помнить про особый статус этой улицы, видеть её "официальный" облик, слышать её шумы и воспринимать трагические тени. Её стражи становятся у него просто "часовыми любви", а людской и машинный поток превращается в текущую реку. Поэту дорого нечто возвышенное, свойственное этой улице. Арбат "всегда высок", "никогда до конца не пройти тебя". Реальные детали быта превращаются в сказочные образы, повседневное передаётся романтическими красками: асфальт оказывается прозрачным, а арбатский дворик "с человеческой душой" можно спрятать в вещмешок. И всё же эти стихи имеют полынный привкус. Это оттого, что поэту приходилось надолго разлучаться с Арбатом, тосковать по дому, испытывать ностальгию по родным запахам детства, видеть грустную перестройку района. Вот почему Арбат "и радость моя, и моя беда". Несмотря на все превратности судьбы Арбата и

его поэта, последний всегда слышит на своей улице "надежды маленький оркестрик", чувствует, как "умирает мартовский снег", замечает, как тополя из-за белой реки кузнечики, уверен, что "грохнет лёд на реке в лиловые трещины". Чёткие ритмические членения, повторы и вариации мотива составляют особенность этих лирических миниатюр. Арбатской теме посвящены стихи "Арбатский дворик", "Арбатский романс", "Надпись на камне", "Песенка об Арбате", "Арбатское вдохновение", "Арбат". Это изображение города и жизни вообще, переданное на языке нежности, скупых слов и негромких интонаций, сплетается с поэтической условностью.

Одним из устойчивых мотивов поэзии Окуджавы является мотив доброты.

На долю поэта выпала трудная судьба, и жил он в сложную и драматическую эпоху, но, вопреки обстоятельствам, он всегда исполнен уверенности, что добро побеждает и, конечно, будет торжествовать и впредь. Доброму отношению к людям посвящены такие замечательные стихотворения поэта, как "Песенка о художнике Пиросмани", "В городском саду", "Ленинградская музыка", "Давайте восклицать..." С понятием "доброта" тесно сопрягаются у Окуджавы такие понятия, как "помощь", "взаимопонимание", "комплименты", "восхищение", "милосердие", "потакание", "благородство", "страдание", "любовь", "братство". Быть может, лучшее произведение на эту тему — "Полночный троллейбус".

Послевоенный вид городского транспорта превращается у поэта в прибежище для отчаявшихся, в скорую помощь для потерпевших крушение, в судно, приходящее на помощь, в средство утешения, в символ безмерной доброты. В своё время критик А. Урбан справедливо отозвался на этот шедевр, назвав его замечательным достижением нашей поэзии. Но

нашёлся озлобленный ни-спровергатель ценностей, который накинулся и на Окуджаву, и на упомянутого критика: кто это может терпеть в ночи крушение? Разве нет в Москве других пассажиров? Столь уж верная панацея — молчание? Могут ли серьёзный характер носить у поэта бедствия и несчастья? "А если они не так уж серьёзны, то к чему создавать такой жестокий романс, вызывающий не столько к мужеству, к борьбе <...>, сколько к пассивности, слабости, безвольности?" [8]. Прервём рассерженного критика, убеждённого в том, что бедствий в нашей счастливой жизни не бывает и помощь, следовательно, "потерпевшим" не нужна. У Булата Окуджавы иное мнение.

Он зовёт к рыцарской помощи людям, к милосердию, бескорыстию, нежности, братству. "Возьмёмся за руки, друзья,/Чтоб не пропасть поодиночке!" — предлагает поэт. Он помнит про обделённых радостью, про одиноких "в ночи", про несчастливых и силится им помочь, вызывая к "соединению сердец". Рыцарственность была у Окуджавы всегда и проявлялась и в помощи людям, и в высоком чувстве к Прекрасной Даме, и в отстаивании нравственных ценностей — чести, добра, справедливости, и в памяти о погибших. В его великолепной "Песенке о бумажном солдатики" герой "переделывать мир хотел,/чтоб был счастливым каждый", да вот не учёл, что это сделать непросто, и что сам он — "солдат бумажный". Но тем не менее шагнул в огонь за других.

Родственен бумажному солдатику другой сказочный персонаж Окуджавы — "голубой человек" в красной шапочке. Он упрямо поднимается по лестнице, лезет всё выше и выше, думая, что идёт домой, где сольётся с голубым небом. Снизу кричат ему: "Эй, заблудишься... Далеко ли до беды?" Но человечек упрямо карабкается, бормоча: "Не порите ерунды". Окуд-

жава славит здесь "безумство храбрых", отчаяние риска, бесконечно прекрасный прорыв в неизвестность, движение ввысь — как в свой дом. Но поэт пользуется не пафосным языком горьковской героики, а будничной речью повседневности и сказочной образностью. Здесь проявляется ещё одна художественная особенность стихов Окуджавы — соединение земного и небесного, бытового и сказочного. Этому слиянию подчиняются эпитеты ("голубой"), метафоры ("растаяло и небо"), метонимии, литоты, сравнения ("шар земной совсем уж крошечный", "земля-то вся с кулак"), соседство возвышенного и низменного (деяние героя и возгласы обывателей). И, как всегда, поразительная простота его языка и стиля. Недаром он провозгласил: "Человек стремится в простоту через высоту".

Со временем стихи Б. Окуджавы претерпели определённые изменения. Если лирические герои его песен в шестидесятые-семидесятые годы были чаще всего непосредственными и простыми, то позже, начиная с "Молитвы Франсуа Вийона", поэт стремился глубже проникнуть в их душу, усилить психологизм изображения. Это видно в единственном поэтическом сборнике восьмидесятых годов — "Стихотворения" (1985) и в нескольких книгах стихов девяностых годов: "Капли Датского короля" (1991), "Милости судьбы" (1993), "Песенка о моей жизни" (1995), "Чаепитие на Арбате" (1996), "Зал ожидания" (1996).

Будучи "шестидесятником" по духу своего творчества, Окуджава считает своим долгом гражданина неустанно развенчивать сталинизм, и теперь он делает это более целеустремлённо и открыто. Так, в "Арбатском вдохновении" появляется страшный образ "соплеменника", возникающий "из тьмы Кремля", "усы прокуренные шевеля". Поэт не довольствуется зарисовкой внешнего облика, он раскрывает

"суть его — пространство и разбой/в кровавой драке прошлого с грядущим". В стихотворении, посвящённом Ю. Карякину, вновь возникает образ "генералиссимуса прекрасного", проливавшего "пригоршнями" кровь. Непривычно, публицистически остро поэт объявляет читателю: "Я не прощаю, помня о былом".

Всё чаще у Окуджавы появляются стихи-реквиемы, посвящённые памяти брата Гиви, "Памяти Обуховой", собственного отца, памяти Володи Высоцкого, шестидесятников Варшавы, "Памяти Алеся Адамовича", Бориса Чичибабина. Поэт разрабатывает созданные им жанры: "песенок", основанных на русском городском романсе и соединивших в себе грусть и иронию; поэтических "фантазий" ("Парижская фантазия", "Дунайская фантазия", "Турецкая фантазия", "Американская фантазия", "Японская фантазия"), лирических писем ("Письмо к маме", "К потомкам"). В лирике поэта возникают циклы, связанные с участвовавшими зарубежными поездками (французский цикл, турецкий, американский). Многие стихи обретают философское звучание, хотя по-прежнему сохраняют и музыкальное начало. Некоторые поэтические вещи окрашены сентиментальными красками; не случайно поэт Д. Самойлов назвал Окуджаву "сентименталистом" — в отличие от классицистов его поколения. Да и сам автор "Сентиментального марша" признаётся: "Становлюсь сентиментальным..."

Наступает прощание с лирикой. Всё настойчивее поэт ощущает своё тяготение к прозе. Он и раньше нередко обращался к повествовательным жанрам: писал прозу для детей ("Фронт приходит к нам", 1965; "Прелестные приключения", 1971), рассказы о своём времени ("Утро красит нежным светом", 1975; "Уроки музыки", 1985; "Девушка моей мечты", 1986; "Искусство кройки и житья", 1987;

"Подозрительный инструмент", 1988; "Нечаянная радость", 1989; "Как Иван Иванович осчастливил целую страну", 1990; "Выписка из давно минувшего дела", 1991; "Заезжий музыкант", 1993), повести, повествующие о взаимоотношении власти и частной жизни людей ("Новенький как с иголочки", 1962; "Приключения секретного баптиста", 1984). Теперь Б. Окуджава сосредотачивается на автобиографической теме и создаёт семейную хронику "Упразднённый театр" (1989-1993) и "Автобиографические анекдоты" (1997), где, применяя психологический анализ и лёгкую иронию, прослеживает историю своего рода, в которой события перемещаются из Тифлиса в Нижний Тагил и Москву.

Свою прозу Окуджава пишет легко, но относится к ней взыскательно и со страстностью. Так написана была ранняя повесть "Будь здоров, школяр!" (1961), воспроизводящая фронтовые впечатления юноши-солдата, полученные в течение нескольких военных дней. Хотя произведение носит автобиографический характер, но Окуджава смело рисует своего героя в нелепых и смешных ситуациях, которые окрашивают иронией вчерашнего "школяра" и его внутренний мир. Написанная в традициях Л. Толстого и книги В. Сарояна "Приключения Весли Джексона" [9], повесть изображала маленького человека на войне, не скрывая его сложных переживаний и преследующего его чувства страха. Произведение напечатано было в сборнике "Тарусские страницы", которые вскоре были запрещены, равно как и спектакль по этой повести. Тем не менее режиссёр П. Тодоровский сумел снять по этому произведению фильм, который пользовался большим успехом у зрителей. Столь же легко была написана повесть "Женя, Женечка и «Катюша»", превращённая в киносценарий, по которому режиссёр В. Мотыль снял одноимённый фильм.

Так кинодраматургия поэта отпочковалась от его прозы, ставшей органической частью его творчества.

Постепенно Б. Окуджава переходит к исторической прозе. В своих стихотворениях "Я пишу исторический роман" и "Пишу роман. Тетрадка в клеточку..." он фиксирует переход к новому типу повествования и обращения к крупной эпической форме. Для писателя важно внушение уважения к преданию, к отечественной истории, воспитание на высоких патриотических традициях. Увлечённый эпохой декабризма, он пишет одновременно о прошлом и о современности, и его стихи плавно и органично перетекают в его романтическую, ретроспективную прозу.

Сначала был опубликован исторический роман "Глоток свободы" ("Бедный Авросимов") (1969), повествование о декабристе П. Пестеле и о восприятии его личности и судьбы "маленьким человеком", провинциальным писарем, которому было суждено присутствовать на допросах "государственного преступника" и осознать величие этого декабриста. При этом автор включает своего героя в сцены фантазмагорического, гиперболического характера, превращая роман в притчу. Затем последовала историческая повесть "Похождения Шипова, или Старинный водевиль" (1971), рассказывающая о полицейской слежке за Львом Толстым и помещающая сыщиков Шипова и Гирова в парадоксальные, шаржированно-гротескные ситуации.

Роман "Путешествие дилетантов" (1976-1978) передаёт перипетии любовной истории Сергея Мятлева и Лавинии Ладимировской, истории, протекающей в конце сороковых годов XIX века в условиях всеобщего доносительства и психологического давления на личность человека, контроля власти над частной жизнью и господ-

ства фальшивой светской морали. Окуджава разрабатывает тему "лишнего человека" и двойничества, вводит в роман грузинскую тему и сказочно-фантастические ситуации, письма персонажей и собственные стихи, что осложняет композицию целого, но делает роман увлекательным и необычайно интересным.

Очередной исторический роман "Свидание с Бонапартом" (1983) возвращает читателя к событиям, связанным с отпором наполеоновскому нашествию, но предлагает необычный угол зрения на происходящее, знакомя с частной жизнью генерал-майора Опочинина, намеревающегося дать торжественный обед в честь "гениев войны" — Наполеона и его маршалов, во время которого отечество "расправит могучие крылья" и "всё покатится в обратном направлении". Но задуманному подвигу спасения Отечества не суждено случиться в силу нелепых случайностей, торжествующих в истории.

Герои романа типа Опочинина, Луизы Бигор и роковой женщины Варвары Волковой, по словам критика А. Латыниной, оказываются вполне "уместны в произведении, использующем поэтику романтического и авантюрного романа, в произведении, где столь большое место занимает ирония, пародия, просто, наконец, игра с разными жанрами" [10].

Поэтику авантюрного повествования продолжили развивать повесть "Приключения секретного баптиста" (1988), построенная на скрещении двух разнородных сюжетов автобиографического характера, и роман "Упразднённый театр" (1989-1993), о котором мы уже упоминали выше.

Творчество Окуджавы неразрывно связано с историей Отечества и временем, когда он жил и творил. Это подчёркивает стихотворение "Времена", сценарий "Верность" и песни для кинофильмов "Белорусский вок-

зал", "Белое солнце пустыни", "Звезда пленительного счастья", а также его песни, вошедшие в фильмы "Позднее свидание", "Свободное плавание", "Из жизни начальника уголовного розыска". Его песни исполняет в концертах Елена Камбурова, супруги Никитины, Т. Голышева и С. Мудрецова. Оперный спектакль "Музыка арбатского двора" строится на произведениях Б. Окуджавы. По ним поставлен и драматический моноспектакль А. Азариной "Может быть, наконец, повезёт мне в любви".

Окуджаве, самый облик которого, по словам академика Д. Лихачёва, "излучал редкое обаяние", посвятили свои стихи А. Вознесенский ("Гитара"), Е. Евтушенко ("Дядя Вася", "Прощаться шёл с тобой, Булат, весь в шестидесятниках Арбат"), Б. Ахмадулина ("Булат суров..."), Т. Жирмунская ("Б. О."), Ю. Мориц ("На этом берегу"), А. Кушнер ("Б. Окуджаве"), П. Вегин ("Романс в честь бессонницы Булату Окуджаве"), скрипач и дирижёр В. Спиваков ("С Моцартом мы уезжали из Зальцбурга..."). Окуджаву цитировал В. Набоков в романе "Ада", назвав его "неповторимым гением". "Певцом, посланным Богом для утешения", охарактеризовал его В. Астафьев.

Окуджава был вице-президентом Российского ПЕН-центра, членом совета общества "Мемориал", работал в комиссии при Президенте РФ по вопросам помилования. Он был награждён орденом "Дружбы народов", Почётной медалью Советского фонда мира, Государственной премией СССР (1991), премией Букера 1994 года, ему была присвоена в 1990 году почётная степень доктора гуманитарных наук Норвичского ун-та (США).

Булат Окуджава умер 12 июня 1997 года, случайно, проездом оказавшись в Париже, умер, оплаканный всей страной и культурными людьми

всего мира. По сцене Театра Евгения Вахтангова, где состоялось прощание с поэтом, прошли тысячи его почитателей. Согласно воле поэта, он был похоронен на Ваганьковском кладбище, там, где покоится прах Владимира Высоцкого.

Множество колокольчиков, собранных Б. Окуджавой в его ред-

костной коллекции, грустно оплакивают непоправимую утрату. Как писал В. Спиваков, обращаясь к поэту,

Музыка в Вашей поэзии бьётся,
Словно стремится взлететь в облака,
Пусть она плачет, но лучше – смеётся.
И над строкою не дрогнет рука...

Примечания

1. «Советские музеи» – 1986, № 3 – С. 56.
2. «Огонёк». – 1987. – № 9. – С. 14.
3. «Комсомольская правда». – 1993 – 18 сентября. – С. 3.
4. Красухин Г. Обыкновенное чудо//Русская поэзия XX века. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 169.
5. Троицкая Г. Эхо минувшей войны//Советская музыка. – 1985. – № 5. – С. 78.
6. Лисочкин И. О цене "шумного успеха"//Смена. – 1961 – 29 ноября.
7. «Литературная газета». – 1984 – 25 апр. – С. 3.
8. Соловьёв Б. От истории к современности. – М.: Сов. писатель, 1973. – С. 299-300.
9. Бочаров А. Человек и война. – М.: Сов. писатель, 1973. – С. 149-150.
10. Латынина Алла. Знаки времени. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 299-300.

Вадим Петров

ЭТЮД К УБИЙСТВУ С. М. КИРОВА. КОМИССАР БОРИСОВ

Для рассмотрения вопроса о гибели комиссара Борисова сначала целесообразно представить некоторые сведения, содержащиеся в открытой литературе, которые не представляют из себя никакого секрета и должны быть широко известны.

«В день возвращения Кирова из Москвы, 29 ноября, газета “Ленинградская правда” поместила объявление: **1 декабря в 18 часов во дворце Урицкого состоится собрание партийного актива Ленинградской организации ВКП(б). Порядок дня: итоги ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б).** [Выделено мной. — В. Петров] [1].

В тот роковой день 1 декабря 1934 года, Киров с утра работал в своей квартире, не покидая ее. «Ровно в четыре часа [то есть, в шестнадцать часов. — В. Петров] Киров вышел из дома. Пешком прошел несколько кварталов. У Троицкого моста его ожидала машина. Он поехал в Смольный, где его никто не ждал, так как он хотел приехать прямо во дворец Урицкого» [2]. На самом деле, очевидно, машина медленно следовала за Кировым от его дома до моста. Кирова сопровождал, также пешком, кто-то из личной охраны. Киров сел в автомобиль и быстро поехал прямо в Смольный. Заметим, что Киров мог прибыть во дворец Урицкого, ныне Таврический дворец, прямо из дома к 18 часам, никуда не выезжая,

в том числе и в Смольный. Никаких пробок на улицах Ленинграда тогда еще не было и в помине. Поэтому, чтобы доехать от места посадки Кирова у Троицкого моста до Смольного, легковому автомобилю требовалось никак не больше 10 минут. Киров вошел в Смольный, поднялся на третий этаж и в коридоре недалеко от своего кабинета был убит.

Теперь можно рассмотреть некоторые содержащиеся в открытой литературе сведения о гибели Борисова.

Владимир Кавторин ссылается на два источника, которые, судя по тексту его статьи, он сопоставлял. «...Сопоставление двух источников (материалов процесса по делу правотроцкистского блока и показаний шофера, на которые ссылается Хрущев) позволяет установить по крайней мере один такой факт: **гибель Ю. Борисова 2 декабря по дороге в Смольный** [выделено мной. — В. Петров]. Видимо, организаторам процесса было важно, чтобы и это обстоятельство «работало» на их версию, чтобы ответственность за него была возложена на Запорожца и Ягоду. Хотя вполне возможно, что за данный эпизод ответственны и совсем иные лица, — судить об этом мы пока что не можем. Давайте, однако, задумаемся вот над чем. Если Николаев — убийца-одиночка, то Борисов не только важнейший свидетель, но и один из

главных виновников. Ведь это он, нарушив инструкцию, отстал от Кирова и тем сделал преступление возможным. К тому же, напомним, дело происходит 2 декабря, Агранов и Шейнин еще не приступили к своим обязанностям, версия о «подпольной троцкистско-зиновьевской группе» еще как бы и не родилась... **Кто же в таких обстоятельствах может быть заинтересован в гибели Борисова? Да уж, верно только те, кто не подозревает, а точно знает: Николаев вовсе не одиночка!**» [(выделено мной. — В. Петров) [3]. Заметим, что автор статьи не сомневается в гибели Борисова по пути в Смольный. Последнее замечание, которое специально выделено мной, представляется вполне продуманным.

Вот еще отрывок из другой статьи. Ее автор М. В. Росляков сообщает о том, что происходило, в частности, 2 декабря 1934 года, на следующий день после убийства Кирова. «Был вызван и сотрудник охраны, сопровождающей Кирова, — Борисов. Но нам стало сразу же известно, что по дороге в Смольный, **при повороте с улицы Воинова, он как-то выпал из открытой грузовой машины и разбился** [выделено мной. — В. Петров]. Говорили, что когда Сталину доложили об этой аварии, он раздраженно бросил: «И этого сделать не сумели!» Очевидно, эта реплика относилась к работникам ленинградского управления НКВД» [4]. Здесь также сообщается одна из версий гибели Борисова. Заметим, что речь идет о «повороте с улицы Воинова», но куда был сделан этот «поворот», автор не сообщил.

А вот что происходило в Смольном сразу после прибытия туда Сталина с сопровождавшими его лицами. «2 декабря 1934 года в коридорах первого этажа Смольного появилась небольшая группа людей. Впереди шагал человек в военной форме с изжелта-мертвенно-бледным лицом, обрывками усов над губой и тупыми

сумасшедшими глазами. В правой руке он держал наган. Увидев встречных, кричал: «К стене! Руки по швам!» Это был Ягода, нарком внутренних дел. Следом за ним шли Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Ежов, прибывшие в Ленинград на второй день после убийства Кирова. Ягода лично обеспечивал их безопасность, театрально размахивая наганом и заставляя встречных работников обкома неподвижно застыть у стен» [5]. Подобное поведение Наркома внутренних дел представляется неоправданно театральным, да к тому же еще хорошо иллюстрирующим известную пословицу о тщательном запираании дверей после того, как все уже похищено.

«На суде говорит близкий Ягоде человек, его секретарь П. Буланов: “Ягода сделал из меня полностью преданного человека. В разговорах при мне с другими Ягода не делал никаких секретов. Ягода рассказывал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов причастен к убийству Кирова. И когда члены правительства, приезжавшие в Ленинград, вызвали этого Борисова в Смольный — допросить его в качестве свидетеля, то Запорожец, будучи встревожен и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за его спиной, решил убить его. По указанию Ягоды **Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию, Борисов был в этой аварии убит**” [выделено мной. — В. Петров]. Ягода был расстрелян 15 марта 1938 года — через четыре года после того, как провел расследование обстоятельств убийства Кирова» [6]. Здесь мы видим явную приверженность Н. Зеньковича к версии об убийстве Борисова чекистами, из Ленинградского УНКВД или же какими-то другими. Далее Н. Зенькович продолжает. «Трагедия в Смольном получила новый поворот: охранник Кирова Борисов, преду-

преждавший, по некоторым данным, Сергея Мироновича о возможном покушении, дважды задержавший Николаева с оружием на пути следования охраняемого и затем отпустивший его по чьему-то распоряжению, был убран. Устранение двух-трех “слоев” потенциальных свидетелей, по мнению Хрущева, это почерк Сталина» [7]. Отметим, что точно такой почерк можно проследить во многих политических убийствах, а в наше время и в так называемых «заказных убийствах», организацию которых никак нельзя приписать Сталину. Сошлемся хотя бы на убийство президента США Кеннеди. Примеры «заказных убийств» последнего времени «с устранением двух-трех “слоев” потенциальных свидетелей», очевидно, без всякой подсказки могут привести многие из наших читателей. Но продолжим цитирование. «Вот фрагмент из его [Н.С. Хрущева. — В. Петров] заключительного слова на XXII съезде КПСС, в 1961 году: “Обращает на себя внимание тот факт, что убийца Кирова раньше был дважды задержан около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался. И вот этот человек оказался в Смольном с оружием в том же коридоре, по которому обычно проходил Киров. И почему-то получилось так, что в момент убийства начальник охраны Кирова далеко отстал от С.М. Кирова, хотя он по инструкции не имел права отставать на такое расстояние от охраняемого. Весьма странным является и такой факт. Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как потом рассказывал шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле

он оказался убитым сопровождающими его лицами. Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил... Кто мог это сделать? Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого сложного дела”» [8]. По уверениям Н. Зеньковича, Н.С. Хрущев не сомневался в том, что Борисов был убит сопровождающими его в Смольный лицами при ими же подстроенной автомобильной аварии.

А теперь можно сослаться на материалы того самого процесса по делу правотроцкистского блока марта 1938 года, о которых очень бегло уже было упомянуто выше при цитировании статьи В. Кавторина. Вот что сообщил, если верить напечатанному, в своем последнем слове подсудимый Ягода. «Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова. Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник. Соучастие, гражданин Прокурор, вы так же хорошо знаете, как и я, — что это такое. Всеми материалами судебного следствия, предварительного следствия не доказано, что я — соучастник этого злодейского убийства» [9]. Ну, что же, версия, которую озвучил в своем последнем слове подсудимый Г. Ягода, вполне понятна с точек зрения как обвинения, так и защиты. Собственное признание, среди прочего, еще и в организации убийства или в прямом потворствовании убийству Кирова, загонит дополнительный гвоздь в его собственный гроб. А ссылка на то, что, дескать, каюсь, вокруг Кирова плелись заговоры, а я, Генеральный комиссар госбезопасности, Нарком внутренних дел, ничего не заметил и ходил, рот распахня, ворон считая. И ни о чем таком нисколько даже и не думал, хотя и был обязан по своей должности предотвратить покушение, дает мизернейший, но все

же шанс оправдаться хотя бы в этом из многих предъявленных обвинений. Вот и, очевидно, подтверждение этого тезиса. «Моя защита и не имела бы здесь никакого практического значения, ибо за каждую миллионную часть моих преступлений, как говорит Прокурор, он требует моей головы. Свою голову я положил и отдаю, но я хочу уменьшить свою огромную задолженность перед Прокурором. Я знаю свой приговор, я его жду целый год» [10]. Но вот какие показания ранее в ходе этого же процесса дал подсудимый Ягода, отвечая на вопросы прокурора Союза СССР Вышинского:

«*Вышинский.* Вы также признаете себя виновным в том, что государственные средства по поручению блока передавали в распоряжение Троцкого?

Ягода. Признаю.

Вышинский. И признаете себя виновным в организации и осуществлении террористических актов: первое — убийство товарища Кирова по поручению блока и по предложению блока?

Ягода. Признаю себя виновным в соучастии в убийстве» [11].

Далее можно процитировать небольшой фрагмент из приговора по данному делу. «Злодейское убийство С.М. Кирова, осуществленное 1-го декабря 1934 года ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром, как это установлено предварительным и судебным следствием по данному делу, было организовано по решению “правотроцкистского блока”, причем непосредственное участие в организации этого террористического акта принимал подсудимый Ягода, который дал специальные указания своим соучастникам, работавшим в Ленинградском управлении НКВД, не препятствовать совершению этого преступления» [12]. Как следует из приговора, Ягода участвовал в совершении убийства Кирова путем устранения препят-

ствий для непосредственного исполнителя или исполнителей. Учтем, что из всех осужденных по данному процессу только Г. Ягода к настоящему времени остался не реабилитированным. Если встать на точку зрения о принципе незыблемости судебного приговора по уголовному делу, как и установленных им фактов в отношении Ягоды, то тогда и спорить не о чем. Убийцей Кирова суд признал Ягodu; приговор в отношении его, единственного из всех осужденных по делу, не отменен и не изменен. Остается только разобраться, кто именно из сотрудников Ленинградского УНКВД или из других организационных формирований НКВД, был у Ягоды соучастником этого преступления. Кстати, поведение Г. Ягоды на процессе по так называемому «антисоветскому правотроцкистскому блоку» в начале 1938 года, как представляется, является косвенным доказательством невиновности Сталина в убийстве Кирова. И вот почему. Допустим, что Г. Ягода действительно выполнял и образцово выполнил прямое указание Сталина об убийстве Кирова. Тогда выходит, что Сталин весьма своеобразно отблагодарил Ягodu за усердную службу, отправив последнего на расстрел. В качестве примера сравним поведение Сталина по отношению к исполнителям убийства Л.Д. Троцкого. Все они были щедро вознаграждены, последним Рамон Меркадер аж в 1960 году, через 7 лет после смерти Сталина. Никто из исполнителей убийства Троцкого после 1940 года не пострадал, хотя все они, совершенно очевидно, были для Сталина неудобными свидетелями. Ягода в 1938 году был приговорен к расстрелу, причем он отчетливо представлял свою судьбу еще за год до процесса. И вот последнее слово подсудимого Ягоды. Судебное заседание является открытым, в зале, наряду с советскими людьми, множество дипломатов и корреспондентов

ведущих зарубежных изданий. Вот тут-то бы Генриху Григорьевичу и самый подходящий момент хорошенько хлопнуть за собой дверь, перед тем, как уйти в вечность. Тем более, что дальше возможности публично высказаться уже не будет, до расстрела рукой подать. Встань, бывший товарищ наркомвнудел Ягода и подробно расскажи суду и пораженной публике в зале, как Сталин уговаривал тебя убить Кирова, какие аргументы приводил, а ты, пусть не сразу, но согласился. Как оба соучаствовали в убийстве Кирова, что тебе обещал Сталин за это и как потом подло обманул, усадил на скамью подсудимых. И что у тебя впереди считанные часы жизни с неминуемым расстрелом. Все это за образцово выполненное задание любимого Вождя. И расскажи все эти пикантные подробности не столько своим соотечественникам, а иностранцам в зале. Ну, хорошо, может быть, твои бывшие подчиненные и не дадут корреспондентам доехать до телеграфа и всех их ликвидируют. Но уж иностранных дипломатов всех поголовно никто не посмеет убрать. После твоих слов весь мир узнает истинного организатора убийства Кирова. И ты уйдешь на тот свет со сладким чувством отмщения. Но нет, последние слова Г.Г. Ягоды совершенно другие. «Кровавого соучастника Сталина» нет и в помине. Можно легко догадаться почему. Даже если бы он и начал говорить подобное, то и не очень компетентный человек должен был бы сразу же серьезно задуматься. Как же так? То Ягода вместе с правыми против Сталина, а то Ягода уже вместе со Сталиным почему-то против Кирова, причем, в одно и то же время. А объяснять подобные извивы в идейной направленности и поведении означало бы для Ягоды залезть в такие словесные дебри, что и не выберешься.

Мотивов, по которым Ягода, согласно приговору, принял участие в

убийстве Кирова, мы здесь не будем касаться, так как они выходят за рамки настоящего исследования.

Теперь перейдем к изучению некоторых аспектов, связанных с гибелью Борисова. В частности, рассмотрим причины, по которым в качестве транспортного средства для доставки Борисова в Смольный был выбран не легковой автомобиль, а открытый грузовик. Версия о том, что грузовик взяли «для скорости доставки», так как под руками в УНКВД на Литейном, 4 не оказалось другого автомобиля, вряд ли можно принимать во внимание. Постараюсь объяснить это положение. Любая спецслужба должна иметь у себя необходимое количество скоростного транспорта для решения задач, возникающих внезапно и в неотложном порядке. Такими средствами во все времена считаются и считались легковые автомобили. По крайней мере, с того времени, когда они широко вошли в обиход. Поэтому у любой спецслужбы должно быть достаточное количество легковых автомобилей с водителями, расположенных очень недалеко от оперативного состава. Такое же положение, очевидно, существовало и 2 декабря 1934 года. Недалеко от УНКВД, напомним, на Литейном проспекте, дом 4, должны были быть сосредоточены оперативные автомобили. Особенно, если учесть тот факт, что обстановка в Ленинграде после убийства Кирова оставалась напряженной и неясной. И личный состав УНКВД явно был переведен на, выражаясь современным языком, усиленный вариант несения службы. Недостатка в легковом автотранспорте у органов НКВД не было. Состояние с автотранспортом, которое было в ВЧК 1919-1920 годов, и которое можно проиллюстрировать ярким примером, к 1934 году уже стало анахронизмом.

«Подняв воротник шинели [Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский. —

В. Петров], поглядел в заиндевшее окно и спросил:

— Холодно сегодня?

— Девятнадцать градусов, — ответил секретарь.

Дзержинский поехал и вышел.

Внизу, вместо автомобиля, стояли санки с облезлой волчьей полостью. На облучке — в кожаных рукавицах, с крагами и с кнутом — сидел шофер Дзержинского.

— Одна лошадиная сила, — хмуро пошутил он. — Пришлось сменить автомобиль на этакую штуковину. Садитесь, Феликс Эдмундович.

С видом заправского лихача шофер отвернул полость и, подождав, пока Дзержинский сядет в сани, рассказал, что сегодня «дошли до ручки» — горючее есть только для оперативной машины, и хотя ребята предлагали перелить, но он отказался, боясь, что Феликс Эдмундович рассердится, если узнает.

— Правильно, — сказал Дзержинский. — Только поедemте поскорее, а то очень холодно.

— А кучера я не допустил, — продолжал шофер, — решил, что сам справлюсь. С автомобилем справляюсь, а тут с одной конягой не справлюсь! Верно?

— Верно, — ответил Дзержинский.

Было очень холодно, и конь плелся, как назло, таким шагом, что Дзержинский совершенно околел. Шофер явно не справлялся с конем, размахивал кнутом, очень много кричал «но-но-о, соколик!», а когда спускались с горы, Дзержинский заметил, что шофер по привычке ищет ногой тормоз.

Феликсу Эдмундовичу хотелось выйти из санок и дойти до вокзала пешком, но он боялся обидеть шофера и мерз в санках, потирая руками то лицо, то уши...» [13]. Прикинем ситуацию, когда подобным образом, на медленно плетущейся лошадке, группа чекистов «оперативно» выезжает на

срочное задание. Явно невозможное зрелище. По крайней мере, совершенно нелогичное. Заметим, что Председатель ВЧК медленно едет к поезду на дрянных санях, а оперативный автомобиль стоит в гараже и находится в полной готовности к быстрому выезду. Описываемая Ю. Германом реакция Дзержинского на это для 1919 года также выглядит как вполне логичная.

Поэтому-то легковые автомобили должны были находиться недалеко от Управления НКВД в тот день 2 декабря 1934 года. А в 1934 году страна стала гораздо богаче, по сравнению с годами Гражданской войны. И легковых автомобилей, и бензина к ним, в УНКВД Ленинграда к тому времени было уже вполне достаточно. И не имелось никаких видимых препятствий к тому, чтобы по первому сигналу быстро подать легковой автомобиль к зданию на Литейном, 4, посадить Борисова и доставить последнего в Смольный. Картина, ярко нарисованная Ю. Германом, когда даже Председателя ВЧК Дзержинского везли к поезду на гужевой повозке, осталась для Ленинградского УНКВД в далеком прошлом. И если чекисты считали, что Борисову что-то может угрожать, то они должны были везти его в специальном автомобиле для перевозки заключенных (так называемом «черном воронке») с сильной охраной. Либо же везти на легковом автомобиле с сильной же охраной на нескольких других аналогичных автомобилях, для того, чтобы со стороны было трудно установить, в каком именно автомобиле находится охраняемый. Очевидно, что выбор в качестве средства транспорта для Борисова открытого грузовика со слабой охраной всего из двух человек, не считая водителя, был обусловлен какими-то скрытыми обстоятельствами, но внешне совершенно исключал опасения о нападении на Борисова по пути следования в Смольный, его по-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

бег или нападение на охрану. Эти обстоятельства логично вытекают из факта, повторимся, сопровождения Борисова всего двумя чекистами.

Кроме того, возникает вопрос, а почему так срочно было необходимо везти Борисова в Смольный. Считается, что Сталин хотел срочно допросить только Борисова и никого другого. Но это совершенно не соответствует действительности. «Сталин со своими спутниками отбыл назад, в Москву, уже 4 декабря, тем же литерным поездом. За этот короткий срок он успел, однако, проделать в Ленинграде очень большую работу. Засев в кабинете Кирова, он вызывал к себе на «собеседование», больше похожее на допрос, следующих лиц: ...» [14]. Посмотрим, с кем же Сталин успел побеседовать за все довольно короткое время своего пребывания в Ленинграде. Несколько секретарш Кирова, Н. Ф. Свешников, Чудов, Д. А. Лазуркина, начальник Особого отдела в обкоме партии Янишевский, Н. Чаплин, А. И. Угаров, Росляков, начальник охраны Кирова Буковский, личный шофер и охранник Кирова Юдин, П. Смородин, Кодацкий, П. И. Струппе, Михальченко, начальник Управления НКВД Медведь, заместитель начальника Управления НКВД Фомин, майор НКВД Л. Никольский, следователи, которые производили допросы Николаева, в том числе А. С. Горин-Лундин, секретарь Запорожца Белоусенко, Алексеев, И. Сватиков, Волкова М. Н. То есть, не менее 26 человек. И это не считая Мильды Драуле и самого Николаева. Одних сотрудников НКВД у Сталина побывало не менее 8 человек. Поэтому можно прийти к выводу, что особой спешки в доставке Борисова не было. 5-10 минут промедления с его доставкой явно ничего не решали. Пока везли Борисова, у Сталина для «собеседования» людей было более чем достаточно. Особо нужно отметить

М. Н. Волкову, с которой Сталин беседовал очень длительное время. «Беседа с ней происходила 2 декабря [возможно, что В. А. Лесков ошибается в дате, а в действительности эта беседа состоялась 3 декабря. — В. Петров] и продолжалась с 10 часов утра до 8 часов вечера! Вместе со Сталиным на беседе присутствовали Молотов, Ворошилов, Жданов, Чудов, Кодацкий и два известных московских профессора, лечивших членов ЦК и Политбюро, — Казаков и Плетнев, которые освидетельствовали Волкову, доставленную в Смольный из отделения психиатрии в Обуховской больнице, куда она была доставлена Медведем по причине врожденной шизофрении». (Валентин Лесков. Охота на вождей. От Ленина до Троцкого. — М.: Вече, 2005, с. 190) [15]. Из приведенной цитаты и дальнейшего текста книги В. Лескова остается неясным, почему Сталину и другим лицам понадобилось тратить столько своего, в создавшейся ситуации поистине драгоценного, времени, на длительную беседу с какой-то шизофреничкой. Но ларчик открывался очень просто. Она была негласной осведомительницей Управления НКВД и осенью 1934 года сообщила о готовящемся убийстве Кирова. За такое сообщение ее как раз и срочно поместили в психиатрическую больницу, срочно же оформив ей диагноз «врожденная шизофрения». Естественно, что после беседы со Сталиным никакой «шизофрении» у нее не осталось.

Теперь остановимся на вопросе о том, грузовик какой марки использовался 2 декабря 1934 года. Вообще, необходимо отталкиваться от сведений о том, что грузовик, на котором везли на допрос в Смольный Борисова, имел грузоподъемность 1,5 тонны, других технических сведений обнаружить не удалось. Посмотрим же, какие грузовики-полуторки и каких марок могли быть в распоряжении Ленинградского УНКВД днем 2 декабря 1934 года.

Итак, грузовые автомобили грузоподъемностью полторы тонны отечественного производства.

Грузовой автомобиль АМО-Ф15. Выпускался в СССР в 1924-1931 годах. Мест в кабине — 2. Максимальная скорость с полной нагрузкой по дороге с асфальтобетонным покрытием 50 км/час. Максимальная мощность двигателя — 35 лошадиных сил [16]. Данный автомобиль являлся крайне неглубокой модернизацией итальянской модели ФИАТ-15Тер, созданной в Италии перед Первой мировой войной и в 1916-1918 годы выпускавшейся на московском заводе АМО методом «отверточной сборки» из поставленных по российским заказам готовых машинокомплектов.

Грузовой автомобиль ГАЗ-АА. Выпускался нижегородским (позднее, в связи с переименованием города, горьковским) автозаводом в 1932-1948 годах. Мест в кабине — 2. Максимальная скорость с полной нагрузкой по дороге с асфальтобетонным покрытием 70 км/час. Максимальная мощность двигателя — 40 лошадиных сил [17]. Данный автомобиль являлся практически неизменной по элементам конструкции за первые годы выпуска в СССР моделью американского грузовика Форд-АА.

Других отечественных моделей грузовых автомобилей, которые имели бы грузоподъемность полторы тонны, в СССР до декабря 1934 года, как и несколько позднее, попросту не выпускалось. Конечно, вполне возможно, что тогда могло быть небольшое количество грузовиков указанной грузоподъемности, импортированных в СССР из других стран. Но они, в общем, должны были иметь примерно те же технические характеристики, что и те, которые указаны выше.

Здесь нужно отметить следующее. Все указанные выше технические характеристики были заявочными, для гипотетических «идеально выпущен-

ных», без малейших технологических нарушений в процессе их изготовления, новых автомобилей, применительно к эксплуатации в идеальных условиях: дороги с хорошим качеством покрытия, грамотное вождение, соответствующие инструкции завода-производителя условия технического обслуживания, употребление только строго подходящего бензина и т. п. Применительно к условиям эксплуатации тех лет, характеристики автомобилей всегда были хуже заявленных, иногда значительно. Плохое качество сборки и постоянный брак на отечественных автомобильных заводах вели к снижению качеству конструкции даже в совершенно новых автомобилях. Далее, в процессе повседневного использования, при постоянном употреблении плохого отечественного бензина и смазочных масел, недостаточно грамотной эксплуатации и низком техническом обслуживании, использовании по плохим дорогам, качество которых не нужно особо разъяснять читателю, их двигатели уже не могли развивать заявленной мощности. Соответственно, да еще с учетом плохого качества механических коробок передач, снижалась и эксплуатационная скорость автомобилей. К тому же, учитывая повсеместное достаточно плохое состояние дорог в Ленинграде, да еще с учетом зимнего обледенения, отсутствия шипованных покрышек и заднеприводную схему, при одной ведущей оси, практическая эксплуатационная скорость движения грузового автотранспорта днем 2 декабря 1934 года не должна была на большинстве улиц города превышать 40-45 км/час. В том числе, примерно с такой скоростью должен был бы ехать и грузовой автомобиль, везущий Борисова в Смольный.

Рассмотрим маршрут, по которому должен был двигаться грузовой автомобиль, якобы перевозивший Бори-

сова. Выезд из ворот здания управления на улицу Воинова, ныне Захарьевскую. Далее правый поворот и прямое движение по улице Воинова до площади у Смольного. Водитель грузовика, как сотрудник НКВД, должен был очень хорошо знать маршрут движения и предвидеть дорожную обстановку на нем. Отметим также еще раз, что автомобильное движение в центре Ленинграда в 1934 году было настолько слабым по сравнению с современным, что это трудно даже представить читателю. При поездке в грузовом автомобиле с открытой платформой, даже на короткое расстояние, все находившиеся в нем, в том числе и Борисов, учитывая погодные условия 2 декабря 1934 года, должны были быть одетыми в зимнюю одежду и зимние головные уборы, а также обуты в закрытую обувь.

Существует несколько версий внезапного изменения движения автомобиля: занос на скользком дорожном покрытии, попадание переднего колеса на ухаб, вмешательство в работу водителя сидящего рядом пассажира. Но на указанной выше скорости, столкновение грузовика со стеной не могло произойти иначе, как с весьма небольшой энергией. Косвенным подтверждением этому является следующее. Согласно официальной версии, в результате столкновения со стеной автомобиль получил небольшие повреждения, и никто из остальных трех человек, находившихся кроме Борисова в автомобиле, при аварии не получил никаких серьезных повреждений, за исключением легких ссадин или кровоподтеков. И лишь Борисов, согласно той же официальной версии, почему-то получил смертельные повреждения, от которых и скончался на месте аварии.

В литературе существуют данные, что Борисов был убит во время столкновения со стеной сопровождавшим его в кузове охранником. «...Личный

охранник Кирова Борисов... был убит во время аварии по дороге в Смольный **ударом лома по голове** [выделено мною. — В. Петров] сотрудниками НКВД, сопровождавшими его на грузовике на допрос к Сталину. В 1934 году аварию машины объяснили ее неисправностью, глухой стеной, о которую расшибся Борисов. Шатуновская разыскала водителя этого грузовика Кузина, чудом уцелевшего в лагерях, он рассказал, что сидевший рядом сотрудник НКВД вдруг выхватил у него руль и направил машину на глухую стену. Но Кузин успел перехватить руль, так что пострадала только фара. «Была инсценировка аварии. Борисова **убивали камнем по голове** [выделено мною. — В. Петров]», — показал Кузин» [18]. Обратим внимание, что один и тот же автор на протяжении нескольких строк дает различные варианты предмета, которым били Борисова по голове, говоря то о ломе, то о булыжнике, хотя это совершенно различные по внешнему виду объекты. Но, предположим, что Борисов все же был убит ударом по голове на месте столкновения грузовика со стеной. Разберем эту ситуацию. Допустим, что охранник, сидящий в кузове рядом с Борисовым, когда автомобиль остановился, уткнувшись в стену дома, ударил его по голове и убил. Тогда все, пусть и немногочисленные, случайные прохожие на улице, должны были ясно видеть интересную картину. В стену дома въезжает грузовик и останавливается. Один из сидящих в кузове немедленно бьет своего соседа чем-то по голове. Находящиеся недалеко лица даже могут разглядеть, что это лом или большой камень. Потом проверяет (прощупывая пульс, расстегнув пальто и прижав ухо к его груди), жив ли Борисов, а затем, если убеждается, что сердце бьется, добавляет по голове еще разок. Следует помнить, что днем 2 декабря с момента убийства С.М. Кирова прошло меньше суток.

Город ощутимо бурлил. Накануне, вечером 1 декабря, на партактиве даже ставился вопрос о возможном вооружении рабочих крупных заводов, так как в возникшей атмосфере не исключались крупные волнения и беспорядки, в том числе с участием неких, в любой момент готовых выйти на улицы якобы существующих подпольных формирований белогвардейских офицеров, наличие которых вполне предполагалось временным руководством города. Атмосфера была очень тревожной. В такой ситуации была высока вероятность, что видевшие все это действие случайные, но доброхотно настроенные люди, сбегутся и, без разбору навешав как следует всем находящимся в грузовике, кроме, разумеется, мертвого Борисова, хороших тумачков, приволокут их в ближайшее отделение милиции, адрес которого подскажет им подбежавший к месту события постовой милиционер. После описанной картины, возможность которой была весьма высока, скрыть убийство Борисова сопровождающим лицом, а не случайную гибель при аварии, станет уже невозможным, клубок следствия начнет стремительно разматываться и до заговорщиков очень быстро доберутся. Поэтому такой образ действий, чтобы исключить риск разоблачения, должен был быть исключен. Никак нельзя было полностью избежать и другого варианта развития событий после аварии грузовика. Ведь, хотя возраст Борисова и составлял более пятидесяти лет, он все же, по своей должности личного охранника Кирова, явно был неплохо физически подготовлен. И по должности наверняка обладал навыками борьбы и самообороны. И при, пусть даже внезапном, нападении на него единственного сидящего рядом с ним сопровождающего, мог вполне как-то отбить это нападение. А далее, моментально сообразив, что его явно хотят убить, не ввязываясь в схватку, выпрыгнуть из

кузова грузовика и побежать в направлении ближайшего постового милиционера. Да не молча, а, быстро сообразив, что терять-то ему при таком раскладе уже явно нечего, громко крича: «Помогите! Я начальник охраны Кирова. На меня совершено покушение!» А бежать до ближайшего постового никак не более 70-80 метров, так как улица Воинова — это правительственная трасса. Причем, как человек опытный, он побежал бы наверняка зигзагами, так, что даже стрельба по нему была малоэффективна. Да и стрельбу сопровождающему потом тоже трудно будет объяснить. А далее повторится уже описанный вариант со случайными свидетелями, но с еще более худшими для сопровождающих лиц последствиями. И клубок следствия опять начнет разматываться, да еще более эффективно.

Поэтому напрашивается самый безопасный для убийц вариант ликвидации Борисова, на который исследователи до сих пор почему-то не обращали должного внимания. А именно следующий...

Убийство Борисова ударом по голове тупым предметом в одном из изолированных помещений Управления НКВД, сразу же после того, как он был затребован в Смольный для его допроса Сталиным и, в перспективе, приехавшими из Москвы следователями. Это можно было сделать аккуратно и совсем безопасно. Принять решение на убийство во внутреннем помещении УНКВД, было необходимо очень быстро, так как после вызова Борисова в Смольный имелось мало времени. После этого оставалось бы, также очень быстро, решить вопрос о том, как наиболее убедительно объяснить смерть Борисова в тот короткий промежуток, не более 20-30 минут от вызова до планируемого появления Борисова в Смольном.

Рассмотрим подробно эту неожиданную для большинства читателей

версию. Если возникла необходимость убить Борисова, то, повторим, гораздо проще и безопаснее было сделать это в изолированном помещении Управления НКВД, а не на пустой даже и малолюдной улице, в присутствии лишних случайных свидетелей, которых потом будет очень трудно в создавшейся обстановке заставить молчать. Затем оставалось бы лишь погрузить тело на автомобиль и начать перевозку еще якобы живого и здорового Борисова в Смольный, имея намерение в дальнейшем по пути следования организовать любое, пусть даже самое легкое, но обязательно столкновение автомобиля с каким-то массивным предметом, которое объяснило бы смерть от удара при аварии. И вот тут мы подходим к гипотезе о том, почему для реализации этого плана понадобился именно открытый грузовик, тогда как использование любого легкового или специального автомобиля категорически исключалось. Очевидно, что в числе заговорщиков был чекист, по своей должности полномочный принять решение об использовании автомобиля любого, легкового, грузового, или специального вида. А посвящать «постороннего» водителя в ту существенную деталь, что везут не живого, а уже мертвого Борисова, никоим образом было нельзя. Но лиц водительского состава, ввиду их еще относительной небольшой среди чекистов того времени численности, среди заговорщиков явно не было. Салоны (кабины) легковых автомобилей того времени были в основном четырехместными, изредка номинально пятиместными. В любом случае, всех их объединяло то, что они имели тесный внутренний объем и плохую, выражаясь современным языком, эргономику. Это обстоятельство обуславливало весьма близкую по отношению друг к другу посадку водителя и пассажиров. И даже если посадить внутрь мертвого Борисова и

придерживать его, то, все равно сохраняется высокая степень вероятности следующего. Близко находящийся к любому месту расположения внутри автомобиля труп Борисова водитель сразу разглядит, что он мертвый или же, по крайней мере «какой-то не такой, весьма странно выглядевший с самого начала перевозки». И следователи начнут это, что называется, «копать». Кроме того, было еще одно соображение, которое, если даже сразу и было неочевидным, то в дальнейшем могло оказаться роковым для заговорщиков. Даже если бы водитель легкового автомобиля и не заметил бы ничего необычного в Борисове при посадке и поездке, то в дальнейшем он мог бы начать говорить, что Борисову при небольшом столкновении не обо что было удариться внутри легкового автомобиля так, чтобы получить смертельную травму. По такой же причине, очевидно, было нельзя использовать автобус. Кроме того, автобусов в то время было еще очень мало.

Ни один из специальных автозаков (так называемых «черных воронок») заговорщики тоже не могли использовать, ввиду того, что они, очевидно, имели свой постоянный штат конвойных охранников, отдельный от штата оперативных служб. Никто из конвойного штата, очевидно, не был связан с заговорщиками. И подача во дворе Управления НКВД внутрь фургона кузова автозака уже мертвого Борисова обязательно вызвала бы всякие неприятные вопросы со стороны конвоя. (Были и иные очевидные соображения, но они выходят за рамки настоящей гипотезы).

Конечно, можно было бы использовать и какую-то еще модификацию грузового автомобиля, например, грузовой закрытый фургон не «автозаковского», а обычного хозяйственного типа. Но в то время количество выпускавшихся, и, соответственно, используемых единиц подобных модификаций автотран-

спорта было крайне незначительным. Это с большой долей вероятности предопределяло факт, что их было мало и все они находились весьма далеко от здания Управления НКВД. А, отсюда, время, необходимое для их подъезда к зданию УНКВД, в создавшейся обстановке было весьма значительным, а это привело бы к явному и, в дальнейшем, очень трудно оправдываемому нарушению указания о немедленной доставке Борисова в Смольный.

Оставался только вариант использования открытого грузовика, которые, пусть и в малом, но достаточном количестве, находились в минутной доступности. Был вызван первый попавшийся из находящихся неподалеку, грузовик, принадлежавший системе НКВД. За то незначительное время, пока он подъехал к месту погрузки, а, возможно, и чуть ранее, Борисов, находившийся в помещении, выходящем непосредственно во внутренний двор УНКВД, был убит ударом по голове. Убийца, или кто-то, находившийся рядом, быстро убедился, что Борисов действительно мертв (перестал дышать, отсутствует пульс). Водитель грузовика в это время уже был в другом, близко, но не вплотную расположенном к первому помещению (или еще только находясь поблизости, к нему подъезжал или подходил), для короткого предварительного инструктажа. Он получил совершенно обычный, с точки зрения дальнейшего следствия, предварительный инструктаж, по своей продолжительности также не выходящий за обычные рамки, возможно, всего в течение 2-3 минут, или чуть более продолжительный. В ходе инструктажа до водителя подробно довели обычные для таких случаев сведения о маршруте следования в Смольный, сказали о необходимости резкого усиления бдительности в условиях после убийства Кирова и сообщили еще какие-то также совершенно обычные, необходимые для данной

ситуации, сведения, ни у водителя, ни в дальнейшем у следствия не вызвавшие никаких подозрений. В качестве старшего машины водителю был представлен один из заговорщиков.

В период проведения инструктажа, за те же 2-3, или ненамного большее количество минут, из другого помещения, которое от места инструктажа водитель заведомо видеть не мог, как не мог видеть и свой грузовик, заговорщиками, скорее всего, двумя, максимум тремя из них, был быстро вынесен и загружен в кузов уже мертвый Борисов и размещен на скамейке у кабины, в обычном для пассажира месте в кузове, сидячем положении, спиной к кабине. Один из загружавших сел в качестве сопровождающего рядом с мертвым Борисовым, слегка придерживая его, чтобы тот не сполз набок или не опрокинулся при начале движения грузовика и его дальнейшем продвижении по улицам. Водитель грузовика, поторапливаемый старшим машины, быстро вышел из инструктажного помещения, так же быстро вскочил на подножку и сел на свое водительское место, лишь мельком заметив, не уделив никакого специального внимания, обращенных к нему спинами двух людей, обычным манером неподвижно сидящих в кузове. Один из сидящих в кузове людей то ли по-дружески приобнимал, то ли слегка придерживал другого. Эти два сидящих человека явно не представляли из себя ничего мало-мальски примечательного для водителя. Рядом с водителем, так же быстро, сел старший машины. От него прозвучал приказ на начало движения по установленному маршруту. И уже мертвый, но для всех официально еще живой, Борисов поехал номинально в Смольный, а фактически к мнимому месту своей гибели. Все описанное выше произошло очень быстро и со стороны абсолютно не подозрительно.

Заговорщики при этом особо не рисковали. Ведь судебно-медицинских методик, которые позволили бы, спустя уже несколько часов, дифференцировать пятнадцатидвадцатиминутное отличие между истинным и сфальсифицированным моментами наступления смерти Борисова, в то время еще не существовало. А даже и в наше время, в начале XXI века, это является во многом весьма сложной проблемой. Конечно, какой-то риск разоблачения и в этом варианте имелся. Но, за неимением лучшего, видимо пришлось реализовывать именно этот вариант.

В дальнейшем следователи неоднократно допрашивали водителя, еще долго жившего после событий 2 декабря 1934 года. Но так как рассмотренную выше версию никто не выдвигал, то и, соответственно, прицельно связанных с ней вопросов водителю никто и не задавал. А сам водитель, до такой версии, что вполне естественно, додуматься не мог. Максимум, что вызывало его и следователей подозрения, так это внезапные действия сопровождающего, когда последний, при проезде Потемкинской улицы, внезапно схватился за рулевое колесо автомобиля и повернул его, направив грузовик в стену. Но следователями это трактовалось всегда либо как оригинальный способ убить Борисова, либо как способ дать возможность сидящему в кузове сопровождающему ударом по голове убить Борисова. Либо же трактовалось вообще в качестве какой-то досадной странности со стороны сидящего в кабине сопровождающего, благодаря которой Борисов покончил жизнь самоубийством, опять же весьма оригинальным способом, выпрыгнув из кузова вниз головой на поверхность мостовой или тротуара. А «по горячим следам», в начале декабря 1934 года, следствие явно было сосредоточено на расследовании обстоятельств убийства

С. М. Кирова, а отнюдь не его охранника Борисова.

Теперь рассмотрим, весьма коротко, возможные мотивы убийства Борисова. Как представляется, мотивы убийства Борисова являются строго производными от причин убийства Кирова. С 1934 года и по сей день никем из авторов не озвучены никакие иные возможные варианты этих мотивов, которые имели бы «изолированный» от убийства Кирова характер. Никто и никогда не пытался предложить версию о том, например, что Борисов был убит в отместку за свои любовные похождения. В том возможном варианте, что он вступил в любовную связь с женой кого-то из чекистов Ленинградского УНКВД, а последний, взяв, да и напросившись сопровождать Борисова в кузове грузовика, по дороге в Смольный, улучив подходящий момент, и пристукнул последнего.

Итак, будем исходить из постулата о том, что мотивы убийства Борисова теснейшим образом связаны с убийством Кирова. За что же, рассматривая вопрос более конкретно, могли убить Борисова? И вот тут мы вынуждены вступить на тонкий лед предположений. Возможна следующая фрагментарная картина событий. Когда 2 декабря 1934 года поступило распоряжение о срочном вызове Борисова в Смольный к Сталину, заговорщики перепугались. Ведь не исключался вариант, что во время допроса Борисов, самостоятельно или же под воздействием задаваемых ему опытными следователями вопросов, вспомнит или сообщит о таких мелких деталях, на которые он, вчерашним днем и вечером 1 декабря, находясь в тяжелом стрессе под воздействием происшедшего с Кировым, не обратил никакого специального внимания, но, тем не менее, мог твердо запомнить их. Например, могло произойти следующее. Борисова на лестнице остановил кто-то из знакомых чекистов и начал расспрашивать.

Поэтому Борисов был вынужден на короткое время остановиться. И расспрашивал этот чекист Борисова по служебным вопросам, не вызывающим никакого сомнения. Киров за это время ушел вперед. Борисов, ответив на вопросы, попытался Кирова догнать в большом коридоре третьего этажа, но до выстрелов так и не успел. Возможно также, например и такое. Киров, когда вошел в Смольный, сказал Борисову, что хотел прогуляться и ехать прямо во дворец Урицкого, но был на улице срочно вызван одним из чекистов для разговора с Москвой по ВЧ связи. И что Москве срочно потребовались какие-то данные, которые имелись только в его служебном кабинете.

И вот, чтобы упредить возможное освещение всех этих и других подобного же рода важных, хотя и мелких деталей и, отталкиваясь от них, стремительное разматывание ряда тщательно скрываемых аспектов убийства Кирова, Борисова и лишили жизни. Очень важный свидетель, понимание истинного значения которого во многом утрачено из-за его чрезвычайной ранней, по отношению к процессу следствия по делу, гибели, был спланированным, хотя и вынужденно экспромтным ввиду дефицита времени, способы выведения заинтересованными лицами из числа источников доказывания по такому крупнейшему уголовному делу.

Еще неожиданные сведения. 7 декабря 2009 года, была опубликована статья Натальи Барсовой «Я упустил много хороших моментов». В этой статье, в частности, написано: «Кирова убил охранник? Татьяна Сухарникова, изучив все доступные историкам материалы по убийству Кирова, не сомневается в том, что Николаев готовил убийство Кирова. Однако она не уверена в том, что именно его выстрел погубил конкурента Сталина.

— Выстрелов было несколько. Вероятно, между Николаевым и охран-

ником Кирова произошла перестрелка. Недавно криминалистами установлено, что пуля, убившая Кирова, была с мельхиоровым покрытием — это новые данные, прежде неизвестные. Возникает вопрос: а из нагана ли Николаева эта пуля? На этот вопрос должны ответить криминалисты — необходимо новое исследование нагана Николаева, который в 1951 году был передан из нашего музея в КГБ. Возможно, что роковой для Кирова стала случайная пуля его охранника!» [19]. Если верить написанному, то, что называется, приехали! Ведь уже в 1934 году можно было простым внешним осмотром отличить пулю револьвера «Наган» с характернейшей плоской формой ее переднего конца от другой пули, с мельхиоровым покрытием и округлой или сферической вершиной. Стандартные же пули к револьверу «Наган», которые в свое время приобрел Николаев, никогда не имели мельхиорового покрытия. А о каких-то показаниях Николаева, в которых тот указал бы о своей перестрелке с охранником Кирова, в литературе сведений вроде не публиковалось. Кроме того, в 1951 году никакого КГБ еще не существовало в природе, так как было Министерство государственной безопасности. А Комитет госбезопасности появился позднее, во времена Хрущева. Обращает на себя внимание год передачи револьвера — 1951, в котором произошла резкая смена руководства МГБ. Профессиональный чекист В.С. Абакумов 4 июля 1951 года был отстранен от должности и вскоре арестован [20]. Ему на смену пришел с поста заведующего отделом ЦК ВКП(б) партийный чиновник Игнатьев [21]. А если уж по «основному» делу об убийстве Кирова была допущена такая вопиющая погрешность, то что же там говорить о тщательности расследования «вспомогательного» дела о гибели Борисова.

И еще одно дополнение, которое представляется необходимым. «1/XII 1934 К[иров] был по прямым указаниям Зиновьева и Троцкого предательски убит Николаевым, членом троцкистско-зиновьевской террористической фашистской банды. Эта банда, являясь передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии и действуя совместно с фашистским Гестапо [выделено мною. — В. Петров], ставила своей задачей реставрацию капитализма в СССР и считала основным средством своей борьбы с Советской

властью индивидуальный террор против вождей партии» [22]. Статья в энциклопедии подписана именем Б. Позерна. Не беремся судить о том, кто именно написал строки о совместных действиях «с фашистским Гестапо», сам Б. Позерн, или же какой-то из редакторов энциклопедии. Важно другое. Эти строки были доведены в 1936 году до широкого круга читателей. Значит, указанные слова были прямым указанием на наличие «немецкого следа» в деле об убийстве С.М. Кирова. И эти сведения отнюдь не скрывали.

Литература

1. Кирилина А. Киров. Последний год жизни // Ленинградский рабочий. 26 февраля 1988 г., с. 5.
2. Там же.
3. Кавторин В. Не утопить в версиях! // Ленинградский рабочий. 16 сентября 1988 г., с. 10.
4. Росляков М. В. Выстрел в Смольном // Ленинградская правда. 01.12.1988 г.
5. Зенькович Н. Вожди на мушке. Теракты и инсценировки. — Минск: Полымя, 1996, с. 117.
6. Там же, с. 118 – 119.
7. Там же, с. 120 – 121.
8. Там же, с. 121.
9. Судебный отчет. Материалы Военной коллегии Верховного Суда СССР. — М.: Международная семья, 1997, с. 675.
10. Там же.
11. Там же, с. 494.
12. Там же, с. 684.
13. Герман Ю. Рассказы о Феликсе Дзержинском. — Л.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1955, с. 244 – 245.
14. Лесков В. Охота на вождей. От Ленина до Троцкого. — М.: Вече, 2005, с. 189.
15. См.: Там же, с. 189 – 190.
16. См.: Краткий автомобильный справочник. Издание 5-е, переработанное и дополненное. — М.: Транспорт, 1967, с. 486 – 487.
17. См.: Там же.
18. Зенькович Н. Вожди на мушке..., с. 124.
19. Барсова Н. «Я упустил много хороших моментов» // Ваш тайный советник. 07.12.2009 г. № 47 (375), с. 14.
20. См.: Диенко А. (авт.-сост.). Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. — М.: Русский мир, 2002, с. 8.
21. См.: Там же, с. 205.
22. Позерн Б. Киров / Большая Советская Энциклопедия. Том тридцать второй. М.: ОГИЗ РСФСР, Государственный институт «Советская энциклопедия», 1936. Ст. 397 – 411, ст. 410.

МАТЕРИАЛ ОПУБЛИКОВАН ПО ИНИЦИАТИВЕ РЕСТАВРАТОРА —
АНДРЕЯ ПАВЛОВА-АРБЕНИНА

К. Аджемов

ГОЛОС МОСКВЫ

(из записок радиоредактора)

I. МОСКВА, 1941-1945

Перебирая старые записи, я нашел в своих дневниках краткие заметки о музыке, звучавшей по Всесоюзному радио в годы Великой Отечественной войны. Подумалось, что современному читателю могут быть интересны эти заметки, в какой-то мере отражающие напряженную работу многих и многих советских музыкантов в то суровое время. Ведь радио, и в частности музыкальное радиовещание, было тогда подлинным форпостом советской культуры, советского искусства.

...Воскресенье 22 июня 1941 года. Радио принесло весть о внезапно начавшейся войне. Ранее намеченные передачи были отменены, экстренно организовывались новые. Мне, в то время начинающему редактору музыкального вещания, довелось участвовать в этой напряженной работе. Составлялись списки музыкальных сочинений, которые мы считали возможным включить в программы теперь уже военного времени. 22 июня передачи транслировались из студий Центрального телеграфа на улице Горького. В одном из вечерних концертов выступили Л. Оборин и Ф. Петрова. Прозвучали *fis-moll'*ный полонез Шопена, Баллада Рогнеды из одноименной оперы Серова. Короткий перерыв для экстренных «По-

следних известий», после чего Оборин сыграл несколько этюдов и прелюдий Шопена...

Разворот событий внес изменения в состав музыкальной редакции, включавшей большое число музыкантов разных поколений, различного творческого профиля. Многие товарищи ушли на фронт, в народное ополчение, большинство женщин было эвакуировано. К осени 1941 года осталось всего несколько сотрудников. Им предстояло трудом своим вписать памятную страницу в историю советской музыкальной культуры. Начиная с осени 1941 года и в течение четырех военных лет музыкальное радиовещание возглавляли талантливые деятели, энтузиасты советского искусства Моисей Абрамович Гринберг и Георгий Никитич Хубов.

Вскоре после объявления войны музыкальная редакция переехала из здания в Путинковском переулке в импозантный Дом радиовещания и звукозаписи на Малой Никитской (ныне улица Качалова). Здесь сперва в двух, а затем в трех студиях у микрофона выступали все известные мастера искусств, оставшиеся в Москве. В передачах принимали участие Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио, возглавляемый Николаем Семеновичем Головановым, группа солистов-певцов и инструменталистов, несколько хоровых коллективов

и ансамблей малых составов. Передачи транслировались также из Дома ученых и Колонного зала Дома Союзов (в первые месяцы войны это были только передачи, открытые концерты стали организовываться позже).

Радиоконцерты, продолжавшиеся не более тридцати минут, планировались и оформлялись за день-два до передачи. Транслировались они в 1941-1942 годах по одной-единственной программе, причем очень часто прерывались экстренными сообщениями, на ходу сокращались, а то и перестраивались.

Столь напряженная работа проходила в нелегких условиях. Студии Дома радиовещания и звукозаписи почти не отапливались, и не только в первую суровую военную зиму, но и в 1942-1943 годах.

«...В студии холодно (3 градуса тепла). У инструменталистов стыннут руки... Певцы с трудом владеют дыханием...» — записано в моем дневнике от 26 декабря 1941 года.

Частые сигналы воздушной тревоги, испытания и волнения, выпадавшие в те дни на долю каждого, — все это не мешало людям быть необычайно собранными, целеустремленными.

В первые два военных года каждый редактор должен был составлять целиком музыкальные программы какого-либо одного дня. Разумеется, необходимо было представить в них самые различные музыкальные жанры. Каждый из четырех или пяти музыкантов, редактировавших передачи, получал таким образом возможность планировать по своему усмотрению в течение месяца шесть, а в случае болезни коллег — семь-восемь дней музыкального вещания. Отсюда тесная связь редакторов со многими солистами и коллективами, отсюда и исключительная ответственность, ложившаяся на наши плечи. Выступать у микрофона — означало нести свое искусство

тем, кто боролся на фронте и в тылу, — всему нашему народу.

Доброе слово хочется вспомнить дорогих товарищей, с которыми мы вместе трудились в годы войны, отдавая музыкальному радиовещанию все наши знания, силы, все, на что были способны. Вот их имена: Вит Зденекович Неедлы, Лидия Васильевна Шилтова, Лев Львович Калтат, Ирина Ивановна Калтат (Хубова), Софья Наумовна Цфас, Евгений Владимирович Петерсон, Ольга Николаевна Шиманович, Вера Леонидовна Сухаревская, Виктор Алексеевич Костин, Дарья Львовна Ермилова, Елена Яковлевна Сондак, Клавдия Александровна Петрова, Римма Иосифовна Генкина, Юлия Ивановна Зорова, Нина Петровна Авенариус, Серафима Власьевна Огородник...

* * *

Шли великие сражения, определявшие судьбы человечества... Вспоминаю свое дежурство 3 февраля 1943 года. Утром, вслед за передачей долгожданной и знаменательной сводки об окончательной ликвидации немецко-фашистских войск под Сталинградом, прозвучали записи песен А. В. Александрова, А. Новикова, ряда маршей. Но уже в 8 часов 45 минут утра скрипачка Е. Гилельс исполнила несколько пьес советских композиторов. Музыкальные программы того памятного дня включали выступление Украинской капеллы под управлением С. Сахарова, симфонический концерт из произведений И. Стравинского и Д. Шостаковича в записи под управлением Л. Стоковского, Восемнадцатую фортепианную сонату Бетховена в исполнении И. Михновского. Романсы Г. Свиридова и Ю. Шапорина на стихи Пушкина и Блока спел С. Мигай. В одной из вечерних передач по заявке бойцов и командиров

Красной Армии прозвучала увертюра-фантазия Чайковского «Ромео и Джульетта», сыгранная Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио под управлением К. Иванова. Старинные русские романсы и вальсы вошли в передачу с участием Н. Обуховой и В. Борисовского. С большой программой выступила в сопровождении джаз-оркестра К. Шульженко. А поздно вечером были переданы мелодии из оперетт Оффенбаха. В этот же день баянисты А. Кузнецов, Я. Попков и Н. Данилов сыграли фантазию на темы французских песен, в основе которой была мелодия из популярного довоенного фильма «Под крышами Парижа» (вновь по заявке группы командиров).

...Начались так называемые «салютные концерты», звучавшие вслед за передачами сводок Советского информбюро и салютами. В этих случаях заранее намеченные передачи, естественно, отменялись. Поначалу мы организовывали салютные концерты непосредственно из студии. Самые известные мастера и ансамбли приезжали на Малую Никитскую, в тогдашнюю студию № 15 и сообщали редакции о своем желании исполнить то или другое сочинение. Это были лучшие номера репертуара артистов. Здесь требовалась оперативность, умение буквально на ходу придумать композицию концерта. Надо было и не повторяться и сделать так, чтобы в эфире звучало все наилучшее. К сожалению, со временем появились некие штампы в составлении салютных концертов. Мы это заметили и стремились от них избавиться.

Как уже говорилось, основой вещания оставались выступления артистов из студий, непосредственно транслировавшиеся в эфир. Магнитофонными записями в то время мы еще не располагали. Граммофонные пластинки использовались минимально. И вот все чаще и чаще, от месяца к месяцу

салютные концерты стали передаваться в записи на тон-фильм. Был составлен объемный буклет, где были поименованы сочинения, рекомендованные для салютных концертов. Качество передач заметно улучшилось.

...Не прошло и двух недель после сообщения об окончательной ликвидации немецко-фашистских войск в районе под Сталинградом, как 16 февраля 1943 года в 22 часа 30 минут — еще одно исторически важное событие — был освобожден Харьков! В тот день — и до салюта, и после него — в эфире звучало много музыки: виолончельная соната Шопена, сыгранная С. Кнушевицким в ансамбле с А. Иохеле-сом, арии из «Юлия Цезаря» Генделя, романсы Чайковского в исполнении певца Н. Даутова, которому аккомпанировал пианист А. Ведерников. В концерте легкой музыки звучали мелодии И. Дунаевского, сатирические песни, среди которых популярная в те дни «Барон фон дер Пшик». В тот же день вслед за выступлением пришедшего к нам в студию академика Е. Тарле, читавшего страницы своей новой книги «Крымская война», была дана запись Второго концерта Рахманинова в исполнении автора и Филадельфийского оркестра под управлением Л. Стоковского.

Не забыть, как после передачи в секторе выпуска, где я находился, раздался звонок. Вздвигнувшийся мужской голос благодарил за радость встречи с искусством Рахманинова... Еще через полтора месяца, 28 марта 1943 года Рахманинова не стало.

6 апреля того же года в 10 часов 40 минут утра на Малую Никитскую пришла Антонина Васильевна Нежданова. Передача давалась из небольшой студии № 17, откуда обычно транслировались камерные концерты. Нежданова пела в то утро Грига, пела как-то особенно вдохновенно. Помню, она приблизилась вплотную к микрофо-

ну, несколько отойдя от рояля, за которым сидел Николай Семенович Голованов, приподняла руки, обращаясь к незримой аудитории, и зазвучал романс «Лебедь».

Затаив дыхание, я внимал чуду искусства. Поэзия прощания с лебедем одухотворила каждую григовскую интонацию, каждое слово Ибсена. В ответ на мою благодарность уже после передачи Антонина Васильевна с глазами, полными слез, сказала, что пела, думая об ушедшем любимом друге Сергее Васильевиче Рахманинове... В то же утро Нежданова (она приближалась к своему 70-летию) исполнила еще два романса Грига — «Прекрасная мечта» и «Маргарита».

Мы считали возможным в те дни порой передавать лирические концерты. Так, совместно с известным литературоведом В. Ермиловым была задумана однажды передача о лирике В. Маяковского и С. Прокофьева. Она состоялась 3 января 1943 года в дневные часы. В. Яхонтов читал стихи Маяковского, М. Юдина играла отдельные «Мимолетности» Прокофьева. Концерт, которому предшествовала передача материалов из центральных газет, оставил большое впечатление.

Все охотнее редакторы работали над передачами-композициями, включавшими музыку и слово. Один из подготовленных мною концертов возвращал радиослушателей к минувшим временам. Прозвучали в определенной последовательности менуэт из Восьмой скрипичной сонаты Бетховена (в записи Ф. Крейсlera и С. Рахманинова), две французские песни в ритме менуэта (их спела Е. Катильская), новелла Мопассана «Менуэт» (ее прочитал В. Аксенов) и два менуэта из музыки Бизе к драме Доде «Арлезианка» (в записи оркестра под управлением Тосканини)...

В таких передачах военных лет, как «Красноармейский радиочас», «Краснофлотский радиочас», неизменно

принимали участие и музыканты. Они выполняли заявки воинов, знакомили их с новыми сочинениями советских композиторов. Так складывалась еще одна форма общения мастеров искусств с фронтовиками. Напомню об одной из таких передач. 16 декабря 1942 года тотчас же вслед за обзором военных событий прозвучала подготовленная поэтом В. Гусевым композиция «Песни о народных героях». Автор сам читал свои стихи. Народные песни и произведения советских авторов исполнил Ансамбль песни Всесоюзного радио. Руководил им Б. Александров. Ансамбль звучал отлично и с редкой оперативностью выполнял все задания музыкальной редакции. И поныне многие советские композиторы с благодарностью вспоминают премьеры своих песен, подготовленные этим коллективом.

Нередко «Красноармейский радиочас» и «Беседы для Красной Армии» завершались выступлениями замечательного духового оркестра под художественным руководством И. Петрова. Исключительной популярностью у радиослушателей пользовались концерты Русского народного хора имени Пятницкого. В программах коллектива часто звучали песни его руководителя В. Захарова: «Вдоль деревни», «И кто его знает», «Зелеными просторами». Впервые в нашем студийном концерте была исполнена лучшая песня Захарова из написанных им в годы войны — партизанская «Ой, туманы мои, растуманы» (1942). Мы гордились тем, что она получила свое рождение именно у микрофона Всесоюзного радио, так же как и другие песенные шедевры военных лет: «Священная война» А. В. Александрова, «Заветный камень» Б. Мокроусова, песни Т. Хренникова, «Вечер на рейде» и «Играй, мой баян» В. Соловьева-Седого, «Вася-Василек» А. Новикова, «Шумел сурово Брянский лес» С. Каца... Не перечтешь всех замеча-

тельных созданий мастеров советской песни.

В музыкальной части передачи «Красноармейский радиочас», состоявшейся 18 октября 1942 года, были даны записи одного из первых ансамблей красноармейской самодеятельности, как известно, во множестве возникавших на всех фронтах Отечественной войны. Выступила в тот вечер и скрипачка М. Козолупова, сыгравшая «Ave Maria» Шуберта (в обработке Вильгельми) и один из Венгерских танцев Брамса. Мы неизменно, даже в самые трудные периоды войны, давали в эфир немецкую музыкальную классику. Зная, что русская музыка, в том числе классическая, была полностью исключена из передач немецко-фашистского радио, мы сознательно утверждали иное: все лучшее в мировом музыкальном искусстве должно звучать в передачах «Говорит Москва».

Систематически транслировались творческие отчеты советских композиторов. Одним из первых (24 октября 1942 года) выступил Т. Хренников. В радиопередаче приняли участие солистка Всесоюзного радио О. Гуровская, ленинградский певец, часто выступавший в ту пору у микрофона, Е. Флакс и автор. Ежедневно звучавшие передачи «Письма с фронта» и «Письма на фронт» также нередко составлялись при участии музыкальной редакции.

...21 декабря 1941 года в Большом зале Московской консерватории состоялся организованный Всесоюзным радио первый за шесть месяцев войны открытый симфонический концерт, транслировавшийся по всей стране. Большой симфонический оркестр исполнил оркестровые фрагменты из опер Глинки, Римского-Корсакова, Бородина. Любимые арии пели Н. Обухова, С. Лемешев, С. Мигай. Н. Голованов с большим подъемом провел этот исторически памятный

концерт, состоявшийся вскоре после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В дальнейшем открытые выступления нашего ведущего оркестра проводились регулярно.

Большое значение придавалось пропаганде советской симфонической и камерной музыки, а также широкому охвату русского классического наследия. Здесь самую большую творческую активность проявляли Большой симфонический оркестр под руководством Н. Голованова и Большой хор, во главе которого стоял опытный хормейстер И. Кувыкин. Отмечу несколько премьер. В самом начале войны оркестр и хор экстренно подготовили и исполнили ряд сочинений, в том числе увертюру Гедике «1941-й год» и Приветственный марш Н. Иванова-Радкевича. В апреле 1942 года прозвучали Двадцать вторая симфония (Симфония-баллада) Н. Мясковского, а позднее его же Двадцать третья, основанная на народных темах Кабардино-Балкарии, и Двадцать четвертая — сочинение лирико-философского склада.

14 февраля 1944 года Квартет имени Бетховена исполнил в радиопередаче «Новинки камерной музыки» Девятый струнный квартет Мясковского (написанный к 20-летию существования этого коллектива). Первую виолончельную сонату того же автора, созданную им еще в 1911 году, но заново отредактированную, подготовили С. Кнушевицкий (в то время солист Всесоюзного радио) и Л. Оборин (премьера состоялась 12 июля 1944 года). 12 мая 1943 года одна из ведущих солисток Всесоюзного радио Н. Казанцева исполнила в ансамбле с Большим симфоническим оркестром под управлением А. Орлова новое сочинение Р. Глиэра, горячо принятое слушателями, — Концерт для голоса с оркестром. 27 декабря 1943 года наш симфонический репертуар обогатился

премьерой Второй симфонии Г. Попова «Родина».

16 июня 1943 года среди новинок камерной музыки прозвучали романсы Н. Пейко в передаче другой замечательной артистки вокальной группы радио Н. Рождественской. Помимо упомянутых Н. Рождественской и Н. Казанцевой, активно работали на радио Г. Абрамов, Н. Александрийская, О. Амадова, В. Бунчиков, Г. Виноградов, В. Захаров, С. Киселева, А. Королев, В. Красовицкая, Л. Легостаева, В. Нечаев, К. Поляев, Г. Сахарова (Орлова), Д. Тархов, Гуго Тиц, П. Хачатуров.

Многие из них выступали в различных жанрах — от оперно-ораториальной музыки и камерных сочинений до массовых песен, эстрады, оперетты.

Параллельно с премьерами новых сочинений мы знакомили радиослушателей с некоторыми написанными ранее, но еще мало известнымиopusами советских авторов. Так, в августе 1943 года Малый симфонический оркестр под управлением Н. Аносова впервые полностью сыграл музыку Д. Шостаковича к шекспировскому «Гамлету» (созданную еще в 1932 году к постановке Театра имени Вахтангова).

Украшали наши программы также передачи, посвященные памятным датам советского музыкального искусства, и в особенности авторские вечера, привлекавшие широкое внимание советской музыкальной общественности. Некоторые из этих вечеров проходили в Колонном зале Дома Союзов, некоторые транслировались из студии. Не забыть авторского концерта А. Хачатуряна. Это было 31 мая 1944 года. Столь ярко прозвучал в тот вечер в исполнении Л. Оборина посвященный пианисту Фортепианный концерт. В программу вошли и Вторая симфония (с колоколом), и танцы из балета «Гаянэ». Дирижировал автор.

Весной 1944 года состоялась первая передача цикла «Композиторы

у микрофона». С рассказом о своей жизни и творчестве выступил в то время старейшина советской музыки Сергей Никифорович Василенко. Передачи «Композиторы у микрофона» позволили едва ли не всем ведущим и многообещающим молодым советским авторам получить всенародную трибуну.

В разделе новинок советской музыки мы старались знакомить аудиторию с произведениями различных жанров. На моей памяти исполнение поэмы-кантаты Н. Мясковского «Киров с нами», созданной в 1942 году к 25-й годовщине Октября (дирижер А. Ковалев), и написанной в том же году сюиты Д. Кабалевского «Народные мстители».

В студии на Малой Никитской состоялась премьера Сюиты Т. Хренникова из музыки к кинофильму «В 6 часов вечера после войны». Ее подготовили к праздничной передаче, транслировавшейся из студии 8 ноября 1944 года, Джаз-оркестр Всесоюзного радио под управлением А. Цфасмана и наши солисты В. Захаров и М. Михайлов,

26 марта 1944 года в 20 часов 40 минут Ю. Левитан прочитал сообщение, которого мы ждали с особым нетерпением: наши войска достигли государственной границы СССР! А перед самым этим исторически памятным моментом, в 20 часов 20 минут в студию на Малой Никитской пришел Сергей Сергеевич Прокофьев.

«В непринужденной манере композитор прочитал вступительный текст, а затем с только ему присущей красочностью и тонкостью исполнил фрагменты из своего нового сочинения — балета «Золушка». Какая художественная передача», — записано в моем дневнике.

...Все ближе дни великой победы. Наступило 1 Мая 1945 года. С какой тщательностью и ответственностью подготавливалась каждая передача!

Утром до трансляции парада с Красной площади прозвучал радиомонтаж «Дружба народов СССР» (стихи и песни союзных республик). А после парада в 12 часов 40 минут начался торжественный первомайский концерт по заявкам Героев Советского Союза. В дневные часы передавались новые песни советских композиторов, танцевальная музыка, арии из оперетт — все в едином потоке светлого звучания, нараставшего праздничного настроения.

Вечером в Колонном зале Дома Союзов состоялся большой концерт в трех отделениях, с участием Большого симфонического оркестра под управлением А. Орлова (звучала популярная музыка от Россини и Глинки до Иоганна Штрауса, солистка Д. Пантофель-Нечецкая). Ансамбля песни под руководством Б. Александрова, Джаз-оркестра Л. Утесова.

Не забыть какой-то особо подъемной атмосферы того вечера. Каждый знал, что наступили последние дни войны и страстно ожидал сообщения о победе над фашистской Германией.

...По окончании концерта мы вышли на шумную, заполненную праздничной толпой улицу Горького, миновали здание Центрального телеграфа, откуда транслировались музыкальные радиопередачи в первый день войны... Огромная полоса жизни пролегла между тем днем и этим праздником. Победоносно заканчивалась четырехлетняя военная страда. 9 мая 1945 года над Москвой, над нашей Родиной, над нашим великим народом взвилось знамя Победы.

II. БЕРЛИН, 1945

2 июня 1945 года группа работников Всесоюзного радио, среди которых был и автор этих строк, вылетела из Москвы в Берлин. Нам было поручено помочь нашим немецким колле-

гам наладить их работу в Берлинском Доме радиовещания (Berliner Rundfunkhaus). В нашу группу вошли инженеры и техники, звукооператоры и работники различных редакций Всесоюзного радио. Иные пришли на радио с фронта, после тяжелых ранений. Музыкантов было двое — Борис Давидович Владимирский и я.

...Наш самолет совершил посадку в разрушенной Варшаве. Наспех сколоченный барак — это пассажирский аэровокзал. Запомнилась семья какого-то почтенного поляка, приютившаяся на одной из скамей вокзального ресторана. Худые, испуганные лица детей. Красавица мать. Трогательно говорила она о Варшаве, веря в то, что город восстанет из пепла... Глава семьи, узнав, что я музыкант, пожал мою руку. «Шопен — Чайковский», — произнес он с каким-то особым чувством.

И вот, наконец, Берлин. Идем по вечернему сумрачному городу к ближайшей комендатуре. Вдаль тянется бесконечная улица с разрушенными домами, остовами домов, мостовыми, засыпанными щебнем. В полумраке изредка встречаются прохожие. Увидев группу советских офицеров, они настороженно смотрят на нас. Иные взгляды подозрительны, злобны. К полуночи мы пришли в комендатуру, где нас расположили на ночлег.

...Первая ночь в Берлине. Не могу уснуть. Слушаю бой часов и почему-то думаю о музыкантах, которые, возможно, жили некогда совсем близко отсюда, чьей игрой мы заслушивались еще в годы учения, — Артуре Шнабеле, Эгоне Петри...

Утром на грузовиках едем из отдаленной комендатуры в центральный район старого Берлина — Шарлоттенбург, где находится Дом радиовещания. Здесь мы будем жить и работать.

...Радиодом в Шарлоттенбурге окружен высокими тополями. Темное массивное здание неприметно.

Напротив него стадион и высокая башня, полуразрушенная бомбами. Во дворе Радиодома просторный бункер. Нас радует здесь порядок, налаженность работы редакций.

Вспоминается первая встреча с немецкими «музикусами». Среди них выделялся эрудицией руководитель секции *Ernstes Musik* (серьезной музыки), в прошлом дирижер и организатор музыкальных фестивалей Генрих Буркард. Другие редакторы представляли самый обширный раздел вещания *Unterhaltungsmusik* (развлекательной музыки). Мне было поручено консультировать музыкальных редакторов Берлинского радио и в случае необходимости оказывать им товарищескую помощь, при этом никоим образом не нарушать привычной канвы немецких радиопередач и по возможности тактично знакомить своих коллег, а следовательно и аудиторию радиослушателей с той музыкой, которая была запрещена при Гитлере (а в число запрещенных входили и вся русская классика, и все произведения советских композиторов). Даже такие опусы, как «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева и Пятая симфония Д. Шостаковича, созданные еще в предвоенные годы, были незнакомы немецким музыкальным радиоредакторам.

В нашем распоряжении имелись записи лучших сочинений советской музыки, выступлений виднейших советских артистов и коллективов, День ото дня они стали включаться в радиопередачи, вызывая массу благодарственных писем немецких слушателей.

Однажды Генрих Буркард обратился ко мне с просьбой проконсультировать музыкальную программу, следовавшую за сообщением о трагической судьбе немецких коммунистов, загубленных в Бухенвальде. Среди сочинений, включенных Буркардом в программу, фигурировала A-moll-ная

Соната Шумана для скрипки и фортепиано (op. 105).

— Вы помните, г-н Буркард, вторую часть этой сонаты, в F-dur'e, столь добродушную по настроению, с интонациями юмора? Удобно ли, чтобы эта музыка прозвучала вслед за столь трагическим сообщением? — спросил я немецкого коллегу. Не забыть почтительного взгляда Буркарда, обращенного ко мне в ту минуту. Он вдруг осознал, что мне — советскому офицеру действительно знакома шумановская скрипичная соната.

Редакционных обязанностей был непочатый край. Со вниманием и чувством ответственности мы составляли ежевечернюю передачу — «Концерты объединенных наций». Звучанию советских записей предпосылались небольшие аннотации.

Разумеется, широко включались в программы и записи немецкой музыки. Так, 11 июня 1945 года из Берлина прозвучал концерт-приветствие Рихарду Штраусу в связи с 81-й годовщиной со дня рождения маститого композитора. Рихард Штраус находился тогда в Вене. Над двухчасовой передачей (копия ее хранится в моем архиве) трудились и Буркард, и автор этих строк. В заключение концерта интендант Берлинского радио антифашист Ганс Мале произнес несколько приветственных слов Рихарду Штраусу от имени Берлинского радиодома.

В большом концертном зале Радиодома выступали известные немецкие артисты, остававшиеся в Берлине, знаменитый оркестр Берлинской филармонии. В переполненной аудитории за несколько минут до начала концерта воцарялась полная тишина — помню, это всякий раз удивляло нас: не радостный шум ожидания подготавливал встречу с искусством, а некое отрешение от житейской суеты, полнейший штиль. Но зато после исполнения — та же знакомая буря аплодисментов, нескончаемые возо-

вы солистов. Мы слушали в Берлинском радиодоме Немецкий реквием Брамса в глубоко взволновавшей нас трактовке Леопольда Людвига, симфонию Дворжака «Из Нового Света», симфоническую поэму Глазунова «Степан Разин», поэмы Листа. Нас покорила культура звучания оркестра Берлинской филармонии — слаженность групп, многообразие динамики, редкое мастерство штрихов. Вильгельма Фуртвенглера, руководителя этого коллектива, не было тогда в Берлине. Дирижировали его ассистенты. Концерты записывались на магнитофонную пленку. Из солистов довелось услышать того же Л. Людвига, как-то безжизненно и академично сыгравшего А-dur'ный Фортепианный концерт Моцарта, владевшую искусством глубоко драматичной интерпретации контральто Маргариту Клозе, исполнителей моцартовских арий сопрано Эрну Бергер и баритона Петера Андерса.

Концерты раздела серьезной музыки чередовались с многочисленными развлекательными передачами.

Уже войдя в ритм работы музыкальной редакции, я однажды поделился с берлинскими коллегами впечатлениями доброжелательно настроенного слушателя: не слишком ли много передач носит чисто развлекательный характер, не следует ли стремиться к большей содержательности музыкального вещания?

Некоторое время спустя немецкие коллеги показали нам статью журнала «Rundfunk», в которой как раз дебатировался затронутый вопрос. Один из абзацев статьи гласил: «Музыка на радио должна представляться в образе древней богини, держащей в одной руке корону, а в другой шутовской колпак».

Поначалу в практике шарлоттенбургского дома отдавалось явное предпочтение последнему, причем порой он вступал в просто недопу-

стимое противоречие с передававшимися смежными материалами.

Отрадно было видеть стремление немецких музыкантов к тому, чтобы корона богини все активнее вытесняла из практики Берлинского музыкального вещания шутовской колпак. Пожалуй, наибольший интерес радиоаудитории вызвал в те дни цикл концертов «То, что от нас скрывали», построенный на материале изъятых нацистами из вещания музыкальных сочинений и записей: в числе первых передач цикла были «Произведения Сергея Прокофьева, созданные в 30-40-х годах», «Мендельсон-Бартольди и Гёте», «Кальманиана». Прозвучали записи Артуро Тосканини, полностью исключенные из немецко-фашистского вещания.

Нельзя не вспомнить поистине потрясающего впечатления, которое произвела музыка советских композиторов, обогатившая Берлинское музыкальное вещание тех дней. Были переданы Пятая и Седьмая симфонии Д. Шостаковича, Пятая симфония и музыка из балета «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, ряд вокальных и инструментальных сочинений Н. Мяскового, Д. Кабалецкого, А. Хачатуряна, Т. Хренникова...

Незнакомые дотоле в Берлине, эти сочинения ассоциировались с гуманизмом советской музыкальной культуры. Я бережно сохраняю одно из полученных в те дни писем:

«Шарлоттенбург. 17.6.45.

Только что прослушал Вашу передачу. Восхищен. Подобные передачи способствуют нашему пониманию Советской России, сближению с ее народом. Нацистская пропаганда прививала ненависть ко всему русскому. Но возможно ли, чтобы подобная музыка, подобные песни принадлежали варварам?..

Да, многое божьей милостью переменялось...

Э. Бельвиг».

Вечерами после работы мы с Борисом Давидовичем Владимирским и инженером Николаем Сергеевичем Чугуновым устремлялись в дальние прогулки по Берлину. Порой к нам присоединялась обаятельная наша соотечественница Вера Владимировна Саква, прибывшая в Берлинский радиодом вместе с группой советских переводчиков. Блестящий знаток немецкого языка, умный и наблюдательный человек, Саква умела объединить всех нас. У нее за чашкой чаю мы делились берлинскими впечатлениями, мечтали о мирных твор-

ческих днях на родине. К несчастью, жизненный путь Веры Владимировны был недолог. Тяжелая болезнь унесла ее в расцвете лет...

1 июля 1945 года, согласно решениям, принятым в свое время союзными державами, в Берлин вступили американские и английские войска. Радиодом Шарлоттенбурга отошел к нынешней территории Западного Берлина.

Мы переехали в близлежащий от Берлина Кёниг Вустерхаузен, а 16 июля 1945 года возвратились на родину.

Андрей Каратыгин

ИЛЛЮЗИЯ КИНО КАК ЯВЛЕНИЕ ЛАТЕНТНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Хотя мы живем на земле и взираем на небо, души заключены в пещере нашего тела; так что они неизбежно воспринимают бесчисленное множество обманчивых и ложных образов... чувство само по себе слабо и заблуждается...

Фрэнсис Бэкон

В 2006 году на экраны кинотеатров вышла очередная голливудская работа — фильм Нила Бёргера «Иллюзионист». Он произвёл хорошее впечатление, даже номинировался на «Оскар» по операторской работе, престижной награды удостоился автор музыки композитор Филипп Гласс — один из последних могикан серьёзной музыки. И операторская и композиторская работа действительно впечатляют и вызывают хорошую зависть, к сожалению наш (настоящий) кинематограф, при очевидной сущностной насыщенности, существенно отстаёт в художественной. Названный фильм регулярно транслируется российскими каналами. Что привлекло внимание в фильме? Внешней оболочки я уже коснулся — прекрасная музыка Гласса, операторская работа замечательна и, вообще, фильм действительно художественный, как и многие работы Голливуда.

Но то, что я хочу обсудить, не касается художественных качеств картины, а того, о чём она в своей подоплеке. Для начала возьмём краткое содержание фильма из Википедии.

Фильм — романтическая любовная история, в которую вплетены элементы мистики и магии. Картина начинается эпизодом из середины фильма

(инспектор Уль приходит с докладом к кронпринцу; по сути своей рассказ в рассказе), которая затем сменяется рассказом об иллюзионисте по фамилии Абрамовиц, которого сыграл Эдвард Нортон, и о его прошлом. Он был сыном краснодеревщика, делавшего мебель для аристократов. Легенда о нём гласит, что однажды он встретил на дороге волшебника, который показал ему несколько фокусов, тронул за плечо и исчез вместе с деревом, под которым сидел. Но никто не знает, что тогда произошло на самом деле. Еще в детстве иллюзионист познакомился с герцогиней фон Тешин, вскоре они стали очень близки, а дружба их переросла в любовь. Софи, герцогиня, тайком встречается с ним, несмотря на запреты её семьи, вместе они мечтают уехать путешествовать. Последняя их встреча была прервана: Софи и молодой иллюзионист были насильно разлучены.

После этого Эдуард Абрамовиц уезжает и долгое время путешествует по миру: он был в России, различных странах Азии... Возвращается в Вену он уже взрослым человеком, взяв себе артистический псевдоним Айзенхайм. Он быстро завоевывает публику своими выступлениями. И вскоре на его представление приезжает сам принц Леопольд со своей невестой — той самой Софи, с которой Айзенхайм провел юношество.

Преодолевая все преграды на пути в попытке снова быть вместе, Айзенхайм показывает свой главный фокус, раскрыть который удастся лишь главе полиции – Вальтеру Улю.

Казалось бы, обычная любовная история со счастливым концом, как и положено. Более того, наши прокатчики особым образом перевели девиз фильма. В русской версии он звучит как: «всё иллюзорно... кроме любви», хотя оригинальная версия сильно отличается: «nothing is what it seems» — то есть — «ничто не есть то, чем кажется», согласитесь, что наши прокатчики поняли фильм специфическим образом, либо они что-то проглядели, либо сознательно понизили планку фильма до любовной истории.

На мой взгляд, в фильме показана история классической и вполне либеральной манипуляции, приводящей при довольно симпатичной и трогательной внешней канве, к изменению истории целого государства. Если смотреть фильм внимательно, то за тем содержанием, которое приведено выше, показывается нечто другое — а именно то, что главный герой фильма — Абрамовиц — Айзенхайм предостраивает, а вовсе не предвидит развитие событий. Он решает свои личные проблемы весьма изящно для себя самого и своей возлюбленной, которую, кстати, даже не узнает после длительной разлуки. Герой фильма буквально пошагово формирует череду событий, которая приводит его к успеху, а его соперника — государственного деятеля — к самоубийству, которое по понятным причинам меняет ход истории целого государства. Его соперник (кронпринц) лёгкими штрихами показывается как потенциальный убийца и заговорщик, замышляющий получить престол Австро-Венгрии досрочно, через свержение своего отца — императора — особых доказательств и не требуется. И в случае русского перевода деви-

за фильма — это не кажется странным — фильм-то совсем не о том! Но в случае английского смысла девиза, не всё кажется таким уж однозначным. Даже без подсказки продюсеров видно, что любовный сюжет гладко прикрывает процесс развала целого государства при полном и фактически глупом восторге окружающих, очарованных иллюзионистом-манипулятором. Пускай он решал только свои частные вопросы, но ведь попутно этот фокусник коварно уничтожает будущего главу империи — какие мелочи!

В конце фильма происходит диалог между принцем и следователем Улем, где принц подтверждает, что разговор с целью захвата трона им (потенциально принадлежащего ему и по праву) существует и пытается объяснить Улю необходимость перемен для сохранения государства и, заодно, старается открыть глаза следователю на реальность и вывести его из состояния опьянения иллюзией, но для следователя уже и правда может быть иллюзией, по его собственному заявлению, а на вопрос принца — «чего вы хотите?» Уль отвечает — «ничего», вот против таких людей, не желающих и не могущих ничего и пытается поднять бунт принц и старается донести этот смысл до инспектора. Следователь Вальтер Уль идёт же по «пути, впечатанном мелом в асфальт» (Б. Гребенщиков) — прямо перед упомянутым выше диалогом показано также самое последнее представление иллюзиониста, где он окончательно «просуггестировал» Уля — призрак Софи сообщил, что у неё был на шее медальон и «...где же он теперь?» (ищи, Уль!). И Уль пошел с обыском к Абрамовицу, который, зная интерес следователя к механике фокусов, а не к обобщениям, выложил на своём столе варианты развития событий — папку с секретом апельсинового дерева, заинтересовавшего инспектора, и пузырьёк с красной жидкостью, который до выбора этой папки ин-

спектор даже берёт в руки. С красной жидкостью, весьма похожей на ту, что использовали для имитации убийства Софи! Пузырёк (верный путь) не привлёк внимание Уля, но зато инспектор открывает папку с манящим секретом сценической игрушки, а в ней вместо описания секрета фокуса оказывается чертёж медальона, который и должен найти любопытный Уль. Сработало! Уль взял ложный след добросовестно и рьяно, дальше уже дело техники.

В конце фильма главный полицейский империи, призванный хранить государство, восторженно улыбается, наконец поняв все комбинации иллюзиониста, при этом так и не осознав глобальных последствий самих событий, в которых он принимал деятельное участие, и на которые он должен был бы влиять охранительно по долгу своей службы. И сколько же раз подобное непонимание было в реальной истории! Режиссёр в конце фильма ретроспективно показывает зрителю то, что осталось за кадром, но именно то, что кардинально меняет всю оценку событий. Фокусник весьма искусно провоцирует кронпринца на встречу с ним. На встрече иллюзионист тайком изымает часть драгоценной отделки клинка кронпринца, чтобы подбросить её в нужное место для наведения будущего следствия на невиновного (если он не предполагал использование этих предметов в качестве ложных улик, то зачем он их вообще крал?). Затем возлюбленная фокусника лишает своего жениха (кронпринца-злодея) контроля над собой, подлив ему отравы в бокал с вином. Далее она же ловко имитирует стычку с ним, обыграв её как зверское убийство самой себя ничего не подозревающим принцем, и вводит немногих свидетелей в иллюзию того, что всё именно так и было. Затем возлюбленная иллюзиониста, как сушая авантюристка, принимает снадобье, данное ей им, и впадает в летаргию, дабы пустить следствие по ложному пути, при-

чём единственному пути, неизбежно ведущему к фигуре кронпринца. Мне скажут, что Абрамовиц не ставил перед собой задачи изменения государственного устройства в данном случае Австро-Венгрии, ему надо было просто «убрать» могучего соперника. Правильно, но тем более, если для удовлетворения в общем-то нехитрой личной потребности он с лёгкостью и под аплодисменты доводит человека, наделённого высшей властью, до самоубийства, то что стоит компании иллюзионистов разрушить любое государство?

На протяжении всей драмы с «убийством» Софи Абрамовиц разыгрывает из себя несчастного возлюбленного с разбитым сердцем. При этом он обливается слезами, даже пытается материализовать свою возлюбленную, мучась от смертельной тоски. Но развязка этой киноистории показывает зрителю, что это была лишь симуляция, которой все легко поверили, включая и наших доверчивых прокатчиков. Режиссёр фильма, конечно, понимал второй план своего произведения, и дал все ключи к этому знанию пытливому зрителю, но, к сожалению, он никак не выразил своего отношения к происходящему на экране, сделав красивый фильм про победу БОЛЬШОЙ ЛЖИ. То есть он поступил вполне либерально, видимо полагая, что умные зрители и так всё поймут, остальным же знать главное — совсем даже не обязательно. Здесь можно найти полную противоположность с фильмом Алана Паркера «Жизнь Дэвида Гейла», где герой сам себя оклеветал и пошел на электрический стул, дабы показать, что «nothing is what it seems». Только акцент в данном случае противоположный — у Паркера герой жертвует собой во имя отрезвления людей, одурманенных «иллюзионистами», пробуждения их к сути происходящего! Именно в этом для меня главный смысл этого честного фильма.

Либерализм, как особое мировоззрение, прикрывается бесспорными и близкими каждому мотивами и истинами, но в своем глубинном смысловом основании и в последствиях своего применения ведёт непременно к масштабным разрушениям, которые зачастую выглядят совершенно неожиданными на первый взгляд — «обещал ведь жаниться, цветы, да абрикосы дарил, а таперича...», то есть он всегда обманывает ожидания. При пристальном же подходе, к которому и призывает наш журнал, можно и должно видеть за фасадом либерализма, рядящимся в одежды гуманизма, вполне ясную агрессивность и манипулятивность, красивую оболочку при совершенно разрушительной сути в своем предельном выражении.

И наши российские прокатчики, похоже, добросовестно ввалились в расставленную ловушку, да еще и приглашают в нее же доверчивого зрителя — «всё иллюзорно... кроме любви»... Но так ли это, в самом деле? Или нужно ли всё вокруг превращать в иллюзию во имя любви? Напомним,

Иллюзия (лат. *illusio* – заблуждение, обман) – искаженное восприятие реально существующего объекта или явления.

Поэтому даже русский вариант перевода отчасти соответствует содержанию фильма — действительно, Абрамовиц прибегает к обману во имя своей любви, правда, руша при этом жизни и судьбы многих людей, которые по чьему-то произволу лишаются права быть любимыми и любить, так как мешают желаниям более хитрого и изворотливого лица. Он с самого начала демонстрирует своё бесспорное интеллектуальное превосходство и блестящее мастерство, и единственный, кто не поддается его чарам, как раз и был его соперником, с которым он и расправляется, как говорит Википедия, показав свой главный фокус.

Странно, ведь фильм-то весьма милый и манящий, но фактически он образец «разводки с подставой» в замечательной упаковке с хеппиэндом и с имитацией торжества справедливости.

Возвращаясь к иллюзионисту как к собирательному образу мировой истории, следует сказать, что его усилия объективно ведут к одному результату — к воцарению антихриста, который сам по себе есть величайшая в мироздании иллюзия истины.

Видимо поэтому и неслучайно наши либералы пропагандируют циничные максимы, типа: ...а никто счастья и не обещал, или... если ты талантливый и предприимчивый (или считаешься таковым среди либералов), ты сам должен жить существенно богаче и лучше прочих, бесталанных. По представлению одного российского сенатора: «иностранцы рабочие должны (!!!) выполнять тяжелые работы, русские же должны быть прорабами при них». А кто должен занять все вышележащие ступени над этими двумя низшими, он почему-то не назвал — дескать, сами должны догадаться. Либералы предлагают нам конкурентную борьбу по своим собственным правилам, приводящую при внешне гуманных лозунгах к необратимому расслоению общества и присвоению ими гарантированной элитарности и собственной востребованности — правила-то просчитаны на предсказуемый и беспроигрышный результат в пользу либерального «Казино».

Фильм показывает универсальную методику создания управляемого общества — с одной стороны наивная и обремененная жизненными тяготами публика, возглавляемая и третируемая послушными и недалёкими «Улями», а с другой — интеллектуально мошенническая «элита», умело и агрессивно поддерживающая именно такой status quo, который существует и поныне, хотя и трещит по швам. Творческие и самостоятельные личности просто

«сливаются» — вариантов множество. Мы видим их применение по всему миру каждый день, к сожалению.

Меня могут спросить, а почему, собственно вы характеризуете сюжет фильма, как либеральную «разводку»? А потому, что либерализм ставит права личности над государством в противоположность патриотизму (отсюда глобализм, попытки размывания национальной идентичности и прочие потуги, подразумевающие стыдность имени национальности). Понятно, что упреки в национальной принадлежности, а тем более преследования по национальному признаку, должны пресекаться государственным правом, но иметь национальность не стыдно, а нормально, и не хорошо и не плохо. Поэтому фильм и привлёк внимание, что он в форме сказки показывает вполне реальный вариант либерального идеала — влюблённая пара накренила государство, не особо заботясь о судьбах живущих там людей, хотя по оглашению они будут полны любви к ближнему. Это напоминает гайдаевский шедевр «Операция «Ы»», где персонаж Георгия Вицина по малой надобности берёт детский горшок из самого низа стопки, полностью разрушая её целостность и состояние отдельных частей — эмалированное покрытие хрупкое. Но, конечно, он решает свой частный вопрос вполне успешно. Как и множество наших современников по всему миру.

Христианская добродетель — смирение, плохо уживается с либеральными амбициями. Антихрист не встанет смиренно пред Спасителем на колени и не скажет — «прости меня, Господи!», но охотно и настойчиво будет принимать поклонение от заблудших.

Р. S.

Раз уж мы коснулись темы «всё иллюзорно... кроме любви» видимо, надо упомянуть еще и знаменитый

фильм Энтони Мингеллы «Английский пациент» 1996 года. Он собрал множество наград, в том числе и «Оскар», и уже 15 лет периодически появляется на ТВ экранах — фильм, да и материал по которому он сделан — сильные. В кинокартине заняты хорошие актёры — в общем, чего и говорить — фильм добротный и эмоционально захватывающий. Опять воспользуюсь Википедией для воспроизведения содержания кино.

Над Сахарой летит биплан. В его кабине двое: на переднем сиденье молодая женщина в шёлковом платке, за штурвалом — мужчина. Неожиданно самолёт сбивают с земли солдаты, одетые в немецкую форму (становится понятно, что действие происходит в период Второй мировой войны). Подбитый самолёт стремительно падает, пилот пытается вывести его из крутого пике, но неудачно — самолёт падает на землю в нескольких милях от того места, где был подбит, взрывается и горит.

Бедуины находят обломки самолёта и пассажиров. Мужчина ещё жив. Его заворачивают в ткань и везут через пустыню к местному лекару, который спасает ему жизнь.

Пилот выжил, но он теперь мало похож на человека. Это кусок обгорелой, покрытой шрамами плоти. Жизнь ещё держится в нём, но её угасание очевидно. Пилот не помнит ничего, даже своего имени. Для окружающих он просто «английский пациент».

После переправки в Европу, в Италию, английский пациент оказывается на попечении молодой медсестры, Ханны. Идут последние дни войны. Италия повсеместно освобождается союзными американскими и английскими войсками.

Осознавая неизбежность смерти своего подопечного, Ханна решает не следовать за санитарным поездом, а остаться с ним вдвоём в небольшом опустевшем итальянском монастыре, дабы дожидаться

конца. Сама пережившая недавно трагедию потери любимого человека, Ханна жаждет одиночества.

Неожиданно третьим компаньоном умирающего и его сиделки становится загадочный канадец с изуродованными руками по фамилии Караваджо. Караваджо ищет человека, по чьей милости ему пришлось перенести пытки нацистов, человека, выдавшего агентурную сеть, участником которой был Караваджо, немцам.

На фоне роскошного весеннего пробуждения природы Италии протекают последние дни английского пациента, воскрешающего в своём сознании события, предшествовавшие роковому обстрелу самолёта. Умирающий рассказывает Ханне историю его прекрасной любви к замужней женщине, трагически пересекающейся с историей провала антифашистской агентурной сети в Северной Африке.

Я не случайно воспроизвёл трактовку сюжета фильма Википедией, другие источники излагают его достаточно близко. Существенно для меня упоминание в конце приведенной цитаты о «трагическом пересечении с историей провала антифашистской агентурной сети в Северной Африке». А что явилось причиной этого? Что явилось причиной гибели лучшего и преданнейшего друга главного героя? Что явилось причиной гибели мужа героини, её самой и, затем, и самого английского пациента? Что хотел сделать Караваджо с человеком, с подачи которого он прошёл через нацистские пытки и превра-

тился в инвалида и наркомана? Это всё цена той восхитительной по красоте и силе страсти, перед которой не устояли главные герои картины.

Для них действительно всё иллюзорно, кроме любви, и конечно трудно осуждать героев за это, но что делать с жертвами этой роковой страсти? Как совместить красоту любовных чувств и людей, захваченных ими, с человеческими жертвоприношениями, вызванными, на первый взгляд, войной, но на самом деле и в мирной жизни вполне реальными? Я думаю, в этом и сила этого фильма, что второй план событий не завуалирован, а идёт в прямой причинно-следственной связи с первым. Конечно, сюжет фильма намеренно помещён в события Второй мировой войны, дабы усилить именно эмоциональные краски. Художник фильма, в свою очередь, явно смягчал, размывал реальные краски самой описываемой картины — забываемо начало фильма — блёклые песчаные волны с гипертрофированными тенями, напоминающие то ли женское тело, то ли океан таинственного цвета, и дальше по фильму художник очень сдержанно работает с цветом. Всё внимание обращено на действие. А действие показывает явно неоднозначную любовь главных героев. И любовь ли это на самом деле? А может отношения медсестры Ханны и индийского (сикхского) офицера имеют больше перспектив стать любовью? По крайней мере, фильм заставляет задумываться о месте и значении любви в жизни.